

ГЛАВА 18-я.

О мошенничествѣ.

А. Общія замѣчанія.

Если для каждаго юриста ученіе объ обманѣ представляетъ значительныя трудности, такъ какъ не всегда легко провести границу между гражданской и уголовно наказуемой неправдой, то и для С. С. по той же причинѣ затруднительно производство слѣдствій о мошенничествахъ; затруднительны, кромѣ того, слѣдствія эти еще и потому, что во многихъ изъ нихъ требуются совершенно особыя техническія познанія, для которыхъ совсѣмъ не имѣется свѣдущихъ лицъ. А если бы таковыя лица и нашлись, то заключенія ихъ не могли бы принести пользы дѣлу, такъ какъ С. С. и самъ настолько долженъ быть освѣдомленнымъ, чтобы, при обсужденіи вновь открывающагося обстоятельства и соотвѣтственно этому, умѣлъ самостоятельно ставить при допросѣ надлежащіе вопросы.

Изъ безчисленнаго множества случаевъ различныхъ мошенничествъ мы излагаемъ ниже лишь немногіе изъ нихъ, отчасти вслѣдствіе невозможности перечислить всѣ тѣ спеціальныя знанія, которыя С. С. приходится имѣть при производствѣ слѣдствій по такимъ дѣламъ, а отчасти потому, что въ этомъ отношеніи самое лучшее держаться правила: «изучай и знакомься также и съ этой областью человѣческихъ знаній». Если обманъ совершенъ при поставкѣ сукна, стекла, лѣса, хлѣба, то С. С. обязанъ ознакомиться со всѣми вопросами, касающимися каждаго изъ упомянутыхъ предметовъ; идетъ ли дѣло о мошенничествѣ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ или въ области биржевыхъ спекуляцій, и съ той, и другой отраслью придется ознакомиться добросовѣстному С. С.

Остановившись на немногих видах мошенничества, я руководствовался въ выборѣ ихъ различными соображеніями. Я излагаю во-первыхъ, тѣ, о которыхъ мало писалось въ литературѣ, и вторыхъ, тѣ, о которыхъ хотя и писали, но не въ такой формѣ, какъ это необходимо для С. С., которому приходится въ случаѣ надобности дѣйствовать быстро, напр., при обманѣ въ сбытѣ лошади. Поверхностно я касался тѣхъ видовъ мошенничества, разслѣдованіе которыхъ возможно лишь при предварительной, специальной подготовкѣ, и затѣмъ тѣхъ, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуютъ участія эксперта (напр., при обманной продажѣ древностей и произведеній искусства), или, наконецъ, тѣхъ видовъ мошенничества, о которыхъ было писано мною ранѣе, напр., при шулерствѣ. По отношенію же къ остальнымъ видамъ мошенничества я могу повторить свой прежній совѣтъ, чтобы С. С. никогда не упускалъ случая обогатить себя какими-либо новыми свѣдѣніями: ибо будетъ время, когда они окажутся для него полезными.

В. О подлогахъ документовъ.

1. О подлогѣ документовъ вообще.

Обширное поприще для дѣятельности различныхъ экспертовъ и для С. С. въ особенности представляютъ подложные документы, изъ числа которыхъ преобладаютъ подложныя паспортныя книжки и виды на жительство, росписки въ полученіи денегъ, пропускныя свидѣтельства для скота. Какъ бы ни было ничтожно на первый взглядъ значеніе такихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе С. С. обязанъ относиться къ этимъ документамъ съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ съ помощью этихъ документовъ государство осуществляетъ, въ интересахъ общественной безопасности, надзоръ свой за подданными, и С. С. нерѣдко удается тѣмъ же путемъ обнаружить давно розыскивавшагося виновнаго по другому дѣлу.

Дѣла особой важности: о подлогѣ духовнаго завѣщанія, подложномъ составленіи денежныхъ документовъ на крупную сумму и документовъ иного рода, которые не могли быть составлены грубою рукою странствующаго негодяя или профессиональнаго воришки и исходятъ отъ опытнаго составителя подложныхъ бумагъ, примѣнившаго всю утонченную ловкость своего искусства, — такія дѣла требуютъ отъ С. С. не только ревностнаго и упорѣйшаго

труда, но еще и помощи со стороны цѣлаго ряда свѣдущихъ лицъ. Приходится приглашать опытнаго каллиграфа, химика, микроскописта, бумажнаго фабриканта, ботаника и фотографа. Тѣмъ не менѣе въ этихъ случаяхъ успѣхъ главнымъ образомъ и болѣе всего зависитъ отъ доброй воли, проницательности, сообразительности и настойчивости С. С., который никогда не долженъ забывать, что самый ловкій искусникъ въ подлогахъ можетъ допустить ошибку, именно какую-нибудь «одну большую глупость»,—съ чѣмъ мы такъ часто встрѣчаемся въ крупныхъ уголовныхъ процессахъ. Я имѣлъ случай видѣть одинъ весьма важный документъ, который оказался подложнымъ и поддѣланъ былъ съ удивительною ловкостью, почти художественностью: бумага, почеркъ, чернила, содержаніе, форма, все это было подобрано съ мастерствомъ, но составитель допустилъ невѣроятный промахъ, включивъ въ текстъ слова о «покойномъ» императорѣ Францѣ, между тѣмъ документъ былъ датированъ числомъ и годомъ, предшествовавшими на два года смерти этого императора. Поддѣлыватель, когда составлялъ документъ, привыкъ слышать постоянно о «покойномъ императорѣ Францѣ» и въ силу этой привычки слова эти помѣстилъ въ документъ,—какое обстоятельство и повело за собой раскрытіе преступленія. Подобный же случай передаетъ Вильямъ Вилльсъ («The principles of circumstantial evidence». Лондонъ 1862 г.): въ 1839 году пѣкій Александръ Гомфрей задумалъ на основаніи подложныхъ документовъ старыхъ временъ завладѣть большими суммами. Представленные имъ документы были поддѣланы удивительно хорошо, но скоро открылось, что одинъ изъ нихъ отъ 7 декабря 1639 года подписанъ канцлеромъ архіепископомъ Споттисвудомъ, который, по справкѣ, умеръ 26 ноября 1639 г. Поддѣлыватель, имѣя въ рукахъ списокъ канцлеровъ, усмотрѣлъ изъ него, что преемникъ Споттисвуда, лордъ Лаудонъ, вступилъ въ должность въ 1641 г., и заключилъ отсюда, что до этого года канцлеромъ былъ Споттисвудъ: онъ не зналъ, что между этими лицами должность канцлера оставалась незамѣщенной въ теченіи двухъ лѣтъ.

Въ одномъ важномъ письмѣ, составившемъ главное доказательство въ одномъ процессѣ о наслѣдствѣ,—дата 18/xi 1881 года была передѣлана на 18/xii того же 1881 года, при чемъ поддѣлыватель упустилъ изъ виду, что въ томъ письмѣ упоминалось 31 число истекшаго мѣсяца, и это упоминаніе, конечно, не могло относиться къ ноябрю мѣсяцу.

Рядъ поразительныхъ данныхъ обнаружился при разбира-

тельствѣ въ дѣлѣ о подлогахъ дворянскихъ грамотъ, разбиравшихся въ 1893 году въ Прагѣ, когда виновные предоставили дворянское званіе разнымъ лицамъ при помощи самыхъ невѣроятныхъ подлоговъ.

Такіе случаи доказываютъ, до какой степени важно содержаніе, текстъ сомнительнаго документа подвергнуть всесторонней провѣркѣ, такъ какъ обнаруженныя несообразности, стилистическіе обороты, анахронизмы, неправильное цитированіе лицъ и событій могутъ дать основаніе для важныхъ выводовъ.

Ниже я позволю себѣ изложить нѣсколько дѣлъ о подлогахъ съ указаніемъ способовъ ихъ раскрытія: хотя ни одно дѣло не повторяется въ практикѣ С. С., тѣмъ не менѣе дѣла эти могутъ показать, на какія мелочи слѣдуетъ обращать вниманіе, какіе методы примѣнять и какъ пользоваться ими по отношенію къ вновь возникающимъ дѣламъ, конечно, *mutatis mutandis*. То, чему мы вообще можемъ научиться изъ наукъ, для насъ постороннихъ,—по преимуществу сводится лишь къ познанію методовъ, и къ ихъ изученію мы и должны направлять свои усилія. Потому я совѣтую тѣ историческія книги, въ которыхъ излагается исторія какого-либо подлога, изучать именно съ точки зрѣнія ознакомленія съ тѣми методами, при помощи которыхъ были раскрыты подлоги, напр., Бреслау, Мейера ф. Кронау, Г. Эллингера, Ваттенбаха и Аделунга. Много можетъ поучительнаго почерпнуть криминалистъ при изученіи ряда тѣхъ трудовъ, которые изданы были по поводу подлога одного важнаго историческаго документа. Много интереснѣйшихъ случаевъ подлога средневѣковыхъ документовъ описано въ изданномъ въ 1895 г. 1-мъ томѣ «*monumenta hist. ducatus Carinthiae*» (Jaksch, «*Die Gurker Geschichtsquellen*»), а въ особенности въ знаменитыхъ трудахъ Ваттенбаха.

Приведу нѣсколько примѣровъ подобныхъ подлоговъ.

Интереснѣйшій научный подлогъ былъ сдѣланъ Венцелемъ Ганкой, хотя и безъ корыстной цѣли, которому принадлежитъ «Краледворская рукопись», стихотворное произведеніе, составленное съ огромнымъ трудомъ и несомнѣннымъ знаніемъ дѣла на старочешскомъ языкѣ, съ цѣлью дать своимъ соотечественникамъ то же, что представляетъ наша древне-германская поэзія. Стихотворенія эти были настолько удачны, что ихъ читали и удивлялись имъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и даже Гете взялъ одно изъ нихъ для своего творчества. Нынѣ, однако, всѣ эти стихотворенія признаны поддѣланными. При химическомъ изслѣдованіи краски, употребленной

для художественнаго изображенія начальныхъ буквъ, оказалось, что въ числѣ этихъ красокъ примѣнялась и берлинская синяя краска, изобрѣтенная только въ началѣ прошлаго столѣтія Диббахомъ, между тѣмъ стихотворенія значились приблизительно отъ 1300 г. Это доказательство впоследствии было еще подтверждено данными критики текста по существу, такъ какъ удалось доказать, что обороты рѣчи, правовыя отношенія и другія особенности, признававшіяся въ 1820 г. (время появленія рукописи) относящимися къ 13-му столѣтію, нынѣ оказываются несоотвѣтствующими той эпохѣ. Въ настоящее время удалось доказать, что рѣчь, правовыя отношенія около 1300 г. были совершенно иныя, чѣмъ они представлены въ упомянутой рукописи. Далѣе въ ней говорится между прочимъ о барабанахъ, которые, какъ это установлено, были еще неизвѣстны въ 1300 г. Наконецъ, послѣ смерти Ганки, въ библиотекѣ его найдены были всѣ матеріалы, послужившіе ему для составленія «Рукописи»: не только книги и образцы, но и многочисленныя пробы письма, свидѣтельствовавшія о томъ, что Ганка шагъ за шагомъ подготавливалъ свою поддѣлку¹⁾. Случай этотъ поучителенъ для насъ по нѣсколькимъ причинамъ.

1) Онъ показываетъ, до какой степени во многихъ случаяхъ можетъ быть важною помощь химика, хотя бы вызовъ его и казался на первый взглядъ ненужнымъ: можно почти утверждать, что химическое изслѣдованіе по каждому дѣлу о подлогѣ слѣдовало бы производить просто на всякій случай, на авось. Въ переданномъ случаѣ никто и не думалъ искать въ краскахъ рукописи именно синей берлинской краски, изслѣдованіе же произведено было по просьбѣ одного спеціалиста по исторіи искусствъ исключительно съ цѣлью узнать, какія именно краски употреблялись въ Богеміи въ XIII—XIV столѣтіяхъ и вдругъ, сверхъ ожиданія... берлинская синяя краска.

2) Обнаруженія, подобныя тѣмъ, какія достигнуты были при разсмотрѣніи Краледворской рукописи при помощи внутренней критики текста, могутъ получиться и при подлогахъ новѣйшаго времени. Подобно тому, какъ въ названной рукописи говорилось о барабанахъ, которыхъ еще не было въ 13—14 столѣтіяхъ, такъ однажды въ подложномъ духовномъ завѣщаніи былъ названъ такой наслѣдникъ съ обозначеніемъ имени его и дня рожденія, который

¹⁾ Проф. Ладиславъ Доланскій наконецъ выяснилъ значеніе цѣлаго ряда перевернутыхъ буквъ въ 42-й строѣ части «Рукописи», подъ заглавіемъ: „Судъ Любуши“,—чего до сего времени никто не могъ отгадать. Если эти буквы составить прямо, то получается W. H. A. N. K. A. F. E. S. I. T.

въ дѣйствительности въ день составленія духовнаго завѣщанія еще и не былъ рожденъ.

3) Результаты осмотра библиотеки Ганки доказываютъ, какъ важно бываетъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ о подлогахъ производить обыски. Весьма часто С. С., разъ онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ *corpus delicti*, воздерживается отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи и, придавая слишкомъ большую цѣну уже добытымъ уликамъ, не прилагаетъ должнаго вниманія къ тому, что еще можно было бы добыть слѣдствіемъ. Эту слабую сторону нашей дѣятельности вообще всегда слѣдуетъ имѣть въ виду: С. С., который добылъ какую-нибудь важную улику противъ заподозрѣннаго, легко преувеличиваетъ ея доказательное значеніе и не заботится о добываніи другихъ уликъ, которыя могли бы оказаться особенно цѣнными въ томъ случаѣ, если первая улика въ слѣдствіи или не подтвердится, или будетъ опровергнута возраженіями обвиняемаго или инымъ путемъ. Такъ и данныя, добытыя осмотромъ библиотеки Ганки, вовсе не имѣлись въ виду при этомъ осмотрѣ: онѣ обнаружилась случайно, вслѣдствіе публичной продажи наслѣдства. Какъ легко можно было бы избѣжать споровъ, если бы своевременно произведенъ былъ осмотръ дома Ганки, подобно тому, какъ производится обыскъ по всякому уголовному дѣлу.

Интересно обнаруженіе подложности т. наз. «Вѣнской колыбельной пѣсни», поддѣльный манускриптъ которой въ 1859 г. былъ врученъ проф. Цапперту нѣкимъ Фейфаликомъ: при микроскопическомъ изслѣдованіи его открылось, что служившія доказательствомъ древности и подлинности документа грязныя пятна на пергаментѣ въ дѣйствительности оказались подъ письмомъ. По всѣмъ правиламъ криминалистики доказанъ былъ подлогъ извѣстнаго плана гор. Вѣны (составленнаго будто бы въ XII стол.),

Почти комичной является одна ошибка, которую допустилъ составитель одного подложнаго документа, повторившій при томъ неволью примѣръ грека Симонида, знаменитаго поддѣльвателя документовъ; этотъ послѣдній однажды не узналъ отверстія для глаза въ пергаментной кожѣ, а для столь опытнаго мошенника это было во всякомъ случаѣ непростительной ошибкой. Въ виду высокой цѣнности пергамента, во всѣ времена употреблялись и такіе куски кожи, которые не были сплошными, напр., кожа, снятая съ головы животнаго и имѣвшая отверстія для глазъ. Симонидъ, имѣя именно такой кусокъ пергамента и почему-то

забывъ о настоящемъ происхожденіи такого отверстия, задумалъ придать ему видъ и значеніе поврежденія, причиненнаго будто бы послѣ составленія документа, отчего рукопись въ большей степени выигрывала бы въ кажущейся подлинности. Такъ какъ на мѣстѣ отверстия ему пришлось помѣстить слово «animadvertit», то первыя буквы этого слова онъ помѣстилъ передъ отверстиемъ, а послѣднія буквы за отверстиемъ такъ, что впечатлѣніе получалось такое, какъ будто среднія буквы слова были уничтожены вслѣдствіе случившагося затѣмъ въ этомъ мѣстѣ поврежденія въ пергаментѣ. Этого, однако, быть не могло, еслибы рукопись была подлинной. Что именно упомянутое отверстие на пергаментѣ Симонида представляло собой глазное отверстие, а никакое иное, легко удалось установить анатому и микроскописту съ достовѣрностью. Такимъ образомъ оно не могло произойти впоследствии, а существовало съ самаго начала, и поэтому составитель документа, еслибы онъ былъ подлинный, долженъ былъ написать слово или кругомъ отверстия сверху или снизу, или же пропустить отверстие: для него во всякомъ случаѣ не имѣло никакого смысла вызывать въ комъ-либо предположеніе, что отверстие сдѣлано впоследствии. Конечно поступить такъ, какъ было сдѣлано на документѣ, могъ тотъ, который не зналъ о значеніи отверстій на пергаментной кожѣ.

Нѣчто совершенно подобное произошло въ 30-тыхъ годахъ текущаго столѣтія съ одной поддѣльной рукописью на пергаментѣ, которая значилась по происхожденію будто бы отъ IV-го столѣтія послѣ Р. Хр. Пергаментъ этотъ имѣлъ отверстие, образовавшееся вслѣдствіе поврежденія, поддѣлыватель же рукописи, при составленіи документа, принялъ это отверстие, какъ существовавшее ранѣе, и перенесъ черезъ него слово текста, на оборотной же сторонѣ онъ забылъ объ этомъ и на мѣстѣ отверстия выпустилъ часть слова, подобно вышеописанной поддѣлкѣ Симонида. Вышло такъ, что въ то время, когда составлялась первая страница, отверстие существовало, а при изложеніи второй страницы отверстия еще не было; такимъ образомъ—поддѣлка была внѣ всякаго сомнѣнія.

2. Изслѣдованіе подложныхъ документовъ.

Если внутреннее изслѣдованіе документа не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, или дало улики слабыя, то слѣдуетъ приступить къ наружному осмотру и изслѣдованію. Въ большинствѣ случаевъ это должно быть предоставлено всецѣло

свѣдущимъ лицамъ, которымъ извѣстны всѣ необходимые для этого пріемы. Но и здѣсь весьма часто можетъ быть необходимымъ, чтобы С. С., если не имѣетъ тотчасъ же возможности прибѣгнуть къ помощи свѣдущихъ лицъ, самъ былъ въ состояніи безотлагательно рѣшить вопросъ, имѣетъ ли дѣло съ поддѣлкой, или нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ онъ долженъ произвести осмотръ лично или же прибѣгнуть къ содѣйствію такихъ свѣдущихъ лицъ, до которыхъ изслѣдованіе подложныхъ документовъ собственно совсѣмъ не касается: врача или аптекаря.

При такомъ положеніи основное правило, которое долженъ С. С. соблюдать, состоитъ въ томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего такого, что было бы сопряжено съ порчей или разрушеніемъ осматриваемаго документа. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ можно сдѣлать предварительное разслѣдованіе, сопряженное и съ уничтоженіемъ документа, но лишь самой малой части его и наименѣе важной. При этомъ, однако, безусловно обязательно соблюденіе двухъ предосторожностей; первая заключается въ томъ, чтобы съ документа прежде, чѣмъ будетъ сдѣлано хотя бы малѣйшее измѣненіе, была снята точная копія и, если возможно, фотографическій снимокъ, и вторая предосторожность—въ томъ, чтобы былъ составленъ подробный протоколъ о всемъ происходившемъ на тотъ предметъ, чтобы вызванный впоследствии экспертъ и должностныя лица, которымъ придется читать дѣло, были освѣдомлены обо всемъ случившемся съ документомъ. Самый лучший и во всѣхъ подозрительныхъ случаяхъ рекомендуемый способъ предварительнаго изслѣдованія документа заключается въ осмотрѣ его посредствомъ хорошаго увеличительнаго стекла. Осмотръ этотъ долженъ происходить такимъ образомъ, что не только одни подозрительныя мѣста, но и каждое слово одно за другимъ должны быть тщательно изслѣдованы. Если будетъ соблюденъ этотъ порядокъ и будетъ вполне усвоенъ общій характеръ отдѣльныхъ буквъ документа на не подозрительныхъ мѣстахъ, то затѣмъ, когда дѣло дойдетъ до сомнительныхъ мѣстъ, несомнѣнно легче будетъ уловить каждое, даже и незначительное, уклоненіе, чѣмъ если бы С. С. приступилъ прямо къ изслѣдованію этихъ мѣстъ.

Окончивъ этотъ осмотръ съ помощью увеличительнаго стекла, слѣдуетъ повторить осмотръ документа, наложивъ его на стекло окна, чтобы разсмотрѣть при этомъ проникающемъ свѣтѣ все, что не было замѣчено при прямомъ освѣщеніи. Довольно значительный процентъ подложныхъ документовъ можно обнаружить такимъ

способами изслѣдованія, если только лупа была хорошая и работа была проведена съ достаточнымъ усердіемъ и внимательностью. Если нужно выяснитъ, были ли употреблены различныя чернила, то, конечно, одной лупы недостаточно, и требуется уже микроскопъ. Если мы возьмемъ для этого микроскопъ съ увеличеніемъ въ сто разъ, то чернила, которыя на взглядъ казались одинаковыми, представляютъ разительное разнообразіе въ цвѣтовыхъ оттѣнкахъ на глянецъ, разъ только въ документѣ были примѣнены чернила разнаго рода.

Другой способъ предварительнаго изслѣдованія,—также безъ нарушенія цѣлости документа,—заключается въ фотографированіе его. Подчистки, замытыя мѣста, различныя чернила, все это, незамѣтное для простаго глаза, часто съ удивительной отчетливостью выступитъ на снимкѣ. Сличеніе оригинала съ такимъ снимкомъ нерѣдко обнаружитъ и докажетъ гораздо болѣе, нежели самое продолжительное и дорого стоящее изслѣдованіе черезъ эксперта-химика. Особенно полезный способъ примѣненія фотографіи при выпѣтшемъ письмѣ былъ недавно опубликованъ и вполне оправдалъ надежды. Фотографируютъ документъ и затѣмъ съ полученнаго негатива снимаютъ рядъ позитивовъ (изъ тонкой прозрачной кожицы), такъ какъ на негативѣ слѣды текста очень слабо видны, то позитивы накладываютъ одинъ на другой и сжимаютъ ихъ такъ, чтобы всѣ точки изображенія совпали въ точности. Тогда слабыя письменные знаки, вслѣдствіе просвѣчиванія, становятся болѣе явственными и при новомъ копированіи все написанное даетъ уже ясный негативъ, съ котораго остается получить разборчивое изображеніе письма.

При этомъ осторожномъ способѣ письменные знаки на каждой отдѣльной копій, вслѣдствіе ея прозрачности, становятся замѣтными для глаза при накладываніи нѣсколькихъ копій, такъ что свѣтъ чрезъ нихъ уже не проникаетъ.

Американскаго происхожденія—фотографированіе въ значительно увеличенномъ видѣ: доходятъ до увеличенія въ 3,600 разъ. Конечно, это обходится очень дорого, но каждое вытравленное мѣсто становится совершенно яснымъ на снимкѣ. И во многихъ случаяхъ безъ этого послѣдняго нельзя обойтись. Отчасти по вышеизложеннымъ основаніямъ, отчасти для того, чтобы дать С. С. приблизительное понятіе о томъ, что онъ можетъ ожидать отъ свѣдущихъ людей, я привожу относящіяся къ нашему вопросу выдержки изъ сочиненій Зонненшейна-Классена и другихъ авторовъ и изъ многочисленныхъ спеціальныхъ журналовъ.

Прежде всего надо различать бумагу ручную или черпальную, проклеенную лишь съ наружной стороны тонкимъ слоемъ животнаго клея, и новѣйшую машинную бумагу, которая вся пропитана клеевымъ веществомъ. Приготавливается растворъ сосновой смолы въ содѣ и подмѣшивается квасцами и вслѣдствіе сочетанія кислотъ, содержащихся въ смолѣ, и глинозема квасцовъ отлагается мыловидный осадокъ: къ осадку часто примѣшивается отваренный крахмалъ, и все это высыпается въ бумажную массу. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при употребленіи реагентовъ, равно какъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ бумагѣ бѣлой или синеватой примѣшена краска—кобальтъ и синька (нынѣ почти всегда ультрамаринъ). При подчисткахъ, сдѣланныхъ на поверхностно проклеенной бумагѣ, тонкій слой клея всегда соскабливается, при подчисткахъ же, сдѣланныхъ на бумагѣ, пропитанной клеемъ, поверхность шершавится. А такъ какъ на такой поверхности неловко писать, то пишущій пробуетъ возстановить гладкую поверхность. Механически это дѣлается посредствомъ притиранія гладкимъ твердымъ предметомъ, иначе же посредствомъ насыпанія или смазыванія разными веществами, напр., растворомъ гумми, желатина, смолы, растворенной въ алкогольѣ, клея или тонкаго порошка сандарака. Но всѣ эти манипуляціи легко обнаруживаются даже невооруженнымъ глазомъ или при помощи увеличительнаго стекла, такъ какъ поверхность бумаги на протертостъ, смазанностъ или засыпанностъ мѣстѣ имѣетъ своеобразный видъ, отличный отъ остальной поверхности; особенно ясно это замѣтно по краямъ подчищеннаго мѣста.

Если это различіе нельзя схватить оптическимъ путемъ, то оно почти всегда обнаружится, если пустить каплю чистой воды на подозрительное мѣсто и другую каплю на неподозрительное мѣсто. Если одно мѣсто дѣйствительно было подчищено, то воздѣйствіе капли будетъ иное, нежели на другихъ мѣстахъ: она иначе расплывается, иначе прососется и т. д. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, или чтобы узнать, чѣмъ это мѣсто измѣнено, слѣдуетъ употребить химическіе реагенты: при подкрашиваніи іодистымъ растворомъ столярный клей принимаетъ коричневый цвѣтъ, а мучной клей—голубой цвѣтъ. Арабское гумми растворяется въ водѣ и сгущается въ алкогольѣ, смоловидныя вещества растворяются въ алкогольѣ—и одна капелька этого раствора, примѣшанная къ нѣсколькимъ каплямъ воды, дѣлаетъ ее мутною, подкрашивая подъ цвѣтъ молока.

Если на подчищенномъ мѣстѣ раньше было писано черни-

лами, содержащими и желѣзо, и стертыя буквы нельзя различить ни простымъ глазомъ, ни въ лупу, то иногда можно возстановить ихъ путемъ подкрашиванія таниномъ. Желѣзная соль имѣетъ то свойство, что, хотя ея и не видно, она глубже проникаетъ въ бумагу, нежели собственно чернильные росчерки. Въ такихъ случаяхъ, т. е. если были употреблены чернила, содержащія желѣзо, можно также смочить подчищенное мѣсто сѣрнистоводороднымъ амміакомъ: тогда образуется сѣрнистое желѣзо и буквы будутъ видны.

Въ настоящее время рекомендуется вытравленное мѣсто покрыть 10% растворомъ серебряно-азотнокислой соли и предметъ изслѣдованія на нѣкоторое время выставить на солнце, послѣ чего вытравленные знаки ясно выступаютъ на темномъ фонѣ. При этомъ выступаютъ даже оттиски папиллярныхъ линій отъ пальцевъ, такъ что можно установить не только вытравленный текстъ, но и при извѣстныхъ условіяхъ виновныхъ въ поддѣлкѣ. Но, конечно, это можетъ сдѣлать только экспертъ. Кромѣ подкабливанія, для уничтоженія извѣстныхъ буквъ могутъ быть примѣнены и разныя химическія вещества. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ очень хорошо, такъ что не только вполне исчезаетъ прежнее письмо, но и можно отлично писать на томъ же мѣстѣ. Само собой разумѣется чернила, разныя по составу, требуютъ и разныхъ реагентовъ, и если изслѣдователю требуется узнать, какое вещество было употреблено для уничтоженія письменныхъ знаковъ, онъ долженъ поступить такъ же, какъ поступалъ и совершавшій подлогъ: онъ долженъ сначала узнать, изъ чего состоятъ чернила.

Какъ важнѣйшія средства для уничтоженія чернилъ, слѣдуетъ указать:

1. Соляная или щавелевая кислота, немного разбавленная водою; посредствомъ кисточки смазываются буквы и исчезаютъ.
2. Въ равныхъ частяхъ галмей (цинковый шпатель), поваренная соль и квасцы въ теченіе получаса кипятятся въ бѣломъ винѣ (въ чистой посудѣ); растворъ наводится небольшою кисточкой.
3. Селитра и купоросное масло (сѣрная кислота) въ равныхъ частяхъ растворяются въ водѣ и растворъ примѣняется, какъ сказано въ п. 2-мъ ¹⁾.

---

¹⁾ Эта смѣсь, по мнѣнію профессора Денштедта въ Гамбургѣ, разрушаетъ не только чернила, но и бумагу; быть можетъ, она для употребленія сильно растворяется водою.

4. Порошокъ щелочи, углекислаго амміака и сѣры всыпають въ мѣшокъ изъ тонкой матеріи, который сверху завязывается; этимъ мѣшечкомъ вытирается письмо.

5. Соляно-кислое олово растворяется въ двойномъ количествѣ воды; растворомъ смачивается письмо при помощи маленькой кисточки и затѣмъ все смачивается водой.

6. Хлорноватокислый натръ и хлористая вода употребляются такимъ же способомъ.

Всѣ вещества, содержащія кислоты, для поддѣльвателя всегда представляютъ опасность: прежде всего онѣ разлагають ультрамаринъ, нынѣ содержащійся почти во всѣхъ сортахъ бумаги, и производять желтыя пятна. Далѣе употребленіе кислотъ очень легко обнаруживается, если прикоснуться къ вытертому мѣсту смоченнымъ краемъ голубой лакмусовой бумаги: при прикосновеніи къ кислотѣ она краснѣетъ. Но если даже кислота, повидимому, и совершенно уничтожила письменные знаки, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ можно возстановить посредствомъ осторожнаго смазыванія растворомъ амміакомъ (нашатырнымъ спиртомъ). Иногда еще необходимо, кромѣ амміака и послѣ него, употребить растворъ танина. Вмѣсто того и другого можно примѣнить растворъ желѣзисто-синеродистаго калия, но только, если на томъ мѣстѣ не было ранѣе смазано амміакомъ.

Относительно различныхъ сортовъ чернилъ слѣдуетъ замѣтить: чернила изъ туши содержать въ себѣ тонкій угольный порошокъ и потому написанное ими съ большимъ трудомъ или даже совершенно невозможно уничтожить химическими реагентами. Если же тушь не высшаго качества, то написанное или нарисованное ею легко уничтожить, если рукопись положить на пустой горшокъ письмомъ внизъ и сверху на обратную сторону пускать продолжительное время струю горячей воды. Чернила изъ кампешеваго дерева вслѣдствіе кислотъ краснѣють и, хотя написанное ими уничтожается не безъ усилій, тѣмъ не менѣе средства, указанные въ пп. 2 и 4, помогаютъ. Чернила изъ орѣшковыхъ расплываються и исчезаютъ подѣ дѣйствіемъ растворовъ кислотъ, но уничтоженное легко вновь возстановляется посредствомъ амміака. Хлоръ и хлорноватокислый натрій уничтожаютъ какъ чернила, такъ и возстановляющія ихъ кислоты, и трудно и почти даже невозможно возстановить вновь уничтоженное ими ¹⁾.— Ализариновыя чернила со-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи пользуется извѣстностью т. наз. „eau de Javelle“, которую можно смыть почти всякія чернила; это не что иное, какъ хлорнова-

стоять изъ раствора индиго и орѣшковыхъ чернилъ, содержащихъ желѣзную закись ¹⁾). Вслѣдствіе растворенныхъ кислотъ исчезаютъ орѣшковыя чернила и остается одна лишь синяя краска индиго, которую въ свою очередь можно уничтожить только хлоромъ или хлористою известью. Своеобразное положеніе занимаютъ анилиновыя чернила (состоятъ изъ анилина или нигрозина, раствореннаго въ водѣ): насколько анилиновыя краски непрочны, въ той же степени, при извѣстныхъ условіяхъ, онѣ дѣлаются почти неизгладимыми. Если письмо свѣжее, то анилиновыя чернила часто легко смываются просто водой и спиртомъ, особенно въ томъ случаѣ, если письмо писалось безъ нажиманія пера, легко и при томъ сравнительно тупымъ перомъ. Тяжелая рука съ острымъ перомъ прорѣзываетъ поверхность бумаги, такъ что чернила проникаютъ внутрь бумажной массы, откуда удалить ихъ трудно. Вообще по истеченіи нѣкотораго времени анилинъ, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, до такой степени крѣпко впитывается въ бумажную массу, что удалить его изъ нея можно только съ трудомъ. Если же у поддѣлывателя имѣется достаточно свободнаго времени, то онъ можетъ выставить письмо, написанное анилиновыми чернилами, на солнце, подъ вліяніемъ котораго письмо исчезаетъ окончательно.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ какое-то объявленіе одного присутственнаго мѣста, написанное анилиновыми чернилами, было прибито къ доскѣ при входѣ въ волостное правленіе. Спустя короткое время весь текстъ объявленія исчезъ безслѣдно и только одна подпись начальника округа, написанная иными чернилами, виднѣлась на пижней части бѣлаго листа. Поэтому, если приходится имѣть рукопись, писанную анилиновыми чернилами, то можетъ оказаться, что нельзя установить, какія именно были применены химическія средства для уничтоженія написаннаго, такъ какъ доказать дѣйствіе солнечныхъ лучей нѣтъ возможности.

Штемпельная краска, большею частью фіолетовая, употребляемая нынѣ для каучуковыхъ штемпелей, легко уничтожается

тиснокислый натрій, получаемый посредствомъ пропусканія хлорнаго газа черезъ охлажденный щелокъ соды или посредствомъ обливанія хлористой извести растворомъ соды. Вода Лабаррака дѣйствуетъ такимъ же образомъ и относится къ хлорнокислымъ мелочамъ.

¹⁾ Такъ утверждаетъ Зонненшейтъ. Но какъ показываетъ самое названіе, они состоятъ преимущественно изъ ализарина, т. е. красящаго вещества корней крапла; сѣрнокислый же растворъ индиго входитъ лишь въ размѣръ одного процента.

щавелевой кислотой, растворенной в водѣ, или посредствомъ перекиси водорода; первая портитъ бумагу только при неумѣломъ обращеніи, второе же средство не вредитъ никогда.

Химическое изслѣдованіе, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ выяснитъ наличность подлога также и въ томъ случаѣ, если употреблялись чернила одинаковаго состава. Письмо, чѣмъ оно старѣе по времени, тѣмъ сильнѣе впитывается въ бумажныя волокна и вслѣдствіе высыханія и полного окисленія содержащагося въ чернилахъ желѣза неразрывно съ ними соединяется. Вслѣдствіе этого такое письмо оказываетъ болѣе сопротивленія кислотамъ, разведеннымъ водой, нежели письмо свѣжее. Если такимъ образомъ нужно узнать, къ одному ли времени по происхожденію относятся два росчерка одного и того же письма, — конечно, разница во времени не должна быть слишкомъ мала, — то необходимо отъ каждой буквы пожертвовать по крайней мѣрѣ одной чертой. Слѣдуетъ избрать для этого по возможности штрихи одинаковой толщины и близко одинъ къ другому расположенные, смочить ихъ одинаковымъ количествомъ разведенной кислоты и съ часами въ рукахъ наблюдать, сколько потребуется времени на выпѣтаніе или исчезновеніе каждаго штриха. Если разница окажется болѣе или менѣе значительна, то тотъ почеркъ будетъ болѣе давняго происхожденія, который медленнѣе исчезъ.

Такіе опыты въ особенноти тогда имѣютъ важное значеніе, если поддѣлано искусно письмо, какъ будто оно давняго происхожденія. Письмо такое (отъ чернилъ желѣзистыхъ) имѣетъ ту особенноть, что каждый черный штрихъ его окаймленъ узкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ. Чтобы поддѣлать этотъ оттѣнокъ, стоитъ только класть въ чернила кусочки заржавленнаго желѣза. Если это письмо окропить соляной кислотой (наполовину разбавленной водой), то оно исчезаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ дѣйствительно старинное письмо.

Если часть письма вслѣдствіе зачеркиванія стала неразборчивой и нужно возстановитъ первоначальный текстъ, то прежде всего слѣдуетъ опредѣлитъ, какого рода были чернила первоначальнаго текста и чернила, которыми сдѣлано перечеркиваніе. Если чернила окажутся разнаго рода, то слѣдуетъ употребитъ тотъ реагентъ, который сдѣлаетъ послѣднія чернила, т. е. тѣ, которыми сдѣлано перечеркиваніе. Если же чернила были употреблены одинаковыя, то на успѣхъ можно рассчитывать только въ томъ случаѣ, если между написаніемъ текста и зачеркиваніемъ прошло бо-

лѣе продолжительное время. Въ этомъ случаѣ, при вытравленіи линій зачеркивающихъ, слѣдуетъ дѣйствовать съ крайней осторожностью и улавливать тотъ моментъ, когда эти черты уже поблѣднѣли, а первоначальный текстъ еще чуть поврежденъ. Это лучше всего удастся, если дѣйствовать только парами взятаго реагента, или если смочить имъ кусочекъ матеріи и положить его на зачеркнутое письмо. Въ случаяхъ крайней затруднительности, напр., когда письмо на большомъ пространствѣ залито чернилами, остается только одно: фотографировать документъ при извѣстномъ освѣщеніи и съ соблюденіемъ другихъ предосторожностей. Но такъ какъ это дѣло сопряжено съ очень большими трудностями, то на успѣхъ можно рассчитывать только при содѣйствіи лучшаго спеціалиста-фотографа ¹⁾).

Сравнительно съ изложеннымъ, можно назвать весьма простымъ способъ возстановить первоначальный текстъ, написанный карандашомъ, посредствомъ вытравленія позднѣйшаго текста, сдѣланнаго чернилами. Графитъ оказываетъ существенное сопротивленіе химическимъ реагентамъ, поэтому текстъ, написанный карандашомъ, не пострадаетъ при вытравленіи текста, сдѣланнаго чернилами. Необходимо только воздерживаться отъ всякаго механическаго воздѣйствія на документъ, такъ какъ, напр. движеніемъ кистью, при смываніи чернильнаго текста легко можно уничтожить и карандашъ.

Если надъ однимъ текстомъ написанъ другой и возникаетъ вопросъ, который изъ нихъ сдѣланъ раньше, то почти всегда можно разрѣшить это при помощи микроскопа. Иногда на письмѣ можетъ быть написано что-либо поперекъ, напр., на векселѣ слова: «получено Н. Н.» пишутся часто поперекъ текста. Иногда же новый текстъ можетъ быть выписанъ между строками стараго, параллельно имъ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на концы длинныхъ буквъ, спускающихся или поднимающихся надъ строками, напр. *y*, *b*. Такъ какъ, при писаніи, на бумагѣ всегда остается извѣстное количество чернилъ, которыя прилипаютъ и затѣмъ твердѣютъ, то эти твердыя полоски хорошо различаются подъ микроскопомъ. Если же два штриха пересѣкаются, то при извѣстномъ увеличеніи полоска позднѣйшаго штриха ясно выдѣляется, какъ корка надъ чернильнымъ веществомъ перваго штриха. Поэтому

---

¹⁾ Выдающимися въ этомъ отношеніи можно признать работы проф. д-ра И. М. Эдера въ Вѣнѣ.

почти всегда можно дать определенное заключение о томъ, что написано раньше и что позднее.

Важную роль въ обнаруженіи подлоговъ играетъ іодъ. По наблюденіямъ G. Gruylants, на сухую бумагу іодистые пары дѣйствуютъ иначе, нежели на мокрую и вновь высушенную. Мѣста бывшія смоченными, принимаютъ сине-фіолетовую окраску, тогда какъ сухая, нетронутая водой бумага окрашивается въ желтоватый и даже буроватый цвѣта. Такая же разница наблюдается, если вновь смочить уже обработанную іодомъ бумагу: бывшія раньше смоченными мѣста окрашиваются темно-синефіолетовымъ цвѣтомъ, тогда какъ вся остальная бумага принимаетъ чисто голубой цвѣтъ. Если слова, написанныя карандашомъ, вытерты хлѣбомъ, то мѣста эти при обработкѣ іодистыми парами принимаютъ желтокоричневый или коричнево-фіолетовый, во всякомъ случаѣ болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ вся прочая бумага; при смачиваніи эти мѣста рѣзко отдѣляются отъ чисто голубого фона остальной бумаги. Мѣста, вытертыя хлѣбомъ, при обработкѣ іодомъ, окрашиваются равномерно, тогда какъ вытертыя резиной окрашиваются темными полосками. Штрихи, затертыя (вжаты въ бумагу) какимъ-либо твердымъ предметомъ, напр. стеклянной палочкой, четко выступаютъ при обработкѣ іодистыми парами: они выдѣляются четко вслѣдствіе болѣе темнаго окрашиванія. Такими же способами дѣлаются видными съ оборотной стороны бумаги мѣста, писанныя карандашомъ и затѣмъ выскобленные: они читаются свободно при помощи зеркала («Chemisches Centralblatt». 1892 г.).

Для судебно-химическаго изслѣдованія чернилъ, преимущественно для опредѣленія состава ихъ и различія, химикъ д-ръ Робертсонъ и I. I. Гофманъ въ Роттердамѣ издали превосходное руководство. Предложенный ими способъ, при которомъ приходится пожертвовать нѣкоторой частью изслѣдуемаго документа, заключается въ слѣдующемъ: смачиваются нѣсколько гусиныхъ перьевъ извѣстными химическими реагентами и ими перечеркиваются нѣсколько разъ тѣ буквы или цифры, которыя необходимо изслѣдовать, и въ мѣстахъ, гдѣ чернила и реагенты соприкасаются, наблюдаютъ измѣненія, происходящія въ окрашиваніи. Въ качествѣ реагентовъ ими указаны:

- 1) 3% растворъ щавелевой кислоты въ водѣ,
- 2) 10% растворъ лимонной кислоты въ водѣ,
- 3) 2% растворъ хлористой извести въ водѣ,

- 4) растворъ, состоящій изъ одной части хлористаго цинка въ 1-й части соляной кислоты и 10 частяхъ воды,
- 5) 15% растворъ сѣрной кислоты,
- 6) 10% растворъ соляной кислоты,
- 7) 20% растворъ азотной кислоты,
- 8) насыщенный растворъ ангидрида сѣрной кислоты въ водѣ,
- 9) 4% растворъ хлористаго золота въ водѣ,
- 10) растворъ, состоящій изъ 1 части ферроціанкалія, 1 части соляной кислоты и 10 частей воды,
- 11) растворъ 1 части тіо-сѣрнокислаго натрія, 1 части аммоіака и 10 частей воды.
- 12) 4% растворъ водной окиси натрія въ водѣ.

Какой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выбрать реагентъ и каково его дѣйствіе, показываетъ нижеслѣдующая таблица (стр. 945).

Таблица эта можетъ помочь не только специалисту-эксперту при изслѣдованіи подложныхъ документовъ, но и С. С., въ случаяхъ безотлагательной необходимости даетъ возможность гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ немедленно произвести химическое изслѣдованіе подозрительнаго документа черезъ судебного врача или аптекаря. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ повторить, что такое изслѣдованіе всегда сопровождается безвозвратною порчею части изслѣдуемаго документа.

Относительно внѣшняго осмотра документа слѣдуетъ еще упомянуть, что далеко не послѣднюю роль играетъ и качество, составъ и наружный видъ бумаги. Составныя части ея, опредѣленныя химическимъ ¹⁾ путемъ, внѣшній видъ, водяные знаки (видныя на свѣтъ ²⁾), грязныя пятна и другіе признаки часто совершенно неожиданно могутъ пролить свѣтъ на все дѣло. Въ каждомъ такомъ случаѣ всегда слѣдуетъ передавать бумагу свѣдущимъ лицамъ: фабриканту, микроскописту, химику, сообщая имъ самыя точныя

¹⁾ Такъ напр. химико-микроскопическое изслѣдованіе одного документа, значившагося отъ 1850 года, обнаружило, что бумага заключала целлюлозу и кониферинъ, которыхъ въ 1550 г. еще не существовало вовсе.

²⁾ Справедливо замѣчаетъ В. Вилльсъ („The principles of circumstantial evidence“ 1862 г.), что бумажныя фабрики иногда совершенно произвольно ставятъ бумажные знаки и вслѣдствіе этого нельзя по нимъ судить съ достовѣрностью о времени производства бумаги. Клаусманъ сообщаетъ, что въ одномъ случаѣ для подложнаго документа 1868 г. была употреблена бумага съ водянымъ знакомъ, изображавшимъ германскаго Орла, каковой знакъ установленъ былъ въ 1871 году.

Реагенты.	Чернила изъ желѣза и чернильныхъ орѣшковъ.	Кампешевое дерево.		Нигрозинно-выя чернила.	Ванадиновые чернила.	Резортиновыя чернила.
		съ хромлестымъ калемь.	съ сѣрно-кислою мѣдью.			
Щавелевая кислота	исчезаютъ	принимаютъ цвѣтъ фіолетовый	оранжево-желтый	безъ измѣненія	блѣднѣютъ и немного расплываются	свѣтло-красный
Лимонная кислота	блѣднѣютъ	фіолетовый	оранжево-желтый	темносиній и расплываются.	блѣднѣютъ и расплываются	исчезаютъ
Соляная кислота	исчезаютъ, но оставл. желтое окрашивание	пурпурокрасный	алый	мало измѣняются.	нѣсколько блѣднѣютъ и немного расплываются	свѣтлорозовый
Сѣрная кислота	исчезаютъ	красный	пурпурный	безъ измѣненія	немного блѣднѣютъ	свѣтло-красный
Азотная кислота	исчезаютъ	красный	пурпурный.	мало расплываются	немного блѣднѣютъ	свѣтлорозовый
Хлористый цинкъ	исчезаютъ	красный	фуксиново-красный	безъ измѣненія	немного блѣднѣютъ	исчезаютъ
Сѣрнистая кислота	блѣднѣютъ	блѣдно-фіолетовый	красный	безъ измѣненія	немного блѣднѣютъ и расплываются.	блѣднѣютъ
Хлористое золото	немного блѣднѣютъ	красно-бурый	коричневый	безъ измѣненія	безъ измѣненія	расплываются и бурьютъ
Тіо-сѣрно-кислый натрій	дѣлаются темнокрасными	безъ измѣненія	темносиній цвѣтъ	темно-фіолетовый, расплываются	сильно расплываются.	коричневый
Железисто-сѣрнистый калий и соляная кислота	принимаютъ голубой цвѣтъ	красный	кирпичный цвѣтъ	безъ измѣненія	безъ измѣненія	розовый
Водная окись натрия	темно-красный цвѣтъ	коричневый	темнокрасный, расплываются	темно-фіолетовый, расплываются	грязно-коричневый, расплываются	безъ измѣненія
Хлорная известь	исчезаютъ	исчезаютъ	обесцвѣчиваются, но оставляютъ желтое окрашивание.	коричневый	безъ измѣненія	коричневый

свѣдѣнія о положеніи дѣла и ставя вопросъ такъ, можетъ ли она и въ какомъ отношеніи что-либо выяснитъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ эта мѣра окажется безуспѣшной.

С. О поддѣлкѣ печатей.

1. О поддѣлкѣ удостовѣреній всякаго рода.

Дѣла о поддѣлкѣ печатей разнаго рода настолько стали часты въ наше время, что приобрѣли важное значеніе и вопросы о техническихъ способахъ совершенія этого преступленія. Техника этого дѣла — весьма давняго происхожденія. Въ замѣткѣ одного должностнаго лица отъ 9 марта 1678 г. упоминается о нѣкоемъ Бельфрэй, который умѣетъ вырѣзать всякаго рода печати; а съ того времени это искусство значительно подвинулось впередъ и стало значительно опаснѣе. Чаще всего поддѣлываются печати тѣхъ учреждений, которыя удостовѣряютъ объ исполненіи извѣстнаго заказа, печати на свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ хозяевами служащимъ, затѣмъ печати крупныхъ предпринимателей, напр., фабрикантовъ, владѣльцевъ копей, крупныхъ землевладѣльцевъ и т. п. За время моей службы я составилъ себѣ небольшую коллекцію печатей, отобранныхъ у разныхъ злоумышленниковъ при задержаніи ихъ, и, сличая ихъ, мнѣ удалось составить себѣ представленіе о техникахъ ихъ выдѣлыванія и способахъ употребленія.

Въ этой коллекціи—ихъ у меня около сотни, онѣ находятся теперь въ г. Грацѣ, въ уголовномъ музеѣ—обращаютъ вниманіе слѣдующія интересныя обстоятельства. Прежде всего бросается въ глаза интернациональность этихъ печатей; хотя онѣ всѣ отобраны на сравнительно небольшомъ участкѣ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ учреждениямъ всѣхъ странъ, входящихъ въ составъ Австро-Венгріи. Поддѣлыватели отдавали предпочтеніе, повидимому, болѣе отдаленнымъ мѣстностямъ, предполагая, что тѣмъ труднѣе раскрытіе поддѣлки и вообще производство розысковъ. По той же причинѣ выбираются названія, которыя можно встрѣтить вездѣ и часто, напр., St., Anna, Hochfeld, Niederreg, Sonnhofen и т. п., такъ что, когда по справкамъ о подлинности печати получаютъ отрицательные отвѣты, злоумышленникъ всегда отвѣчаетъ, что запросъ былъ сдѣланъ не въ томъ учрежденіи. Вслѣдствіе того же поддѣлываются и печати частныхъ лицъ съ именами наиболѣе употребительными, напр.,

Иоганнъ, Мюллеръ, желѣзный заводъ въ Нидервизэ, или «угольных копи въ Неуштадтѣ», или «горный заводъ въ Шварценбахѣ» и т. п. Само собой разумѣется, печати эти, производство которыхъ требуетъ всегда значительнаго труда, отнюдь не выдѣлываются только на одинъ разъ и служатъ владѣльцу источникомъ изряднаго дохода. Если какой-нибудь мошенникъ имѣетъ нѣсколько такихъ печатей (или даже одну) и при томъ обладаетъ сноснымъ почеркомъ, то онъ во всякомъ случаѣ легче и вѣрнѣе будетъ зарабатывать хлѣбъ, чѣмъ прошеніемъ милостыни ¹⁾. Встрѣчаясь умышленно или случайно съ какимъ-нибудь человѣкомъ, давно уже не имѣвшимъ работы, онъ заводитъ разговоръ о плохихъ временахъ, отсутствіи заработковъ, о полиціи и этимъ побуждаетъ своего собесѣдника высказаться о безвыходности его положенія. Чѣмъ болѣе съ его стороны довѣрія, тѣмъ смѣлѣе выступаетъ мошенникъ съ своими предложеніями и... вслѣдъ затѣмъ въ рукахъ нуждающагося въ работѣ оказывается какое-нибудь надлежащее за печатью удостовѣреніе о только что отбытой службѣ въ качествѣ работника. Поддѣлыватель получаетъ за свой трудъ хорошее вознагражденіе и потому самому, а равно и вслѣдствіе опасности такихъ продѣлокъ онъ старается, какъ можно тщательнѣе, спрятать свою драгоценную печать. Онъ зашиваетъ ее въ задней части воротника скюртука, въ голенищѣ, въ нижнемъ краѣ брюкъ, чаще же всего въ тѣхъ складкахъ, гдѣ сукно сшивается, и послѣ cadaго употребленія старательно прячетъ ее туда же. Иногда даже находятъ такія печати, которыя имѣютъ у верхняго края ушки для подшиванія.

Нужную штемпельную краску можно получить скоро: сгущенныя чернила, черная масляная краска, колесная мазь, вакса для сапогъ, или же настоящая штемпельная краска, состоящая изъ фіолетоваго анилина, нигрозина, или чернаго танина, разведенныхъ глицериномъ или водой. Если у задержаннаго оказалась настоящая штемпельная краска, то она хранится всегда и исключительно въ настоящихъ коробкахъ отъ ваксы, надпись на которой тщательно охраняется отъ уничтоженія на тотъ предметъ, чтобы владѣлецъ не былъ заподозрѣнъ въ обладаніи штемпельной краской. Но одно то уже бросается въ глаза, что этотъ проходимецъ, порывѣвшіе сагоги котораго, повидимому, не одинъ мѣсяцъ не имѣли на себѣ ваксы, вдругъ носить при себѣ жестянку съ ваксой

¹⁾ Страстующіе зонточники и точильщики всегда внушали мнѣ подозрѣніе, что они занимаются составленіемъ подложныхъ бумагъ. Это подозрѣніе подтвердилось потомъ неоднократно и другими лицами.

и, судя по надписи на жестянкѣ, лучшаго качества. Если внимательнѣе изслѣдовать эту жестянку, то вакса окажется ни чѣмъ инымъ, какъ штемпельной краской, и у обладателя ея окажутся затѣмъ гдѣ-нибудь старательно запрятанныя одна или нѣсколько поддѣльныхъ печатей.

Если принять во вниманіе, что мнѣ въ теченіе короткаго промежутка удалось собрать коллекцію ¹⁾ печатей около 100 штукъ, что я дѣйствовалъ на небольшомъ районѣ, то не трудно представить себѣ, какое множество такихъ поддѣльныхъ печатей обрабатывается на свѣтѣ и какое еще большее количество подложныхъ свидѣтельствъ (а такими печатами удостовѣряются не одни только свидѣтельства) съ довѣріемъ принимаются и оплачиваются нами ¹⁾. Неприятное и досадное чувство овладѣваетъ нами, когда мы вспоминаемъ о тѣхъ эпитагахъ, которыми снабжается рабочая книжка какаго-нибудь негодяя и которые принимаются нами за дѣйствительно правильные. Съ этимъ зломъ надо бороться всѣми средствами, такъ какъ грозящая намъ отъ этого опасность гораздо болѣе, нежели обыкновенно принято думать.

Прежде всего подложныя рабочія книжки и поддѣльныя печати являются самыми сильными средствами, поощряющими бродяжничество, эту язву нашего общества,—такъ какъ ничто такъ не облегчаетъ проходивцу возможности его существованія, какъ именно легкая возможность заручиться надежнымъ фальшивымъ документомъ. Всякій шатающійся безъ занятій, исключительно по природной любви и страсти къ бродяжничанію, продолжаетъ такое существованіе, пока не найдетъ случая совершить какое либо преступленіе, а разъ существуютъ причины, способствующія развитію бродяжничества, то онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ и существованію и развитію опаснѣйшаго разсадника дѣйствительныхъ профессиональныхъ преступниковъ. Далѣе подложныя свидѣтельства не только служатъ къ тому, чтобы избѣжать наказанія за бродяжничество, но и преслѣдуютъ цѣли, находящіяся въ прямой связи съ преступленіями. Они часто служатъ къ тому (и даже съ этою цѣлью поддѣлываются), чтобы обладатель ихъ поступилъ къ кому-либо въ услуженіе съ цѣлью совершить на своемъ мѣстѣ преступленіе, а поступленія на мѣсто съ такими свидѣтельствами всегда легко удаются.

---

¹⁾ Гайдертъ въ одной статьѣ сообщаетъ, что въ Берлинѣ имѣется своя „биржа печатей“, въ которой фабрикуются всякія подложныя удостовѣренія.

Такое же назначеніе имѣютъ и подложныя рабочія книжки: чаще всего прикрывая бродяжничество; владѣльцы ихъ также пользуются ими и для доказательства alibi. Если какому-нибудь опытному мошеннику, послѣ совершенія преступленія, удастся остаться первое время необнаруженнымъ, то первой его заботой является добыть себѣ фальшивое свидѣтельство или рабочую книжку на то время, когда имъ было совершено преступленіе, изъ которой было бы видно, что въ моментъ совершенія преступленія предьявитель книжки находился очень далеко отъ этого мѣста. Часто бываетъ, что полиція и судебныя власти, получивъ предьявленные задержаннымъ документы, ограничиваются просмотромъ ихъ. Въ этихъ случаяхъ С. С. обязанъ входить въ самое педантичное разсмотрѣніе рабочей книжки и, при малѣйшемъ подозрѣніи о подложности книжки, поручать дознать, дѣйствительно ли задержанный состоялъ рабочимъ въ указанномъ въ книжкѣ мѣстѣ,—хотя бы даже такая провѣрка и повлекла за собой продолжительное пребываніе задержаннаго подъ предварительнымъ арестомъ.

Для подобныхъ подозрѣній есть не мало точекъ опоры. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить убѣжденіе опытнаго С. С., что онъ имѣетъ передъ собой отъявленнаго негодяя, отъ котораго никоимъ образомъ нельзя ожидать «вѣрной, усердной и честной» работы или службы, какъ значитса объ этомъ въ его свидѣтельствѣ. А убѣжденіе это является легко, послѣ того какъ постараеться наблюдать съ десятокъ такихъ проходимцевъ съ тѣмъ, чтобы усвоить себѣ понятіе о нихъ самихъ и о ихъ внѣшности. Манера держать себя, внѣшность, руки, не носящія слѣдовъ работы, вообще все, что не поддается описанію, но что опредѣляетъ личность подобнаго субъекта, атмосфера, ему сродная,—все это даетъ ему такое определенное, неподлежащее сомнѣнію выраженіе, что нѣтъ возможности такого бродягу смѣшать съ дѣйствительно горемычнымъ бѣднякомъ, который, по несчастному стеченію обстоятельствъ, долго оставался безъ заработка. Если же у С. С. сложилось убѣжденіе, что передъ нимъ—проходимецъ, то онъ сначала долженъ внимательно просмотрѣть имѣющуюся у него коллекцію печатей и затѣмъ сдѣлать распоряженіе о провѣркѣ cadaго обстоятельства, занесеннаго въ рабочей книжкѣ.

Другимъ основаніемъ для подозрѣнія можетъ служить засвидѣтельствованіе въ книжкѣ самыхъ разнообразныхъ работъ и затѣмъ—значительная отдаленность мѣстъ, въ которыхъ работали задержанный. Бродяга не имѣетъ возможности выбирать для своего

свидѣтельства ту или другую мѣстность или работу: онъ стѣсненъ имѣющимися въ распоряженіи поддѣльвателя печатами. Такимъ образомъ бываетъ, что задержанный по этой книжкѣ въ январѣ работалъ «съ усердіемъ» на сѣверѣ въ качествѣ мясника, въ февралѣ уже въ качествѣ рудокопа на 100 миль южнѣе, въ мартѣ гдѣ-то на гончарномъ заводѣ, а въ апрѣлѣ опять на первомъ мѣстѣ въ копяхъ. Возможно, конечно, что человекъ иногда, за отсутствіемъ заработка по его ремеслу, берется за другую работу, но хотя бы отчасти дѣйствія его должны быть все-таки осмысленными и особенно должна быть соблюдена такъ сказать географическая послѣдовательность.

Простѣйшій способъ дѣйствій при этомъ таковъ: выписать изъ книжки всѣ занесенныя въ ней мѣстности, противъ каждой замѣтить время, проведенное (по книжкѣ) въ ней, затѣмъ взять карту и начертить на клочкѣ бумаги маршрутъ владѣльца книжки. Часто маршрутъ этотъ представить собою весьма своеобразную зигзагообразную линію. Затѣмъ слѣдуетъ предложить задержанному рассказать о всѣхъ его путешествіяхъ. Если онъ дѣйствительно проходилъ всѣми обозначенными мѣстами, то онъ расскажетъ все правильно, если же онъ совсѣмъ въ нихъ не былъ, то онъ не въ состояніи ничего рассказать,—и это подтверждено многочисленными опытами. Указанный способъ требуетъ не болѣе получаса работы, не сопряженъ съ особеннымъ трудомъ и во многихъ случаяхъ приводитъ къ немедленному сознанию, такъ какъ задержанный видитъ, что къ дѣлу отнеслись серьезно и что упорство его въ запертѣлствѣ можетъ повлечь за собой лишь долговременную переписку и продолжительное пребываніе его подъ арестомъ, при чемъ въ концѣ концовъ неминуемо должно послѣдовать раскрытіе подлога.

Неудачная выдѣлка самой печати, ошибки орфографическія или ошибки въ исполненіи (напр., положеніе буквъ наоборотъ: *И* вмѣсто *N*, или *S* вмѣсто *S*) сами по себѣ еще не могутъ считаться подозрительными ¹⁾, такъ какъ нерѣдко фальшивыя печати бываютъ гораздо лучше сфабрикованы, нежели подлинныя печати многихъ волостныхъ правленій. Подозрительно это обстоятельство только

---

¹⁾ Существуетъ даже старинная книга о монетахъ съ перевернутыми буквами Зейлера 1783 г. и недавно изданное сочиненіе о такихъ же надписяхъ на настоящихъ средневѣковыхъ печатяхъ, монетахъ и памятникѣхъ кн. Гогенлоэ, между прочимъ библіотечная печать одного университета также имѣетъ перевернутое *N* (*И*).

въ томъ случаѣ, если названіе какого-либо незначительнаго мѣстечка означено на документѣ безъ указанія волости или округа. При этомъ слѣдуетъ различать: если бургомистръ мѣстечка Кукуксвейлеръ заказываетъ для себя новую должностную печать, то онъ, можетъ быть, не будетъ требовать отъ гравера, чтобы онъ вырѣзалъ и названіе государства или иное пояснительное обозначеніе въ томъ предположеніи, что и безъ того всякій знаетъ о его Кукуксвейлерѣ. Если, значить, встрѣчается довольно рѣдкое названіе волости, мѣстечка и т. д. безъ болѣе точнаго обозначенія мѣстности, то одно это еще неподозрительно. Но если мѣстечко носить названіе, часто встрѣчающееся, то дѣло принимаетъ иной оборотъ. Бургомистръ Неудорфа (въ переводѣ: Новой Деревни) хорошо знаетъ, что смѣшиваніе его мѣстечка съ другими того же наименованія можетъ вызвать недоразумѣнія и задержку въ доставленіи бумагъ и корреспонденціи, или что онъ, по предписанію начальства, обязанъ къ болѣе точному обозначенію его мѣстечка, поэтому, заказывая себѣ новую печать, онъ добавитъ, если не наименованіе королевства или страны, то во всякомъ случаѣ другой какой-либо принакъ, напр. Неудорфъ на рѣкѣ Ланъ, или Неудорфъ при X. или Неудорфъ на Восточной ж. д. и т. п. Такимъ образомъ если печать снабжена подобными пояснительными прибавками, то ее можно признать подлинной; подозрѣніе же вполне уместно, если печать гласитъ только: Неудорфъ, или Неудорфъ на Л. и, если притомъ владѣлецъ книжки не съумѣетъ объяснить, что значить это: на Л.

Затѣмъ подложность документа можно обнаружить по почерку его и орфографіи. Такъ, весьма часто отмѣтка, сдѣланная хозяиномъ, и удостовѣреніе этой отмѣтки должностнымъ лицомъ имѣютъ одинъ и тотъ же почеркъ, или одно изъ нихъ писано почеркомъ несомнѣнно измѣненнымъ, — что, естественно, возбуждаетъ подозрѣніе. Если какой-нибудь ремесленникъ, дѣлая запись въ книжкѣ работникашаго у него, а затѣмъ волостной старшина, удостовѣряя эту запись, дѣлаютъ орфографическія ошибки и оба имѣютъ неуклюжій почеркъ, то это явленіе вполне обычное; но если то же сдѣлалъ бухгалтеръ какого-нибудь крупнаго предпріятія или чиновникъ городского учрежденія, то это уже наводитъ на сомнѣнія. Особенно часто встрѣчаются подложныя свидѣтельства съ плохимъ правописаніемъ отъ имени какого-нибудь крупнаго завода, такъ какъ поддѣльватели особенно облюбовали ихъ печати, повидимому: намѣренно имѣющія импонирующую внѣшность. Поэтому, если на отобрап-

номъ свидѣтельствѣ значится подъ скрещенными молотками и киркой: «Управленіе копей соединенныхъ товариществъ для добыванія угля и другихъ обществъ въ Тифензѣ и Ротенбергѣ» и при этомъ слова написаны съ орфографическими ошибками, подписаны «соединеннымъ директоромъ» и скрѣплены «двойнымъ бухгалтеромъ», то такое свидѣтельство несомнѣнно подложно, какъ бы искусно ни была выдѣлана самая печать. Такое именно свидѣтельство, переданное мною дословно, я имѣлъ въ своихъ рукахъ. Оно было выдано нѣсколько лѣтъ назадъ и, судя по надписямъ, прошло безпрепятственно черезъ канцеляріи многихъ полицейскихъ учреждений, хотя составитель, очевидно, подшутилъ надъ пріобрѣтшимъ книжку, включивъ въ нее «соединеннаго директора» и «двойного бухгалтера».

Важное подспорье для немедленнаго изобличенія подлога составляютъ практикуемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отмѣтки посредствомъ штемпельнаго оттиска о полученной владѣльцемъ книжки милостыни, — каковыя отмѣтки дѣлаются обыкновенно на послѣдней страницѣ книжки. Также слѣдуетъ обращать вниманіе на оттиски штемпелей въ книжкахъ, выдаваемыхъ бѣднымъ отъ обществъ бесплатныхъ столовыхъ и под. учреждений. Эти каучуковые штемпеля крайне дешевы и содержатъ въ себѣ лишь такія свѣдѣнія: «получилъ подаваніе въ... (тамъ то), -го дня мѣс. 18 года». Иногда рабочія книжки содержатъ въ себѣ множество такихъ оттисковъ и, если владѣлецъ такой книжки помѣститъ въ ней еще подложное удостовѣреніе о бытности своей на работѣ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то легко можетъ случиться, что время полученнаго имъ гдѣ-либо подаванія совпадаетъ съ временемъ службы его въ другой мѣстности. Окажется что онъ одновременно работалъ въ X. и просилъ милостыню въ У. Такимъ способомъ были изобличены въ подлогъ множество удостовѣреній въ рабочихъ книжкахъ.

Если мы бросимъ взглядъ на техническую сторону выдѣлки этихъ печатей, то получимъ довольно пеструю картину. У насъ можно встрѣтить печати всѣхъ главныхъ государствъ континента, даже французскія и русскія. Эти послѣднія даже предпочитаютъ другимъ, такъ какъ рѣдко найдется, кто сумѣлъ бы прочесть «кириллицу», и только съ трудомъ и далеко не всегда удается установить то учрежденіе, куда бы можно было обратиться за справками. И кромѣ того, какъ уже сказано, въ большинствѣ печатей обозначеніе мѣстности, гдѣ находится данное мѣстечко, умышленно выпускается. Что касается учреждений, печати которыхъ поддѣлываются;

то, конечно, встрѣчаются только печати такихъ учреждений, на обязанности которыхъ лежитъ удостовѣреніе книжекъ и записей въ нихъ, и лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются печати судебныхныхъ мѣстъ на свидѣтельствахъ, удостовѣряющихъ, что извѣстное лицо служило въ такомъ-то судѣ въ качествѣ наемнаго писца, временнаго служителя, истопника и пр. Кромѣ этихъ печатей, встрѣчаются и печати или штемпельные оттиски разныхъ товариществъ и крупныхъ предприятий, заводовъ, копей, крупныхъ сельскихъ экономій и т. п.

Матеріалъ, изъ котораго выдѣлываются печати, бываетъ различный. Рѣже всего встрѣчаются металлы, почему можно думать, что только въ рѣдкихъ случаяхъ профессиональные граверы бываютъ поддѣльщиками,—такъ какъ для нихъ обработка металловъ не представляла бы затрудненій. Относительно часто встрѣчается только свинецъ, къ которому для большей твердости примѣшивается олово или цинкъ. Металламъ предпочитается дерево: липа, букъ, плющевое дерево и болѣе мягкія породы. Еще чаще встрѣчается стеатитъ (Speckstein, Taufstein), который легко добывается и безъ труда поддается ножу. Недостатокъ его заключается въ хрупкости, такъ какъ при болѣе сильномъ нажиманіи легко отскакиваютъ отдѣльныя буквы. Самымъ излюбленнымъ матеріаломъ для поддѣльныхъ печатей служить, несомнѣнно, простой шиферъ (аспидный сланецъ). Употребленіе для грифельныхъ досокъ и крышъ облегчаетъ возможность пріобрѣтенія этого матеріала, легко поддающагося обработкѣ и въ то же время не столь хрупкаго при сильныхъ нажиманіяхъ. Изъ изломѣ масса его однородна и, что важнѣе всего, пластинки изъ этого матеріала могутъ быть настолько тонки, что нѣсколько такихъ печатей легко запрятать безъ труда. Способъ фабрикаціи печатей крайне примитивенъ, если только онѣ не вышли изъ рукъ лица, специально учившагося гравированію.

Въ моей коллекціи, нынѣ хранящейся въ уголовномъ музеѣ въ гор. Грацѣ, имѣются четыре печати, сдѣланныя изъ аспида и отобранныя у подозрительныхъ личностей въ то время, когда онѣ еще не были закончены, такъ что легко можно видѣть весь способъ ихъ выдѣлки,—особенно при помощи увеличительнаго стекла. Къ тому же въ двухъ случаяхъ у нихъ отобранны были и орудія выдѣлки, рѣзцы. Это—не что иное, какъ обыкновенная швейная игла, воткнутая ушкомъ въ деревянную палочку, толщиною съ карандашъ, служащую рукоятью. Что никакого другого орудія и не бываетъ, можно заключить по остальнымъ печатямъ, па которыхъ самымъ

отчетливымъ образомъ замѣтны слѣды царапанія иглой. Способъ гравированія, повидимому, таковъ, что сначала посредствомъ циркуля отмѣчаются дѣленія (циркуль и игла—единственныя орудія при выдѣлкѣ фальшивыхъ печатей), намѣчаются кругообразныя линіи, послѣ чего отдѣльныя буквы, украшенія, узоры и пр. исполняются иглой. Все лишнее, что оказывается между буквами, постепенно соскабливается. Игла работаетъ очень медленно, но за то нѣтъ опасности, что она слишкомъ глубоко или много захватитъ или попортитъ букву. Я убѣдился на опытѣ, что, при достаточномъ терпѣніи, работа идетъ относительно легко и свободно. Утверждаютъ, что такого рода упражненія большею частью наполняютъ досуги арестантовъ, такъ какъ нетрудно передать арестанту иглу и кусочекъ аспіда.

Впрочемъ, поддѣльными печатами пользуются не только бездомные бродяги. Такъ, недавно въ газетахъ было сообщено объ одномъ богатомъ мясоровцовѣ въ Берлинѣ, который при посредствѣ другаго лица приобрѣлъ себѣ на «берлинской биржѣ печатей» экземпляръ поддѣльнаго штемпеля мѣсячной бойни, и самъ клеймилъ мясо. Если вспомнить, что осмотръ каждой свиньи на бойнѣ обходится въ одну марку и что мясоровецъ этотъ еженедѣльно продавалъ среднимъ числомъ 200 свиней, то его дѣло было очень выгоднымъ, ибо отправляя на бойню только половину свиней, онъ зарабатывалъ въ мѣсяцъ около 400 марокъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, при помощи какихъ средствъ можно бороться съ этимъ опаснымъ ремесломъ. Лучшее средство, несомнѣнно, заключается въ томъ, чтобы С. С. не относился легко къ подлогамъ и не щадилъ бы труда на самое тщательное изслѣдованіе, разъ только отобранный документъ возбуждаетъ малѣйшее подозрѣніе въ подлинности. Другая полезная мѣра состоитъ въ опубликованіи о каждомъ обнаруженномъ подлогѣ въ полицейскихъ и розыскныхъ листкахъ. Такъ какъ каждая поддѣльная печать употребляется не одинъ разъ и многія личности получаютъ при помощи ея подложныя свидѣтельства о работѣ, то всѣ удостовѣренія, на которыхъ приложена печать опубликованной формы, слѣдуетъ, конечно, признавать подложными. Если, напр., доказано, что «должностная печать изъ мѣстечка Вейсензэ» оказалась фальшивой, то въ мѣстныхъ листкахъ слѣдуетъ въ точности обозначить названіе этой печати и всѣ ея отличительныя признаки. Напр. такъ: «обнаружена слѣдующая поддѣльная печать: должностная печать мѣстечка Вейсензэ, овальной формы, длиной 33 мм.

шириной 31 мм., хорошей выдѣлки». Если дѣло идетъ о поддѣлкѣ печати дѣйствительно существующаго учрежденія, то прежде всего слѣдуетъ вытребовать подлинный оттискъ ея и въ публикаціи описать и внѣшность подлинной печати. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы добавить къ нашему примѣру: «подлинная печать мѣст. В. имѣеть прибавку: «на Рейнѣ» и отличается круглой формой».

Если такія публикаціи будутъ дѣлаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приниматься мѣры къ ихъ распространенію, то въ короткое время обнаружатся не только всѣ оттиски, сдѣланные опубликованною печатью, но и самыя мѣры эти послужатъ поводомъ къ обнаруженію другихъ подлоговъ. Ибо кто имѣеть въ своей рабочей книжкѣ одну подложную печать, у того навѣрное найдется ихъ нѣсколько. Честный рабочій, безъ сомнѣнія, никогда не будетъ пользоваться подлогомъ, хотя бы случайно онъ въ теченіе продолжительнаго времени и не имѣлъ работы: къ такому средству прибѣгаетъ только промысловый негодай, а для дѣятельности его недостаточно единичнаго подложнаго удостовѣренія, но прошествіи извѣстнаго времени, онъ прибѣгаетъ къ новому подложному удостовѣренію. Если поэтому у подобной личности въ книжкѣ будетъ обнаружено одно фальшивое удостовѣреніе, то слѣдуетъ отнестись съ недоверіемъ и къ остальнымъ, имѣющимся въ ней удостовѣреніямъ. Если провѣрить правильность этихъ послѣднихъ, то съ высокою вѣроятностью можно предсказать еще и другіе подлоги. Опубликованіе ихъ приведетъ къ разоблаченію другихъ въ томъ же родѣ и такимъ образомъ одно обнаруженіе поведетъ другія въ возрастающей прогрессіи. А это можетъ повести къ уничтоженію зла, конечно, если наказанія будутъ налагаться строга, соотвѣтственно степени общественной опасности, протѣкающей отъ такихъ подлоговъ.

Существеннымъ подспорьемъ при выясненіи подлоговъ печатей можетъ послужить одно сочиненіе Франца Фурмана, въ которомъ въ алфавитномъ порядкѣ перечислено большое количество печатей всевозможныхъ присутственныхъ мѣстъ, съ изображеніями ихъ: изображенія эти могутъ служить для сличенія во всѣхъ дѣлахъ о подлогахъ печатей. Желательно, чтобы книга эта пополнялась всѣми новыми печатями присутственныхъ мѣстъ.

Самое радикальное, однако, средство для предупрежденія подлоговъ лежитъ внѣ сферы дѣятельности С. С. и излагается здѣсь лишь ради полноты. Оно заключается въ томъ, чтобы официаль-

ныя печати были возможно лучшаго качества,—что весьма затруднить и поддѣлку ихъ. Кто видѣлъ такія печати, тотъ могъ убѣдиться, что не только большинство печатей волостныхъ правленій, но и печати другихъ присутственныхъ мѣстъ сдѣланы весьма плохо. И наоборотъ, большая часть поддѣльныхъ печатей прямо могла бы служить образцомъ для этихъ подлинныхъ. Циркулярныя распоряженія такого рода, чтобы всѣ присутственныя мѣста и лица обязаны были имѣть художественно сработанныя печати, конечно, не помогли бы дѣлу: не только нельзя этого требовать, но и нельзя наблюдать за исполненіемъ такого распоряженія. Для этого необходимо, чтобы государство въ нѣкоторомъ смыслѣ монополизировало производство печатей для присутственныхъ мѣстъ и взяло на себя какъ выдѣлку, такъ и снабженіе ими. Я представляю себѣ это дѣло такимъ образомъ, что въ центральномъ правительственномъ учрежденіи будутъ выработаны извѣстные образцы печатей въ нужномъ числѣ экземпляровъ: на нихъ будутъ вырѣзаны украшенія, эмблемы и слова, встрѣчающіяся на каждой изъ нихъ: «должностная печать города...», «должностная печать Королевскаго Ландгерихта въ.....» и т. д. Для cadaго присутственнаго мѣста въ отдѣльности оставалось бы вырѣзать въ послѣдствіи названіе мѣста, болѣе точное географическое обозначеніе его.

Кто имѣлъ случай видѣть много подложныхъ печатей, документовъ, кредитныхъ билетовъ и т. д., тотъ знаетъ, что для опытнаго поддѣльщика не представляетъ особыхъ затрудненій поддѣлка даже весьма художественныхъ или вычурныхъ буквъ, орнаментовъ и пр. Только одно ему не удается почти всегда: изображеніе человѣка, въ особенности лица его и рукъ. Это наблюдается именно на поддѣльныхъ кредитныхъ билетахъ: все поддѣлано на нихъ мастерски, кромѣ лицъ и рукъ аллегорическихъ изображеній. Это послѣднее выходитъ обыкновенно настолько посредственно, что по нимъ и узнается большею частью подлогъ. Поэтому слѣдовало бы на печатяхъ правительственныхъ мѣстъ помѣщать чело-вѣческія фигуры (аллегорическія изображенія, геніевъ и пр.), чтобы затруднить существеннымъ образомъ поддѣлку ихъ; если даже въ рабочей книжкѣ половина страницы будетъ занята оттискомъ такой печати, то въ этомъ не будетъ никакого неудобства. Чѣмъ крупнѣе будутъ изображенія на печатяхъ, тѣмъ художественнѣе могутъ быть онѣ исполнены и тѣмъ труднѣе будетъ ихъ поддѣлка.

Вопросъ объ издержкахъ въ данномъ случаѣ не долженъ имѣть мѣста: такъ какъ болѣе или менѣе всѣ печати будутъ вы-

рѣзаны по нѣсколькимъ типичнымъ образцамъ, то дорого будетъ стоить лишь выдѣлка образцовъ, изготовленіе же по нимъ остальныхъ художественныхъ печатей едва ли обойдется дороже, нежели нынѣшнія жалкія печати. Достигнуть этого при современной выработкѣ печатей изъ каучука тѣмъ болѣе легко, что примѣненіе чернилъ специально штемпельныхъ, состоящихъ изъ анилина и глицерина, значительно способствуетъ чистотѣ и отчетливости оттисковъ. Если всѣ печати будутъ изготовлены сразу и разосланы въ присутственныя мѣста по собственной цѣлѣ, то можно установить исключительное употребленіе этихъ печатей во всемъ государствѣ съ опредѣленнаго дня, съ тѣмъ, чтобы всѣ старыя печати были одновременно истребованы. Учрежденія, на которыя возложена провѣрка документовъ (полиція и др.), такъ же твердо привыкнуть къ типичной формѣ изображеній, орнаментовъ и буквъ, какъ привыкли къ формѣ денежныхъ знаковъ: будетъ достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ подлинности или подложности печати. Современные же злоумышленники, занимающіеся поддѣлкой печатей, совсѣмъ не рѣшились бы взяться за поддѣлку столь сложныхъ печатей, и опасному ремеслу ихъ былъ бы положенъ конецъ однимъ ударомъ.

Въ заключеніе скажу, что ни подъ какимъ видомъ далѣе не слѣдуетъ употреблять каучуковыхъ штемпелей и печатей, — такъ какъ ими можно пользоваться только съ анилиновыми красками. Если пользоваться масляной краской, то каучукъ разрушается въ короткій срокъ вслѣдствіе дѣйствія масла. Получаемые же на анилиновой краскѣ оттиски легко могутъ быть копированы. Если нажать на такой оттискъ, особенно свѣжій, кажимъ либо эластичнымъ влажнымъ предметомъ (напримѣръ кускомъ яблока, половиной картофеля, бѣлкомъ яйца, кускомъ гектографической массы или полустывшаго столярнаго клея и т. п.), то получается ясный печатный оттискъ печати, — который удастся особенно четко, если предварительно смочить спиртомъ обратную сторону бумаги, на которой имѣется подлинный оттискъ. Если далѣе негативный оттискъ приложить къ нѣсколько смоченной бумагѣ, то получимъ безукоризненную копію подлинной печати или штемпеля. И я не могу себѣ представить, какъ доказать поддѣльность этого оттиска. Также хорошо удастся и второй и третій экземпляръ оттисковъ, хотя нѣсколько блѣднѣе.

2. 0 подѣлкѣ частныхъ печатей.

Съ той поры, какъ существуютъ почтовые конверты съ обмазаннымъ клеємъ краемъ,—штемпеля, печати весьма рѣдко прикладываются къ частнымъ письмамъ. Тѣмъ не менѣе подобныя письма продолжаютъ вскрываться для преступныхъ цѣлей ¹⁾, тѣмъ болѣе, что не безъ основанія можно предполагать, что такія письма съ печатями нерѣдко содержатъ въ себѣ что-либо цѣнное. Самый обычный способъ вскрыванія сургучной печати и наложенія новой заключается въ примѣненіи гипса: сургучную печать окаймляютъ осторожно воскомъ и въ средину вливаютъ наилучшаго свѣжежженного гипса (берлинскаго алебастра), печать же предварительно осторожно покрывается легкимъ слоемъ масла. По затвердѣніи, гипсъ легко снимается, имѣя внизу негативное изображеніе печати, и тогда взламываютъ на письмѣ сургучную печать. Для того, чтобы вновь запечатать письмо, послѣ наложенія сургуча прикладываютъ къ нему гипсовый слѣпокъ, при чемъ первый оттискъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ довольно хорошъ. Второй оттискъ удается рѣдко, такъ какъ частички гипса пристають къ горячему сургучу, да во второмъ оттискѣ не представляется надобности. Въ концѣ концовъ приставшія частички гипса осторожно удаляются, но подъ лупой ихъ можно замѣтить и этимъ обнаруживается подѣлка. Еще проще вмѣсто гипса употребляютъ смятый свѣжій хлѣбъ: онъ плотно нажимается на печать и затѣмъ высушивается. Такимъ слѣпкомъ можно сдѣлать нѣсколько довольно хорошихъ оттисковъ, хотя они не очень четки. Присутствіе небольшихъ частицъ хлѣба на подлинной печати возможно установить путемъ химическаго (при помощи іода) и микроскопическаго изслѣдованія.

Въ «черномъ кабинетѣ» Людовика XIV, какъ передаютъ, письмо съ печатью клали на наковальню, а на самый оттискъ печати небольшую свинцовую пластинку: при ударѣ молоткомъ на этой пластинкѣ сургучная печать разлеталась вдребезги, но оставляла хорошій оттискъ на свинцовой пластинкѣ. Такая свинцовая пластинка можетъ служить въ видѣ печати сколько угодно. Для

¹⁾ Лучшій способъ предупредить вскрываніе заклеенныхъ писемъ безъ печатей—написать анилиновыми чернилами имя отправителя на томъ краѣ конверта, который приклеенъ. Желая вскрыть письмо долженъ смочить этотъ край и тогда анилиновые чернила расплываются.

успѣха такого способа требуется лишь, чтобы плоскости наковальни и молотка были взаимно параллельны. Обнаруживать подобные подлоги можно потому, что свинцовая печать втискивает сургучъ въ бумагу.

Для насъ и интересно и поучительно познакомиться съ способами подлоговъ, практиковавшихся и во времена давно прошедшія. Такъ рассказываетъ Бонъ-Компанья изъ Флоренціи объ одномъ итальянскомъ аббатѣ, который для снятія слѣпковъ съ печатей и пр. пользовался особеннымъ веществомъ, названнымъ имъ *cinericium*. Юганъ ф. Шеллендорфъ, знаменитый поддѣлыватель печатей въ XIV столѣтіи, дѣйствовалъ при помощи сѣрной пасты ¹⁾. Часто вырѣзывались поддѣльные печати совершенно самостоятельно, и папа Иннокентій III издалъ специальные указы, которыми преслѣдовалъ подлоги папской печати, практиковавшіеся разными способами.

Печати изъ воска обыкновенно срѣзывались тонкимъ горячимъ ножомъ и затѣмъ вновь наклеивались. Употребляющіяся двойныя печати, которыя обыкновенно подвѣшиваются къ документамъ, разрѣзались лошадинымъ волосомъ, вымоченнымъ въ скипидарѣ и затѣмъ вновь склеивались.

D) о мошенничествѣ въ торговлѣ лошадьми.

1. Общія замѣчанія.

Ни въ какой торговлѣ, кажется, не совершаются столь часто обманы, какъ именно въ торговлѣ лошадьми, и никакіе иные обманы не доходятъ столь рѣдко до свѣдѣнія властей, какъ эти послѣдніе. Явленіе это, быть можетъ, есть главная причина перваго, такъ какъ вообще слабое преслѣдованіе извѣстнаго рода преступленій всегда сопровождается увеличеніемъ ихъ числа. Къ этому присоединяется еще и то, что, если сравнительно нетрудно обмануть при продажѣ лошади, то въ той же степени трудно бываетъ впоследствии доказать, что недостатки въ лошади существовали и ранѣе, и что продавецъ умалчивалъ о нихъ и пр. Кроме того, большая часть лицъ, нуждающихся въ лошадяхъ и покупающихъ ихъ, воображаютъ о себѣ, что они—знатоки и спеціалисты по этой части, почему и неохотно сознаются, что до-

¹⁾ Сѣрная паста готовится различнымъ способомъ: 1-й рецептъ—40 граммъ воска, 60 грамм. канифоли и 20 грамм. сѣрнаго цвѣта; все это растапливается вмѣстѣ.

пустили себя обмануть. Главная же причина, почему мошенническая продажа лошади такъ рѣдко доходитъ до суда, заключается въ томъ, что рѣдко такія дѣла увѣнчиваются успѣхомъ. Потерпѣвшіе затрачиваютъ и время, и трудъ и получаютъ въ концѣ концовъ огорченіе и даже насмѣшки. Что именно такъ обыкновенно бываетъ, имѣетъ свои причины. Тотъ, кому удалось обмануть другого, во всякомъ случаѣ болѣе знатокъ въ лошадяхъ, нежели потерпѣвшій, и изобличить его въ обманѣ вовсе не легко. Изъ ста С. С., быть можетъ, только одинъ имѣетъ кое-какія понятія въ этой отрасли, а добыть свѣдущихъ лицъ по дѣламъ о мошенничествѣ при продажахъ лошадей почти невозможно.

Ветеринарный врачъ въ состояніи точно указать болѣзни и недостатки предъявленной ему лошади, но и ему неизвѣстны тѣ способы, которыми продавецъ съумѣлъ замаскировать эти пороки и старой измученной клячѣ придать видъ дорогого коня. Кавалерійскіе офицеры, которые вслѣдствіе большой опытности могли бы дать свѣдѣнія о многомъ, имѣются на лицо лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и единственный специалистъ по этой части, хитрый барышникъ лошадьми, никогда не расскажетъ суду о тѣхъ приемахъ и способахъ, которые онъ самъ примѣнялъ перѣдко и имѣетъ еще въ виду примѣнять. Обратиться къ нему и предложить вопросъ о томъ, какимъ образомъ его сотоварищъ по ремеслу обманываетъ покупателя, было бы довольно паивно.

Но если мы не хотимъ быть простыми зрителями безнаказанно совершающихся обмановъ и съ смущеннымъ видомъ признаваться предъ потерпѣвшимъ, что «мы сами недовольно свѣдущи: чтобы съумѣть раскрыть мошенничество барышника»,—то остается только одинъ путь, чтобы С. С. самъ взялся за дѣло и приобрѣлъ въ этой области познанія хотя бы настолько, чтобы съумѣть допрашивать свидѣтелей и чтобы показанія ихъ могли вслѣдствіе этого представить достаточный матеріалъ для приглашеннаго экспертомъ ветеринарнаго врача. Мошенничество заключается обыкновенно во всей совокупности обстоятельствъ, изъ которыхъ сложилась продажа лошади, и всѣ эти обстоятельства должны быть выяснены путемъ подробнаго разспроса. Путемъ вопросовъ потерпѣвшій долженъ быть наведенъ на всѣ подозрительныя обстоятельства, ибо, еслибы онъ самъ зналъ ихъ раньше, то онъ не сталъ бы жертвой обмана.

Самъ собой разумѣется, что нѣсколько прочтенныхъ книгъ или даже нѣсколько строкъ еще не сдѣлаютъ человѣка знаткомъ

лошадей, которому под силу была бы борьба съ опытными мошенниками, но за то возможно, чтобы С. С. приобрѣлъ настолько познаній, что будетъ въ состояніи, какъ уже сказано выше, предлагать потерпѣвшему дѣльные вопросы. Если же, кромѣ того, С. С. будетъ пользоваться представляющимися ему случаями и бесѣдовать съ дѣйствительными знатоками лошадей о природѣ, строеніи, свойствахъ, порокахъ и болѣзняхъ лошадей и усвоитъ собѣ болѣе важныя названія частей тѣла лошади, то положеніе его уже не будетъ безпомощнымъ, развѣ только онъ имѣетъ дѣло съ слишкомъ сложнымъ мошенничествомъ.

Ниже я излагаю важнѣйшія данныя, которыя я счелъ нужнымъ заимствовать изъ учебниковъ Вильгельма Баумейстера (д-ръ Руэфъ), майора Теннекера и д-ра Лентина («Тайны Дессаускаго лошадиного торговца Авраама Мортгенса») и другія свѣдѣнія, собранныя мною въ теченіе многихъ лѣтъ лично отъ знатоковъ лошадей.

Долженъ сказать прежде всего, что собственно техническіе и понятные только для спеціалиста приемы барышниковъ совсѣмъ не многочисленны и почти всегда очевидны для того, кто, такъ сказать, имѣетъ глаза свои раскрытыми. Большая же часть искусственныхъ приемовъ, практикуемыхъ барышниками, ничѣмъ не отличаются отъ приемовъ, которые употребляются и при мошеннической продажѣ всякаго другого предмета, и врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что ловкій торговецъ лошадьми, сбывающій съ успѣхомъ малоцѣнныхъ лошадей за дорогія деньги, обыкновенно достигаетъ цѣли *не столько благодаря своему знанію лошадей, сколько именно благодаря своему знанію людей*. Онъ зорко наблюдаетъ за покупщикомъ, опредѣляя его способности, намѣренія, знанія и слабыя стороны и, смотря по обстоятельствамъ, онъ обращается съ нимъ или вѣжливо, или грубо, во всякомъ случаѣ старается льстить и въ концѣ концовъ сбываетъ коня за двойную цѣну, иногда даже не прибѣгая къ малѣйшему средству измѣнить внѣшность своей лошади.

Когда императоръ Іосифъ II октября 9 дня 1783 г. издалъ указъ (дѣйствовавшій въ Швеціи уже съ 1727 г.), воспрещавшій цыганамъ торговать лошадьми, то въ указѣ этомъ прямо было высказано, что повелѣніе издается не столько вслѣдствіе тѣхъ «подлыхъ» средствъ, къ которымъ прибѣгали цыгане для измѣненія наружнаго вида лошадей, сколько потому, что цыгане своей болтовней, клятвами и увѣреніями вводили людей въ заблужденіе,

которые оттого терпѣли большіе убытки, покупая у нихъ лошадей. Но если люди пользуются средствами, лежащими въ самомъ человѣкѣ: или общими ихъ привычками, или особенными свойствами каждаго, то пѣть, конечно, надобности ни въ услугахъ лицъ свѣдущихъ относительно лошадей, ни въ защитѣ уголовнаго правосудія. Ложь сама по себѣ не есть дѣяніе, наказуемое уголовнымъ закономъ, и только тогда превращается въ уголовнонаказуемый обманъ, когда сопровождается какими-нибудь особенными, вводящими въ заблужденіе дѣйствіями, или если виновный въ той же мѣрѣ воспользовался уже существующими заблужденіями.

2. О средствахъ обмана въ отдѣльности.

Говоря объ обманныхъ средствахъ, употребляемыхъ въ торговлѣ лошадьми, мы должны подраздѣлить ихъ на такія, которыя занимаютъ средину между нечестнымъ образомъ дѣйствій и наказуемымъ обманомъ; такія, въ которыхъ недозволенными способами пользуются для обмана наличными условіями, и такія, которыя представляются настоящей поддѣлкой. Сюда присоединяются еще и такія средства, для которыхъ требуется содѣйствіе третьихъ лицъ.

Въ общемъ невозможно сказать, есть ли каждое изъ указанныхъ средствъ дѣяніе, наказуемое само по себѣ: если продавецъ не будетъ особенно указывать на нескрытый порокъ лошади, или вычислить свою лошадь, вообще представить ее въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, если онъ сумѣетъ вывести ее такъ, что слабыя ея стороны не бросятся въ глаза покупателю, а однѣ лишь выгодныя ея стороны, если онъ не раздражитъ покупателя возраженіями, будетъ признавать мнѣнія его правыми и лестью постарается вызвать въ немъ хорошее настроеніе духа, то всѣ эти дѣйствія не очень благовидны, но въ то же время не могутъ быть предметомъ кары уголовнаго закона. Даже нѣкоторыя обманные средства, которыми въ дѣйствительности отсутствующія качества лошади искусственно и на короткій срокъ поддерживаются въ лошади, или наоборотъ, дѣйствительный порокъ лошади будетъ на мгновеніе передъ покупщикомъ скрытъ, такъ что онъ не будетъ замѣтенъ даже и при нѣкоторой внимательности,—не могутъ быть отнесены къ уголовнонаказуемымъ, такъ какъ все-таки неоспоримо, что тотъ, кто желаетъ купить лошадь, долженъ видѣть, что покупаетъ: *vigilantibus lex*. Поэтому каждый случай слѣдуетъ обсуждать самъ по себѣ, соображая, какъ все происходило, что думалъ продавецъ о

покупщикъ, какія давалъ ему обѣщанія и гарантіи, къ какимъ средствамъ при этомъ прибѣгалъ, какъ показывалъ лошадь, чего требовалъ покупатель, какого рода были замаскированный недостатокъ лошади и неподтвердившіяся, но обѣщанныя достоинства ея, и въ какомъ соотношеніи находятся всѣ эти качества лошади: и хорошія, и дурныя съ дѣйствительною стоимостью лошади.

Обманъ будетъ такимъ образомъ на лицо, если продавецъ искусно скрылъ или умышленно умолчалъ объ опасной болѣзни лошади, но нѣтъ преступленія въ томъ, что несущественный недостатокъ, напр., въ масти лошади, былъ скрытъ посредствомъ окраски ея и если въ остальномъ лошадь досталась хорошая и стоящая заплаченной за нее суммы. Хотя бы покупатель и утверждалъ, что не купилъ бы лошади, если бы зналъ о подкрашенномъ мѣстѣ, это совершенно безразлично, т. е. безразлично съ точки зрѣнія уголовноправовой, ибо именно въ этихъ случаяхъ легко найти границу между гражданскимъ и уголовнымъ правонарушеніемъ. Умалчиваніе о болѣзни можетъ служить лишь основаніемъ для иска объ убыткахъ, но не для уголовного преслѣдованія. Умышленное же замаскированіе болѣзни является дѣяніемъ уголовнонаказуемымъ. Если же масть лошади будетъ подкрашена, то дѣло, конечно, обстоитъ иначе: хотя продавецъ на самомъ дѣлѣ подкрасилъ лошадь, но онъ только въ томъ случаѣ можетъ быть наказанъ въ уголовномъ порядкѣ, если отъ дѣйствій его покупатель понесъ матеріальный ущербъ.

Оговариваюсь еще разъ: я вовсе не думаю, что въ этомъ отношеніи С. С. долженъ брать на себя дѣло ветеринарнаго врача: осмотръ и оцѣнка должны быть предоставлены этому послѣднему, но С. С. долженъ знать, о чемъ спрашивать потерпѣвшаго и что именно выяснять по дѣлу, чтобы собрать матеріалъ для свѣдущаго лица. А для этого онъ долженъ настолько обладать спеціальными познаніями, чтобы изложить на всякій случай мнимому обманутому, что продавецъ прибѣгалъ къ такимъ средствамъ, которые по меньшей мѣрѣ прямо не воспрещены уголовнымъ закономъ. Такого рода дѣловыми указаніями С. С. и себя, и другихъ избавить отъ многихъ огорченій и излишняго труда.

а) Показываніе лошади съ болѣе благоприятной стороны.

Всякій торговецъ, промышляющій лошадьми, или вообще кто пожелаетъ продать лошадь, устраиваетъ такъ, чтобы и помѣщеніе для лошадей, и животное было представлено покупателю съ выгод-

ной стороны. Въ особенности торговецъ лошадыми позаботится о томъ, чтобы въ конюшнѣ его былъ свѣжій воздухъ, много свѣта и обстановка была, по возможности, изящна; лошади будутъ размѣщены по мастямъ, попоны и недоуздки будутъ бѣлаго цвѣта, почва въ стойлахъ немного приподнята, и въ тотъ моментъ, когда кто-нибудь войдетъ въ конюшню, при помощи кнута, щелканія и подобныхъ средствъ между всѣми лошадыми производится тревога, онѣ устремляются впередъ и настораживаются, вслѣдствіе чего выглядятъ свѣжими, бодрыми и рѣзвыми.

Какъ только покупатель подходитъ къ одной лошади, торговецъ схватываетъ ее за морду, высоко приподнимаетъ ее голову и подстегиваетъ сзади, вслѣдствіе этого лошадь приводится въ наиболѣе выгодное положеніе и глядитъ прямо и возбужденно. Одновременно съ тѣмъ, нѣкоторые ея недостатки: слишкомъ высокій загривокъ, слишкомъ большой задъ, дурная постановка ногъ въ возможной степени дѣлаются незамѣтными. Другими словами, лошадь произведетъ на покупателя сравнительно хорошее впечатлѣніе, и это впечатлѣніе оказываетъ на него вліяніе и послѣдствіи. Даже крупныя недостатки, какъ напр., спина горбомъ, такимъ способомъ могутъ быть скрыты по крайней мѣрѣ въ теченіе того времени, пока спина не закрыется сѣдломъ или попоной. Торговецъ, проводя рукой по спинѣ лошади, незамѣтно для покупателя крѣпко надавливаетъ ногтемъ пальца на выпуклость спины, вслѣдствіе чего лошадь, если горбъ не слишкомъ крупный, на относительно продолжительное время вытягивается и держится прямо. Покупатель, если онъ даже и примѣтилъ эту выпуклость спины, можетъ принять ее не за постоянное свойство, а за временное выгибаніе спины, какъ бываетъ съ лошадыми при вставаніи.

Если затѣмъ покупатель найдетъ лошадь заслуживающую болѣе тщательнаго осмотра, то барышникъ выводитъ ее на дворъ, который огороженъ всегда свѣже выбѣленными стѣнами, вслѣдствіе чего лошадь выгодно обрисовывается. При этомъ онъ ставитъ ее такъ, чтобы бокъ лошади, имѣющій какіе-нибудь недостатки, былъ обращенъ къ стѣнѣ. Какъ только покупатель подходитъ ближе, онъ останавливаетъ его вниманіе именно на хорошей сторонѣ лошади, другой же бокъ онъ показываетъ ему только мимоходомъ, при пробѣгѣ или передвиженіи лошади. Къ тому же, когда лошадь обращается своей невыгодной стороной къ покупателю, ее заставляютъ гарцовать, сдѣлать скачокъ, или вообще безпокоятъ ее, чтобы покупатель не имѣлъ времени разсмотрѣть поближе имѣю-

щется у нея съ этой стороны недостатки. Если покупатель потребуетъ, чтобы показали ему лошадь съ другой стороны, то ее проводятъ кругомъ него и ставятъ къ противоположной сторонѣ двора. Такъ какъ голова лошади при этомъ обращена въ другую сторону, то покупатель иногда поддается этому обману: стоя посреди двора, онъ воображаетъ, что видитъ передъ собой другой бокъ, именно потому, что голова лошади обращена въ другую сторону (я самъ испыталъ это на дѣлѣ).

При каждомъ положеніи, въ которое приводится лошадь, стараются ставить ея переднія ноги выше, чѣмъ заднія, т. е. на болѣе высокое мѣсто. Въ этомъ положеніи лошадь выглядитъ гордо и смѣло, а главное: недостатки переднихъ ногъ совершенно исчезаютъ (козлиныя ноги, слабыя въ колѣняхъ, и вообще нетвердыя ноги). Тяжесть тѣла перемѣщается къ заду, переднія ноги менѣе обременены и находятся въ положеніи упирающихся, вслѣдствіе чего напрягаются въ сочлененіяхъ и становятся твердо и спокойно.

Что касается средствъ, измѣняющихъ ростъ лошади, то обыкновенно средства эти направлены къ тому, чтобы лошадь казалась выше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Но бываетъ и такъ, что торговецъ старается уменьшить ея размѣры, если покупатель почему-либо желаетъ купить лошадь меньшаго роста, напр., если онъ подбираетъ парныхъ, одинаковаго роста лошадей для экипажа. Средства эти заключаются прежде всего въ постановкѣ лошади, причемъ можно ее сдѣлать болѣе вытянутой, или же собранной и потому выше хотя бы на нѣсколько линій. Разница эта можетъ быть увеличена, если выводить и измѣрять лошадь кованную и некованную, съ шипами на подковахъ, или безъ шиповъ, если ставить ее на твердой почвѣ, или на песчаной, въ которую ноги ея уходятъ. Такимъ путемъ можно достигнуть довольно значительной разницы ранѣ, чѣмъ приступили къ измѣренію: процессъ же измѣренія можетъ еще болѣе увеличить эту разницу. Ростъ можетъ получиться больше или меньше, смотря по тому, какъ приложить мѣрку: прямо или косо, натянуть ленту туго, или слабо, съ вершины холки, или немного отступя, если наложить ленту на мясистыя части плечъ лошади, или же измѣрять по прямой отвѣсной линіи. Пусть даже надъ этимъ измѣреніемъ внимательно слѣдитъ самъ покупатель, пусть даже принесетъ собственную мѣрку, — все-таки барышникъ съ успѣхомъ проведетъ его при измѣреніи, развлекая его своей неугомонной болтовней.

Когда, наконецъ, измѣреніе привело къ результату, желанному

для покупателя, начинается запряжка лошади. Главное правило барышника при этомъ заключается въ томъ, чтобы запряжка занимала, какъ можно менѣе времени, такъ какъ покупатель не успеетъ тогда сдѣлать какихъ-нибудь невыгодныхъ для лошади наблюдений. Сбруя должна быть несложная, подходящая къ лошади и въ полномъ порядкѣ, чтобы быстро можно было ее наложить на лошадь. При этомъ никогда не употребляютъ такія приспособленія, которыя имѣютъ цѣлью прямо отучать лошадь отъ тѣхъ или другихъ недостатковъ. Напр., никогда не надѣвуть такъ называемый мартингалъ, который препятствуетъ лошади становиться на дыбы; или приспособленія, мѣшающія лошади высовывать языкъ, или особыя приспособленія для крѣпкоуздой лошади. На короткое время выводки лошади, барышникъ знаетъ другія средства, которыми онъ помѣшаетъ лошади стать на дыбы или высовывать языкъ: ему довольно кнута, шпоръ и шенкелей. Пусть затѣмъ покупатель самъ прибѣгаетъ къ какимъ угодно средствамъ, но пока онъ не долженъ знать, что для данной лошади необходима упряжь съ особыми приспособленіями, напр., мартингаломъ и другими. И наоборотъ, иногда барышникъ весьма охотно надѣнетъ упряжь широкую, удобную съ наборомъ, если потребуется прикрыть ея худощавость лошади, какія-нибудь родимыя пятна, мѣста, небросшія волосы, и подобные недостатки, или если онъ желаетъ, чтобы лошадь выглядѣла вообще болѣе сильной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Если покупатель спроситъ, почему именно надѣвается такая сбруя, то ему отвѣтятъ, что это — модная сбруя, или единственная подходящая, или что лошадь особенно любитъ такую сбрую и т. п.

Если лошадь имѣетъ какіе-нибудь признаки восточнаго происхожденія, то на нее надѣваютъ венгерскую сбрую съ плетеными кистями, бубенцами и другой отдѣлкой восточнаго характера, вслѣдствіе чего лошадь производитъ впечатлѣніе настоящей арабской. Употребляемое при этомъ венгерское сѣдло имѣетъ еще то преимущество, что оно прикрываетъ недостатки на спинѣ или на крестцѣ. Вообще сѣдло накладывается возможно далѣе къзади, вслѣдствіе чего подъ верхомъ лошадь выглядитъ красивѣе и бодрѣе, хотя такой способъ сѣдланія лошадь и не выносить долго, развѣ только на время выводки.

То же наблюдается при ѣздѣ верхомъ на неподкованной лошади: на песчаной почвѣ или на манежномъ кругу лошадь идетъ очень хорошо и легко, но только короткое время: походка эта зна-

нительно измѣняется къ худшему, когда та же лошадь подкована и ѡбжить по мостовой. Еще выгоднѣе впечатлѣніе, если сѣсть верхомъ на неосѣдланную лошадь: всякому извѣстно, какъ красивы лошади въ циркахъ, появляющіяся на аренѣ безъ сѣдла, въ шитыхъ золотомъ пополахъ яркаго цвѣта, а барышнику эти приемы очень хорошо знакомы. Кромѣ того, сами лошади чувствуютъ себя подъ мягкимъ покрываломъ легче и лучше, нежели подъ тяжелымъ сѣдломъ и, наконецъ, какъ важно для торговца накинуть покрывало въ одинъ моментъ, тогда какъ наложить сѣдло требуется все таки настолько времени, что покупатель можетъ усердно разсмотрѣть лошадь.

Затѣмъ слѣдуетъ выѣздка верхомъ, сопровождающаяся тѣми же приемами, какъ и выводка: всадникъ все время ѣдитъ вокругъ покупателя такъ, чтобы онъ видѣлъ только красивую сторону лошади. Также маскируются всѣ ея недостатки: если лошадь слабѣе на правыя ноги, то всѣ повороты, вольты дѣлаются съ лѣвой ноги, при аллюрахъ незамѣтно пришпоривается правый бокъ лошади. Если лошадь пуглива, то барышникъ хорошо знаетъ, на какой глазъ она болѣе пугается (часто лошади пугаются только съ одной стороны). Тогда верховой старается ѣздить такъ, чтобы всѣ необыкновенные предметы были со стороны того глаза, на который лошадь менѣе пугается, или совсѣмъ не пугается.

Наибольшую опасность въ этомъ отношеніи представляетъ самъ покупатель, который, желая испытать спокойствіе лошади, можетъ внезапно сдѣлать прыжекъ, крикнуть, махнуть тростью или платкомъ; однако, если всадникъ хорошо ѣздитъ, то лошадь не испугается, и въ послѣдствіи покупатель бываетъ крайне удивленъ, когда смирная лошадь, показавшая себя при испытаніи съ столь хорошей стороны, начинаетъ вдругъ бояться каждаго воробья и сбрасывать съ сѣдла.

Если лошадь хорошо сложена спереди и дурно сзади, то ѣзда производится такъ, что старательно избѣгаются всѣ повороты, вольты, и наоборотъ: выдѣлываются всевозможные эти фокусы. Если лошадь имѣетъ красивый крестецъ, такъ что лошадь съ разбитыми, дрожащими отъ слабости ногами можетъ показаться великолѣпной лошадью. Барышникъ никогда при этомъ не ѣздитъ рысью или даже шагомъ, такъ какъ при такомъ аллюрѣ недостатки эти бросаются въ глаза: при ѣздѣ же галопомъ ихъ можетъ подмѣтить только хороший знатокъ. Тѣ же приемы соблюдаются и съ лошадьми разбитыми и тяжелыми на подъемъ, на нихъ торговецъ выѣзжаетъ зара-

нѣе и затѣмъ пускаетъ ихъ короткимъ красивымъ галопомъ. при которомъ лошади всегда хорошо выглядятъ.

Лошади, отличающіяся красивою внѣшностью: хорошею мастью, формами и благороднымъ станомъ и въ то же время имѣющія всѣ тѣ недостатки, которые сказываются только на ходу: неувѣренная походка, слабая спина, показываются торговцемъ въ состояніи неподвижности. Онѣ «ослѣпляютъ» покупателя своею внѣшностью, онъ съ удовольствіемъ ихъ разсматриваетъ, продавецъ водить его кругомъ лошади разъ 20, изливаетъ цѣлые потоки словъ, и въ концѣ концовъ покупатель или совсѣмъ забываетъ испытать ходъ лошади, или она ему показывается на ходу только немногю.

Лошадей съ одышкой никогда не выводятъ послѣ корма, такъ какъ полный желудокъ производитъ давленіе на легкія. Лошадей же съ колеромъ совсѣмъ не показываютъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, не сѣдлаютъ туго и не надѣваютъ на нихъ узкаго хомута, такъ какъ при этихъ условіяхъ онѣ подвержены еще болѣе колеру. Если онѣ страдаютъ этимъ недостаткомъ въ слабой степени, то его можно вовсе не замѣтить, разъ лошадь выводится въ тѣни и чувствуетъ себя нестѣсненной.

в) Приемы физиологическаго свойства.

Немногіе относящіеся сюда приемы сами по себѣ не принадлежатъ къ числу караемыхъ уголовнымъ закономъ, но они могутъ стать таковыми, если употреблены вмѣстѣ и въ связи съ другими обманными средствами, и когда всѣ средства въ совокупности, употребленные продавцемъ, составляютъ уголовнонаказуемый обманъ. Пользованіе физиологическими особенностями лошадей заключается уже въ тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаетъ продавецъ для измѣненія масти лошади. Бѣлая съ матовымъ блескомъ сбруя придаетъ лошади темной масти видъ настоящей вороной, чернаго цвѣта сбруя съ синей сѣткой придаетъ лошади нечисто бѣлой видъ имѣющей масть совершенно молочнаго цвѣта. Масть каждой лошади дѣлается ярче на фонѣ равномерно выбѣленной стѣны, а слегка смазанная саломъ лошадь свѣтлогнѣдой масти на солнцѣ кажется настоящей рыжей.

Подобные же приемы практикуются и для обмана относительно роста лошади, когда торговцу приходится оправдывать натяжку, сдѣланную имъ при измѣреніи. Лошадь слишкомъ большая выводится безъ всякой упряжи или сбруи, или запрягается въ крупный экипажъ, тогда какъ на лошадь меньшаго размѣра накладывается

высокое сѣдло, или она закладывается въ небольшую телѣжку. Если запрягается пара одинаковаго роста лошадей, то лошадь пониже ставится надѣво въ качествѣ подсѣдельной, лошадь же повыше ставится на правую сторону. Такимъ путемъ довольно значительная разница становится незамѣтной; если же лошадей поставить наоборотъ, то разница дѣлается вдвое болѣе. Почему это такъ, сказать трудно, но это явленіе известно всякому кучеру, и кому случилось покупать лошадей, неравныхъ по росту, тотъ и пользуется этимъ своеобразнымъ явленіемъ ¹⁾. Много этому можетъ помочь и упряжь лошадей, особенно если упряжь очень замѣтная и яркая: въ этомъ случаѣ одинаковая массивность выдѣляется, а незначительное неравенство лошадей на глазъ совсѣмъ незамѣтно. Такое вліяніе упряжки можно еще болѣе увеличить, если поставить головы и хвосты лошадей одинаково,—что также служитъ къ замаскированію и другихъ различій между лошадьми.

При пробной проѣздкѣ, продавецъ всегда впрягаетъ пару лошадей подѣ предлогомъ, чтобы показать всѣ качества ихъ наилучшимъ образомъ: конечно, кучеръ у такого барышника никогда не бываетъ плохой, и ужъ его дѣло выказать лошадей въ лучшемъ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого покупатель прямо не въ состояніи уловить и удержать въ представленіи своемъ недостатки лошадей, которыхъ онъ наблюдаетъ въ непрерывно мѣняющихся и все же сходныхъ между собой положеніяхъ. Особенно трудно изъ восьми движущихся ногъ замѣтить ту ногу, которая имѣетъ какой либо недостатокъ, и если нелегко найти слабую хромающую ногу у одной лошади, показываемой только однимъ бокомъ, то, несомнѣнно, труднѣе подмѣтить это, когда лошади показываются одновременно и когда приходится видѣть только вскользь тотъ или другой бокъ. Некрасивыя угловатыя движенія, неправильная поставка ногъ, даже нѣкоторая хромота, при такихъ условіяхъ, прямо незамѣтны. Вообще барышники часто пользуются тѣмъ обстоятельствомъ, что, при одновременномъ осмотрѣ пары лошадей, невозможно подмѣтить недостатки лошади такъ же хорошо, какъ при осмотрѣ одной лошади: поэтому они часто одною лошадью «закрываютъ другую». Кромѣ того, вліяетъ въ этомъ случаѣ и наша психологическая особенность, въ силу которой все небросающееся въ глаза не воспринимается нами надлежащимъ образомъ и даже вовсе пропускается.

---

¹⁾ Это происходитъ, быть можетъ, оттого, что обыкновенно покупатель смотритъ лошадей съ лѣвой стороны, съ которой находится кучеръ.

с) приемы психологического свойства.

Сюда слѣдуетъ отнести многорѣчивость торговца лошадьми, его знаніе людей и умѣніе, съ которымъ онъ распознаетъ слабыя стороны ихъ. Вотъ почему въ народѣ сложилась поговорка: «изъ тысячи словъ барышника можно повѣрить только одному, да и то только наполовину». Геннекеръ же говоритъ: «если торговецъ лошадьми сумѣетъ какой-нибудь наиболѣе серьезный порокъ своей лошади изобразить передъ покупателемъ, какъ ея преимущество, то онъ можетъ считать себя достигшимъ совершенства въ своемъ ремеслѣ». Въ лучшемъ случаѣ онъ сумѣетъ дѣйствительно имѣющіеся въ лошади недостатки представить, какъ совершенно неимѣющіе значенія. Возрастъ лошади, которую у него желаютъ купить, бываетъ всегда «самый подходящий», масть—самая модная, хотя бы лошадь была мухорной; тряская на ходу подъ верхомъ признается «полезною для здоровья», хотя бы она была прямо невыносима. Пугливость ея объясняется тѣмъ, что «она молода и ко всему внимательна, старая же кляча ничего не пугается». Если лошадь неизлѣчимо больна, то продавецъ говоритъ, что «это уже прошло, а когда она совсѣмъ поправится, то она будетъ вдвое здоровѣе»; если она хромаетъ, то непременно: «только вчера негодный кузнецъ плохо ее подковалъ», и затѣмъ масть лошади «въ слѣдующую весну, когда шерсть будетъ лѣзть, станетъ именно такою, какая желательна покупателю». Все, что оказывается некрасивымъ въ походкѣ, движеніяхъ и постановкѣ лошади, объясняется «англійской, самой послѣдней модой» и, хотя бы лошадь задирала морду къ небу, барышникъ найдетъ и тутъ, говоря: «да, къ сожалѣнію, теперь въ Англійи прямо портятъ всѣхъ лошадей, приучаютъ ихъ такъ некрасиво держать голову, но если это вамъ не нравится, то она отвыкнетъ отъ этого за какую-нибудь недѣлю».

Но если, наконецъ, барышникъ переходитъ всякіе предѣлы и тѣмъ вызываетъ недовѣріе покупателя, то онъ имѣетъ еще средство вновь выказать себя передъ нимъ «честнымъ человѣкомъ». Онъ начинаетъ тогда самъ обращать вниманіе на недостатки лошади, тѣ, которыхъ у лошади совсѣмъ нѣтъ и отсутствіе которыхъ тутъ же безъ труда можетъ быть доказано. При этомъ онъ, однако, никогда не скажетъ, что лошадь какъ-то споткнулась, чего-то испугалась, недавно стала подниматься на дыбы и т. п., такъ какъ этимъ онъ можетъ усилить безпокойство покупателя. Но онъ вдругъ находитъ на плечѣ лошади очень некрасивое бѣлое пятно, кото-

раго ранѣе не замѣчалъ: тотчасъ же оказывается, впрочемъ, что это пятно происходитъ отъ пыли или вслѣдствіе упавшаго луча солнца. Или онъ находитъ, что двѣ дышловыя лошади очень разнятся въ ростѣ, очень хорошо зная, что при измѣрени на миллиметры они окажутся совершенно одинаковаго роста. Такое «честное» отношеніе продавца, который самъ же обращаетъ вниманіе на всѣ недостатки своей лошади, при всякихъ обстоятельствахъ возбуждаетъ довѣріе къ нему со стороны простодушнаго покупателя.

Но одними словами барышникъ не ограничивается и подтверждаетъ ихъ въ дѣйствіяхъ: для этого въ конюшнѣ его имѣется нѣскольکو «превосходныхъ экземпляровъ» лошадей (на самомъ дѣлѣ негодныхъ), которыя тщательно закрыты попонами и коврами, какъ будто это самыя дорогія у него лошади. Конечно, не мало находится такихъ покупателей, которые прямо заинтересовываются такою таинственностью и даже смущенно спрашиваютъ: «неужели эти лошади такъ чувствительны къ воздуху»? «Къ сожалѣнію, да!» слѣдуетъ отвѣтъ, «всѣ онѣ происходятъ отъ того же знаменитаго жеребца Кохинора (Cohinor) и отличаются удивительною нѣжностью». Покупатель навѣрное въ первый разъ слышитъ о существованіи такого жеребца, но не рѣшается обнаружить свое незнаніе и еще болѣе заинтересовывается потомками знаменитости. Попоны осторожно и немного приподнимаются, чтобы показать лошадь, но затѣмъ опять заботливо спускаются (этотъ приемъ практикуется только въ холодное время года), и добрякъ-покупатель приобретаетъ лошадь, даже не видавъ ее.

Конечно, барышникъ не позволитъ себѣ сдѣлать это со всякимъ покупателемъ: онъ долженъ сначала узнать своего покупателя и все искусство его и ловкость заключаются въ томъ, что онъ прежде, чѣмъ перейти къ дѣлу, старается «раскусить», съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, насколько свѣдушъ и чего желаетъ его покупатель. Узнавъ все это, онъ выводитъ одну и ту же лошадь такъ, чтобы были проявлены нужныя для покупателя качества ея. Если онъ видитъ передъ собой глупца, который много думаетъ о себѣ, а въ дѣйствительности есть жалкій ѣздокъ, барышникъ увѣряетъ его, что господинъ такъ хорошо ѣздитъ, что для него нужно было бы самую бѣшеную лошадь, но, къ сожалѣнію, такой у него нѣтъ: та же лошадь, которую онъ ему показываетъ, конечно, слишкомъ смирна для него и это, конечно, очень существенный недостатокъ, но зато онъ покрывается всеми другими хорошими качествами ея. Самолюбивый покупатель увѣряетъ, что, конечно, ему

не совсѣмъ пріятно купить такую смирную, какъ «корову», лошадь, но онъ ее все-таки возьметъ. И, если въ послѣдствіи эта лошадь окажется вовсе несмирной и къ тому же еще со многими недостатками, то владѣлецъ ея все-таки удовлетворенъ воспоминаніемъ о томъ, что торговецъ принялъ его за «отличнаго ѣздока».

Вообще торговецъ не скупится на похвалы, а если покупатель совершенно несвѣдуецъ въ лошадяхъ, то барышникъ говоритъ ему такъ: «мнѣ совершенно нечего вамъ говорить: вы умѣете осматривать лошадей въ 10 разъ лучше, чѣмъ мой учитель-наставникъ,—царствіе ему небесное». И, не смотря на это, все-таки торговецъ продолжаетъ свое красноречіе и доказываетъ передъ покупателемъ невозможныя вещи. Когда покупатель сядетъ на лошадь верхомъ, торговецъ сзываетъ своихъ конюховъ и шопотомъ, но такъ, чтобы покупатель слышалъ, обращаетъ вниманіе ихъ на умѣніе господина сидѣть на сѣдлѣ и управлять лошадью, говоря, чтобы они поучились у него, какъ надо ѣздить верхомъ. Ёздокъ болѣе интересуется этими похвалами, нежели качествами лошади и затѣмъ за то и другое расплачивается. Но чтобы слова его были все-таки похожи на правду, торговецъ для такихъ случаевъ всегда имѣетъ хорошія, удобныя и прочныя сѣдла, на которыхъ покупателю сидится хорошо и спокойно, но причину этого онъ находитъ въ хорошихъ качествахъ лошади.

Если же на лошадь садится самъ торговецъ или его наѣзники, то, конечно, все направляется ими къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе покупателя. Наѣзникамъ внушается строго, что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о томъ, чтобы они показали свое искусство, какъ объѣзжать лошадь, а только о томъ, чтобы показать лошадь и при томъ съ самой лучшей стороны. Поэтому они никогда не будутъ дѣлать, чего они хотятъ, а только то, что желаетъ сама лошадь, и все искусство ихъ заключается въ томъ, чтобы вызвать у покупателя предположеніе, что они именно заставили лошадь сдѣлать все проявленное ею. Если, значить, лошадь сама перейдетъ на галопъ, то наѣзникъ будетъ этому содѣйствовать, пока лошади не угодно вернуться къ рыси, и тогда наѣзникъ продѣлаетъ всѣ нужные для этого приемы и столь быстро, что покупатель не успеетъ и разглядѣть, лошадь или наѣзникъ пережали на рысь.

Если лошадь сильно тянетъ къ стѣнѣ, то наѣзникъ этому не препятствуетъ и восклицаетъ: «какъ легко направить лошадь къ стѣнѣ и она даже не пугается стѣны». Если даже лошадь остано-

вится на дыбы и бьет задними ногами, или нагнувъ голову, брыкается и проявляет другіе недостатки, то все это, по словамъ барышника, не что иное, какъ «нарочно дѣлаемые фокусы». Онъ говорить укоризненнымъ тономъ: «я не доволенъ тѣмъ, что наѣзникъ мой ради шутки заставляетъ лошадей лягаться: самая смиренная лошадь можетъ со временемъ къ этому привыкнуть». Но, купивъ эту лошадь, владѣлецъ ея съ ужасомъ замѣчаетъ, что лошадь уже усвоила эту привычку.

Особенное вниманіе оказываетъ торговецъ къ тѣмъ, свѣдущимъ въ лошадяхъ, спутникамъ, которыхъ покупатель иногда приводитъ съ собой. Онъ осыпаетъ ихъ любезностями и различными разсказами, извѣстіями и пр., старается отвлечь вниманіе ихъ отъ настоящей цѣли ихъ пріобытія. Такъ, онъ тысячу разъ благодарить пришедшаго съ покупщикомъ ветеринарнаго врача за данный имъ на дняхъ совѣтъ, преклоняется предъ его проникательностью, опытомъ и знаніями и разсказываетъ покупщику самыя лестныя вещи о врачѣ. Этотъ послѣдній охотно слушаетъ эти льстивыя рѣчи въ присутствіи того же лица, которое обратилось за его содѣйствіемъ, конечно, не безвозмезднымъ, и въ концѣ концовъ оба они совершаютъ неудачную покупку.

д) обманныя средства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Сюда принадлежатъ всѣ тѣ манипуляціи, которыя предпринимаются прямо на тѣлѣ лошади, съ цѣлью сокрытія ея пороковъ, или съ ложною цѣлью придать ей хорошія качества. Вообще всѣ эти средства составляютъ признаки мошенничества, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда средства эти направлены исключительно для украшенія лошади, дѣлаются или разъ навсегда, въ цѣляхъ улучшенія внѣшности и стоимости лошади, или же могутъ быть легко возобновляемы. Имѣемъ ли мы дѣло съ уголовнонаказуемымъ обманомъ въ данномъ случаѣ, можно судить только на основаніи совокупности всѣхъ обстоятельствъ случая, каковы были предложенія и обѣщанія съ обѣихъ сторонъ. Я изложу ниже тѣ обычныя средства, которыми барышникъ старается «улучшить», по его выраженію, лошадь,—насколько мнѣ удалось узнать о нихъ. Разслѣдованіе же ихъ, установленіе и обсужденіе, само собой разумѣется, должны быть предоставлены свѣдущему лицу, а С. С. долженъ знать только, какіе именно существуютъ искусственныя приемы этого рода.

2) *въ отношеніи возраста лошадей.*

Возрастъ лошади опредѣляется главнымъ образомъ по зубамъ ея: для этого обращаютъ вниманіе на ямки, находящіяся на поверхности рѣзцовъ и выстланныя эмалью въ два слоя, которые въ теченіе извѣстнаго періода чернѣютъ¹⁾. Эти ямки мало по малу исчезаютъ совершенно, и съ исчезновеніемъ ихъ, проходитъ и лучшій возрастъ лошади. Поэтому практикуемый довольно часто пріемъ барышниковъ: изъ старой лошади сдѣлать молодую заключается въ томъ, чтобы вырѣзать вновь исчезнувшія ямки посредствомъ ножа или выжечь ихъ посредствомъ заостреннаго раскаленнаго желѣза и почернить или сѣрной кислотой, или другимъ красящимъ средствомъ. Наоборотъ, путемъ постепеннаго и своевременнаго выдерживанія молочныхъ зубовъ у молодой лошади, еще негодной для ѣзды, можно ей прибавить на видъ одинъ годъ. Покупатель, конечно, несетъ вслѣдствіе этого убытки, такъ какъ не можетъ годъ пользоваться лошадыю и кормить ее за это время,—или же, если онъ не замѣтитъ обмана, то лошадь вслѣдствіе преждевременной работы гибнетъ.

Нерѣдко практикуется затѣмъ спиливаніе зубовъ. Чѣмъ старше лошадь, тѣмъ дальше отступаютъ десны, такъ что зубы какъ-будто становятся длиннѣе. Во всякомъ случаѣ не легко срѣзать зубы такъ, чтобы они соответствовали одинъ другому и чтобы не было замѣтно это спиливаніе,—но на базарахъ, гдѣ покупателями являются обыкновенно крестьяне, обманъ удается почти всегда: если только зубы срѣзаны коротко. Продавецъ при этомъ весьма помогаетъ себѣ тѣмъ, что затрудняетъ извѣстными способами внимательный осмотръ зубовъ лошади. Это достигается тѣмъ, что вверту лошади искусственно вызываютъ пѣну, подъ которой нельзя ясно разсмотрѣть зубы, или же путемъ какихъ-нибудь жестокихъ мученій, которыми подвергаютъ морду лошади, достигаютъ того, что она при каждомъ прикосновеніи боится новыхъ мученій и потому не позволяетъ открыть ротъ. На довольно продолжительное время въ этомъ смыслѣ вліяетъ на лошадь отпиливаніе и выжиганіе зубовъ. Когда же лошадь съ теченіемъ времени забываетъ объ этихъ мученіяхъ, торговецъ, незадолго передъ продажей, повторяетъ ихъ. Для

¹⁾ Въ кругу свѣдущихъ лицъ вообще значеніе этихъ ямокъ весьма удачно, болѣе обращаютъ вниманіе на форму стиранія зубовъ, хотя поселяне, извозчики и пр. еще долго будутъ смотрѣть главнымъ образомъ на ямки въ зубахъ лошади.

продавца приемы эти не безвыгодны еще и потому, что среди покупателей находятся люди, довольные тѣмъ, что ихъ лошадь, хотя и смиренная, но все-таки съ «огнемъ», такъ какъ не все позволяетъ съ собой дѣлать, а съ другой стороны бываютъ и такіе покупатели, которые довольны тѣмъ, что не всякій знакомый ихъ можетъ посмотрѣть въ ротъ лошади и затѣмъ позлословить насчетъ купленнаго коня.

Наряду съ этимъ, практикуется еще измѣненіе надглазничныхъ впадинъ. Чѣмъ старше лошадь, тѣмъ глубже эти впадины, такъ что особенно глубокія впадины считаются признакомъ приближающейся старости лошади. Для уравниенія поверхности надъ глазами, дѣлаются тонкіе надрѣзы и посредствомъ трубочки вдувается воздухъ подъ кожу; послѣ чего раны зашиваются и быстро заживаютъ. Это кажется даже невѣроятнымъ, но меня увѣрялъ въ дѣйствительности такихъ приемовъ одинъ очень опытный знатокъ въ лошадяхъ, которому довольно случалось видѣть такихъ «надутыхъ» лошадей на базарахъ. Правда, дѣйствіе этого фокуса продолжается только нѣсколько дней. Въ тѣсной связи съ описанными стоятъ и обманные приемы:

β) *относительно темперамента (нрава) лошадей.*

Средства эти преслѣдуютъ цѣль придать старымъ и лѣнивымъ лошадямъ видъ молодыхъ, рѣзвыхъ и бодрыхъ. Сюда слѣдуетъ отнести прежде всего т. наз. цыганскій огонь: каждому крестьянину хорошо извѣстно, что лошадь, приведенная цыганомъ на рынокъ, отличается «огнемъ» и рѣзвостью, въ конюшнѣ же покупатель становится усталой и понурой. Обыкновенно средство для возбужденія лошади заключается въ томъ, что передъ тѣмъ, какъ вывести лошадь на базаръ, цыганъ безпощадно стегаетъ лошадь, затѣмъ садится на нее и скачетъ на рынокъ. Приемъ дѣйствуетъ въ теченіе часа, впродолженіе котораго лошадь остается возбужденной и кажется рѣзвой. Кромѣ того, напаиваютъ также лошадей водкой, чаще же всего отваромъ дурмана, сильно возбуждающимъ половое чувство, вслѣдствіе чего самая изнуренная кляча начинаетъ гарповать и дѣлать скачки: послѣдствія же такого спаиванія бываютъ очень пагубны. «Цыганское сѣдло» отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что на внутренней сторонѣ его имѣются тонкіе острые гвоздики, которые, при нажиманіи колѣнъ ѣздога, врѣзываются въ тѣло лошади; цыганъ, садясь на лошадь, обращаетъ при этомъ вниманіе покупателя на то, что у него не имѣется ни шпоръ, ни

кнута для того, чтобы вынуждать въ лошади такую рѣзвость; о гвоздикахъ же въ сѣдлѣ онъ, конечно, умалчиваетъ.

Но самымъ чудеснымъ средствомъ возбужденія у изощрившагося въ хитростяхъ торговца является перецъ. Или самъ торговецъ, или его конюхъ всегда имѣютъ съ собой зерна перца, которыя въ нужную минуту берутъ въ ротъ и разжевываютъ на крупныя части. Передъ тѣмъ, какъ вывести лошадь, онъ беретъ на указательный палецъ нѣсколько крупинокъ со слюной и незаметно, снимая покрывало или глядя лошадь, всовываетъ эту смѣсь въ задній проходъ лошади. Дѣйствіе получается прямо изумительное: походка лошади становится широкой и свободной, крестецъ лошади выпрямляется, лѣнивая лошадь превращается въ бойкую, неуклюжая двигается легко, понуряя принимаетъ видъ возбужденный и внимательный, но что самое главное—лошадь держитъ хвостъ высокой дугой, что придаетъ ей видъ породистой. Всѣ другіе приемы, направленные къ тому, чтобы придать хвосту лошади красивое положеніе, замѣняются, правда, только на два часа, указаннымъ способомъ вкладыванія перца въ задній проходъ.

Если такимъ образомъ покупатель будетъ жаловаться, что лошадь на базарѣ имѣла «блестящую виѣшность», выглядѣла прекрасно, возбужденно и бойко, а теперь превратилась въ унылую, лѣнивую паршивую клячу, то пусть онъ произведетъ опытъ съ перцемъ: онъ будетъ пораженъ, какъ быстро кляча его превратится въ ту самую лошадь, какою онъ видѣлъ ее на базарѣ. Объ употребленіи перца можно узнать по тому, что лошадь немедленно послѣ приѣма обнаруживаетъ усиленный позывъ къ испражненію и дѣлаетъ хвостомъ своеобразныя дрожащія движенія.

Для совсѣмъ неопытныхъ покупателей барышникъ имѣетъ наготовѣ даже фальшивые хвосты, которые прикрѣпляютъ посредствомъ толстаго куска кожи къ подхвостнику (это возможно только при запряжкѣ лошади въ телѣгу), такимъ путемъ получается красивый хвостъ и красивое держаніе его.

Не легко отвѣтить на вопросъ, можно ли считать обманомъ, если лошадь приучаютъ ѣсть сурьму или мышьякъ. Онѣ становятся въ дѣйствіе этого бойкими, свѣжими, усиленно дышать и кожа ихъ очень хорошо лоснится и кромѣ того натягивается, такъ что лошади имѣютъ округлость формъ и представляются хорошо откормленными. За то онѣ скоро увядаютъ, легко подвергаются болѣзнямъ, становятся уже нечувствительными къ лекарственнымъ и быстро погибаютъ, если только внезапно прекратить кормленіе мышьякомъ.

Такимъ образомъ, кто кормитъ лошадь свою мышьякомъ—вслѣдствіе ли убѣжденія, что это полезно, или для продажи,—тотъ обязанъ объявить объ этомъ покупателю, чтобы послѣдній зналъ объ истинной причинѣ вышеуказанныхъ хорошихъ качествъ лошади и умѣлъ затѣмъ, въ случаѣ покупки ея, какъ должно съ нею обращаться.

γ) *подкрашиваніе лошадей и т. п.*

Подкрашиваніе лошадей имѣетъ разныя цѣли. Прежде всего этимъ способомъ конокрадъ старается измѣнить масть похищенной имъ лошади, чтобы не могъ узнать ее хозяинъ. Это совершается посредствомъ накладыванія постилокъ изъ свинцовыхъ препаратовъ съ растворомъ ляписа (селитро-кислой серебряной окиси) и кислоты изъ чернильныхъ орѣшковъ. Затѣмъ лошади неопредѣленныхъ мастей и неправильно распредѣленныхъ оттѣнковъ масти такимъ способомъ «выравниваются» (выкрашиваются въ одну масть) и вслѣдствіе этого продаются за болѣе дорогую цѣну. Такъ, могутъ не правиться т. наз. «чулки» на ногахъ лошади (бѣлая шерсть на высотѣ 30—40 сант. отъ копыта) и вслѣдствіе этого искусственнымъ способомъ устраняются. Само собой разумѣется, искусственное окрашиваніе, даже самое лучшее, дѣйствуетъ не болѣе, какъ на полгода (до ближайшаго весенняго или осенняго обмѣна волосъ), и тогда недостатокъ лошади обнаруживается.

Такимъ же способомъ устраняются и бѣлыя пятна на разныхъ частяхъ тѣла лошади. Они всегда указываютъ на недостатки: на мѣстѣ сѣдла такія пятна происходятъ отъ натиранія сѣдломъ и свидѣтельствуютъ о частой и неумѣлой ѣздѣ верхомъ. Такія же пятна могутъ быть на груди и плечахъ и происходятъ отъ тѣснаго хомута, что указываетъ на многократную ѣзду въ упряжи. Если на верхнихъ ребрахъ замѣчаются большія бѣлыя пятна, то ихъ съ вѣроятностью можно объяснить острыми втираніями при воспаленіи легкихъ, и слѣдовательно дыхательные органы лошади могутъ внушать недовѣріе. Если же эти пятна будутъ устранены искусственнымъ образомъ, то продажная цѣна вслѣдствіе этого возвысится, особенно когда такой знакъ указываетъ на дѣйствительно существующій порокъ лошади, который инымъ путемъ нельзя обнаружить.

Наконецъ, на старыхъ темной масти лошадяхъ часто встречаются сѣдые волосы, отличающіеся отъ прочихъ волосъ своей длиной и придающіе имъ своеобразный старческій видъ. Эти во-

лосы будто бы лучше принимают искусственную окраску, нежели обыкновенные волосы: достаточно при этомъ будто бы отмыть жировыя частицы мыломъ, эфиромъ или щелокомъ и затѣмъ смазать эти волосы отваромъ скорлупы зеленаго грецкаго орѣха, чтобы они окрасились ровнымъ темнымъ цвѣтомъ. Если же почему-либо это сдѣлать невозможно, то отдѣльные сѣдые волосы вырываютъ или срѣзаютъ, если, конечно, лошадь еще имѣетъ извѣстную цѣнность, при всей своей старости. Иногда даже не берутъ на себя труда выкрасить лошадь химической краской, которая все-таки держится нѣсколько мѣсяцевъ, а окрашиваютъ ее простой водяной краской. Такъ, одинъ старый кавалерійскій офицеръ рассказывалъ мнѣ, что много лѣтъ назадъ, когда въ модѣ были пѣгя лошади, на одномъ польскомъ базарѣ какой-то, повидимому русскій, барышникъ продалъ четверку такихъ одной масти лошадей. На другое же утро оказалось при обмываніи лошадей, что это были подкрашенные лошади бѣлой и свѣтлопегдой мастью.

Быстрый и равномерный обмѣнъ шерсти весной и осенью признается у лошадей вѣрнымъ признакомъ ихъ здоровья и свѣжести: если же произошло въ этомъ отношеніи какое-либо отступленіе отъ нормы, то лошади даютъ усиленныя порціи сѣбры, антимонія, соли, мышьяка или ягодъ можжевельника. Хотя эти средства и придаютъ лошади видъ болѣе здоровый, но на послѣдующее состояніе здоровья ея они вліяютъ вредно.

Сюда же слѣдуетъ отнести и искусственное выжиганіе клеймъ на лошадяхъ. Люди свѣдущіе въ этомъ говорятъ, что, пока въ мірѣ будетъ желѣзо и огонь, до тѣхъ поръ будутъ лошади всевозможныхъ заводовъ, и въ самомъ дѣлѣ удивительно, съ какою довѣрчивостью люди покупаютъ всякихъ клячъ, разъ только на нихъ оказывается поддѣланное, хотя бы неискусно. тавро какого-нибудь знаменитаго завода. Утверждаютъ также, что въ то же время умѣютъ вытравлять и клейма браковки (напр. на забракованныхъ кавалерійскихъ лошадяхъ), чтобы уничтожить тѣмъ знакъ ихъ непригодности. Какъ это возможно, объяснить нельзя. Скорѣе еще можно допустить, что существующее тавро видоизмѣняется посредствомъ вжиганія нѣкоторыхъ новыхъ штриховъ и завитковъ и затѣмъ выдается за тавро какого-нибудь отдаленнаго «русскаго» завода.

б) *скриваніе пороковъ.*

Здоровая лошадь должна имѣть «свѣжую», т. е. влажную, подъ уздою мылящуюся морду. Если этого нѣтъ, прибѣгаютъ къ помощи мыла, перца, особенно жеваннаго табаку: средства эти закладываются въ ротъ лошади незадолго передъ выводомъ ея. Если лошадь—тугоуздая, то въ углы рта закладываются мелкіе осколки стекла, такъ что удила прижимаютъ ихъ къ угламъ рта: вслѣдствіе этого лошадь слушается малѣйшаго движенія руки. Если лошадь имѣетъ привычку закусывать, то ее сильно бьютъ по рѣзцамъ, вызывая боль въ деснахъ, или между зубами, за которыми помѣщаются удила, вбиваются деревянные колышки, вслѣдствіе чего зубы эти становятся крайне чувствительными и лошадь бросаетъ свою дурную привычку, по крайней мѣрѣ, на короткое время.

Если лошадь слѣпа на одинъ глазъ и этотъ послѣдній не слишкомъ обезображенъ, то посредствомъ чолки, естественной или искусственной, прикрѣпляемой къ налобнику, глазъ этотъ закрывается настолько, что часто остается незамѣченнымъ. Говорятъ, что встрѣчаются и искусственные стеклянные вставные глаза.

Даже отвислыя уши замаскировываются, такъ какъ они въ высшей степени портятъ даже самую красивую лошадь. Для этой цѣли употребляютъ особой конструкціи налобникъ, который, при помощи петель изъ лошадиныхъ волосъ, охватываетъ и приподнимаетъ уши вверхъ. Иногда же прибѣгаютъ къ хирургическому приему, дѣлая надрѣзы, которые затѣмъ закрываются такъ, что уши становятся въ нормальное положеніе, но только на непродолжительное время, такъ какъ рубцы вслѣдствіе обычныхъ движеній ушами растягиваются, и въ концѣ концовъ уши висятъ еще болѣе, нежели до операціи. По слухамъ, встрѣчаются даже фальшивыя уши.

Довольно серьезный обманъ практикуется барышниками при продажѣ такихъ жеребцовъ, у которыхъ одно яйцо осталось въ брюшной полости и не вышло въ шулятную мошонку: поэтому, при кастрированіи, одно яйцо остается и лошадь сохраняетъ всѣ дурныя качества жеребцовъ. Чтобы скрыть этотъ недостатокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ должно было бы быть другое яйцо, дѣлается надрѣзъ, который ложно вводитъ въ заблужденіе о полной кастраціи. Сохраненный лошадью наружный видъ жеребца барышники объясняютъ тѣмъ, что кастрація производилась поздно, въ такое время, когда характеръ лошади уже сложился. Если такимъ образомъ ло-

шадь эта продается, какъ меринъ, и покупатель обращается съ лошадыю какъ съ мериномъ, т. е. съ меньшею осторожностью, то слѣдствіемъ такого обмана могутъ быть несчастные случаи съ лошадьми и людьми, такъ какъ правъ жеребца можетъ обнаруживаться въ самое неудобное время. Есть достаточно примѣровъ, что такія лошади, долгое время оставшіяся спокойными, впервые обнаруживали свою настоящую природу въ опасной формѣ вблизи похотливой кобылы.

ε) *скриваніе болѣзней.*

Выше было указано, что торговецъ не показываетъ лошадей, страдающихъ пороками, въ то время, когда порокъ этотъ можетъ быть обнаруженъ по первому взгляду (лошади, страдающія одышкой не выводятся послѣ кормленія, одержимыя колеромъ не выводятся при солнечномъ свѣтѣ). Остается сказать о сокрытіи болѣзней въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—что, впрочемъ, рѣдко бываетъ при продажѣ лошадей изъ конюшни въ конюшню, т. е. между лицами, знающими другъ друга, такъ какъ они продаютъ лошадей «съ ручательствомъ». Тѣмъ чаще такіе обманы совершаются на большихъ лошадиныхъ ярмаркахъ, гдѣ рѣдко «дешево» можно купить у неизвѣстнаго продавца «хорошую» лошадь, обладающую крупнымъ скрытымъ порокомъ.

Чаще всего практикуется сокрытіе паралича бедеръ или копытъ: параличъ исчезаетъ на короткое время вслѣдствіе примѣненія кнута, шпоръ и приподнятія головы вверхъ—особенно на мягкой почвѣ (пескѣ или дернѣ).

Еще болѣе опасный обманъ состоитъ въ такъ наз. анестезированіи лошади (лишеніи ея чувствительности въ копытахъ). Копыта лошадей вслѣдствіе ихъ сложной конструкціи, а равно и гѣхъ поврежденій, которымъ они подвержены вслѣдствіе неровностей почвы, отъ переутомленія, неумѣлаго обращенія и ковки, подвергаются многимъ болѣзненнымъ и часто неизлѣчимымъ.—хотя и медленно развивающимся,—заболѣваніямъ, которыя быстро дѣлаютъ животное совершенною калѣкой. Это выражается не столько въ измѣненіи формы копытъ, сколько въ болевыхъ ощущеніяхъ въ копытахъ при наступаніи. Въ виду того, что копыта имѣютъ лишь осязательные нервы и лишены нервовъ движенія, недобросовѣстный торговецъ разрѣзаетъ нервы (выше щетки), удаляетъ вовсе одну часть нерва, чтобы воспрепятствовать сращенію частей, и тѣмъ какъ будто устраняетъ болѣзненность ощущеній, такъ какъ

лошадь начинает ступать свободно. Тѣмъ не менѣе болѣзнь продолжаетъ свое развитіе, только до сознанія лошади уже не доходятъ боли, такъ какъ проводники къ сознанію прерваны, и по истеченіи весьма короткаго времени болѣзнь развивается до такой степени, что, несмотря на отсутствіе болей, лошадь становится совершенно негодной. Легко открыть этотъ обманъ, если испробовать, чувствуетъ ли лошадь вообще въ копытахъ (напр., въ вѣнчикахъ) уколы ихъ иглой. Если лошадь такихъ уколовъ не почувствуетъ, то, несомнѣнно, она анестезирована.

Часто практикуется «поджиганіе языка». Никто не желаетъ покупать лошадь, высовывающую языкъ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что это весьма некрасиво, такая привычка или недостатокъ свидѣтельствуетъ о существующемъ заболѣваніи легкихъ или мозга лошади. Чтобы отучить лошадь отъ этого высовыванія языка, барышникъ прикладываетъ къ нему разгоряченный кусокъ желѣза (но не раскаленный). Опытъ доказываетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого лошадь не высовываетъ языкъ.

Къ наиболѣе опаснымъ обманамъ относится сокрытіе истеченія слизи изъ носа лошади, — что является признакомъ опаснѣйшихъ болѣзней лошади. Сильный катарръ, сапъ, мытъ, загниваніе легкихъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ сопровождается истеченіемъ изъ носа, и по этому признаку эти болѣзни опредѣляются. Это извѣстно всѣмъ и никто не будетъ покупать лошади съ истеченіемъ слизи изъ носа, ибо если это истеченіе только временное, то продавецъ не поведетъ въ это время лошади на рынокъ. Чтобы скрыть теченіе изъ носа, барышникъ засовываетъ глубоко въ носъ лошади кусокъ бумажной ваты, чѣмъ и приостанавливаетъ на нѣкоторое время истеченіе. Правда, это возможно только на короткое время и при условіи, если истеченіе существуетъ только изъ одной ноздри, такъ какъ лошадь дышетъ только носомъ и потому должна была бы задохнуться, если бы обѣ ноздри ея были заткнуты ватой.

Если принять во вниманіе, въ какой степени опасны выше-названныя болѣзни и какъ легко заразиться отъ сапа, то слѣдуетъ признать такія обманныя дѣйствія дѣйствительно серьезными, тѣмъ болѣе, что, напр., отъ сапа можетъ погибнуть большое количество другихъ лошадей. Сапомъ могутъ заразиться даже люди, въ особенности если они, не подозрѣвая существованія этой болѣзни, не соблюдаютъ должной осторожности при обращеніи съ лошадыю.

Въ той же степени опасно и бѣшенство (бѣшенный колеръ) лошадей, такъ какъ во время внезапнаго приступа этой болѣзни лошадь можетъ принести несчастье людямъ и уцѣрѣть имуществу,—въ особенности когда съ лошадью обращаются безъ особой осторожности, не зная объ этомъ пороки. Лошади съ этою болѣзнию обнаруживаютъ странную нечувствительность въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, прикосновенія къ которымъ нормальная лошадь не переносятъ. Напр., здоровая лошадь вся дрогнетъ, если вложить палецъ въ ухо; точно также она переставитъ ногу, если наступить ей на вѣнчикъ (возвышеніе надъ копытомъ). Лошади съ бѣшенствомъ не реагируютъ на эти прикосновенія и спокойно переносятъ ихъ.

Такъ какъ описанныя средства общезвѣстны, бѣшенство же лошадей порокъ очень опасный, то, при покупке лошадей, едва ли кто забудетъ сунуть въ ухо палецъ или наступить на вѣнчикъ. Недобросовѣстный барышникъ знаетъ однако средства, какъ сдѣлать эти мѣста чувствительными. Онъ смазываетъ уши острыми мазями и, хотя вызываетъ этимъ лишь чувствительность ушной раковины, тѣмъ не менѣе легкое прикосновеніе къ ней вызываетъ реакцію. Чтобы вызвать чувствительность вѣнчика, барышникъ прикрѣпляетъ иглу или гвоздь къ носку своего сапога и, въ видѣ злобности, при продажѣ, самъ наступаетъ на вѣнчикъ копыта: у страдающей бѣшенствомъ лошади вѣнчикъ не въ такой степени бываетъ нечувствителенъ, какъ у анестезированной лошади, и если барышникъ воткнетъ иглу въ вѣнчикъ, то лошадь навѣрное отодвинетъ ногу, и покупатель успокаивается.

е) услуги помощниковъ.

Даже самый ловкій барышникъ одинъ, своими силами, сдѣлаетъ очень мало: дѣйствовать «съ успѣхомъ» онъ можетъ лишь при помощи своихъ прислужниковъ. Отъ наѣзника, пользующагося полнымъ довѣріемъ хозяина и посвященнаго во всѣ удочки и хитрости его, до самаго послѣдняго конюха, всѣ они могутъ принести хозяину или огромную пользу, или причинить большой ущербъ. Вслѣдствіе этого опытный барышникъ не мало времени и труда посвящаетъ подготовкѣ своихъ служащихъ. Весьма важно, чтобы они заботились постоянно о поддержаніи чистоты въ конюшнѣ и на плацу, чтобы умѣли лошадей показывать съ выгодной стороны и чтобы они дѣлали все, что сдѣлать бы и самъ хозяинъ.

если только онъ не занятъ съ покупателемъ. Такъ они позаботятся, чтобы, при появленіи въ конюшнѣ покупателя, стать по одному у тѣхъ лошадей, на которыхъ, по качествамъ ихъ, покупатель можетъ обратить свое вниманіе, и при этомъ, если лошадь имѣетъ какой-нибудь недостатокъ или дурную привычку, то принять мѣры къ ихъ устраненію. Одинъ будетъ заботиться, чтобы пугливая лошадь не проявила этого недостатка, другой пальцемъ выпрямитъ спину у горбатой лошади, 3-й, 4-й и 5-й препятствуютъ лошадямъ грызть ясли, 6-й будетъ даскать свою лошадь по крайней мѣрѣ въ нужный моментъ, и такимъ образомъ первое впечатлѣніе покупатель вынесетъ самое лучшее.

Для вывода лошадей, барышникъ имѣетъ особыхъ «молодцовъ»: онъ самъ къ лошади не прикасается, онъ «работаетъ» съ покупателемъ, наблюдаетъ его и распытываетъ его, засыпая его разсказами и обѣщаніями. При лошади же находится наѣздникъ или другое избранное лицо, который съ хозяиномъ объясняется на особомъ мошенническомъ жаргонѣ, для постороннихъ представляющемся совершенно безразличнымъ, но каждое слово котораго имѣетъ для посвященныхъ особое опредѣленное значеніе. Напр., барышникъ скажетъ: «приведи изъ конюшни вороную, какъ она есть»: это значитъ, что покупатель-де не разберетъ, что у нея шнать... и т. д.

Такое же согласіе должно быть и между наѣздникомъ и конюхомъ, стоящимъ съ кнутомъ во время проѣздки, конюхъ служитъ тогда посредникомъ между наѣздникомъ и хозяиномъ. Напр., покупатель скажетъ, что лошадь слишкомъ близко бѣжитъ около стѣны, барышникъ дастъ понять объ этомъ конюху, этотъ извѣстнымъ между ними способомъ передаетъ наѣзднику, послѣ чего оба, первый шпорами, второй кнутомъ дѣйствуютъ такъ, чтобы лошадь не напирала къ стѣнѣ.

Особенно точно служащіе барышника, должны умѣть разбираться, когда дается хозяиномъ, въ присутствіи третьяго лица, приказаніе всерьезъ и когда только для вида, т. е. нужно ли его исполнять или нѣтъ. Если, напр., лошадь плохо и съ перерывами галопируетъ, то торговецъ будетъ часто повторять наѣзднику приказаніе, пустить лошадь галопомъ. Наѣздникъ или вовсе не исполнитъ этого приказанія, или исполнитъ лишь на короткое время и затѣмъ вновь продолжитъ рысь, несмотря на выговоры и ругань хозяина; этотъ же послѣдній, обращаясь къ покупателю, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражать крайнее сожалѣніе, что вслѣдствіе

неумѣнія наѣздника нельзя получить о лошади наилучшее впечатлѣніе.

«Не бейте лошади кнутомъ, говоритъ еврей-барышникъ (у Мортгенса), пусть идетъ, какъ ей угодно, она и безъ того идетъ такъ красиво». Но работникъ еврея тѣмъ не менѣе все-таки пускаетъ въ ходъ кнутъ, очень хорошо зная, что иначе лошадь вовсе не двинется съ мѣста.

Кромѣ постоянныхъ работниковъ, въ конюшнѣ у барышника есть еще тайные пособники, относительно которыхъ посѣтитель и не предполагаетъ, что они могутъ быть въ стачкѣ съ хозяиномъ. Таковы его маклера, которые за хорошую плату разносятъ по городу хорошіе отзывы и вообще рекламируютъ торговца, въ особенности если онъ только наѣзжаетъ въ извѣстные періоды. Тогда они являются на рынокъ, восхищаются его лошадьми, торгуются и пробуютъ ихъ. При появленіи другихъ покупателей, такой маклеръ выражаетъ сожалѣніе, что у него не хватаетъ денегъ на приобретеніе столь превосходной лошади и убѣждаетъ другихъ купить. Эти лица одѣваются соотвѣтствующимъ образомъ, или какъ зажиточные землевладѣльцы, или какъ барышники лошадьми, иногда даже надѣваютъ военную форму. Но и вообще маклера могутъ быть полезны своему довѣрителю, распространяя слухи объ увеличивающихся цѣнахъ на лошадей, о большомъ спросѣ, браня при этомъ другихъ и дѣлая видъ, что они будто вовсе незнакомы съ тѣмъ торговцемъ, для котораго они работаютъ.

Своеобразную роль играютъ т. наз. «черные агенты», т. е. люди, которые находятся на содержаніи у торговца, сами не зная этого. Вездѣ можно найти такихъ людей, которые, вслѣдствіе страсти или просто для препровожденія времени, занимаются лошадьми и которые сумѣли при этомъ достигнуть того, что мнѣнія ихъ считаются авторитетными, какъ исходящія отъ знатоковъ. Этихъ людей торговецъ, намѣревающийся открыть торговлю лошадьми въ определенномъ мѣстѣ, розыскиваетъ и обращаетъ на нихъ свое особое вниманіе. Если ему удастся познакомиться съ однимъ изъ нихъ, — а между людьми, спеціальностью которыхъ являются лошади, это вовсе не трудно, — то онъ выказываетъ себя съ самой выгодной стороны, много говоритъ о своемъ крупномъ торговомъ дѣлѣ, о своихъ хорошихъ лошадяхъ и въ особенности о честности своихъ пріемовъ при продажѣ лошадей. Наконецъ, торговецъ продаетъ этому господину, часто съ большимъ убыткомъ, хорошую лошадь по дешевой цѣнѣ. Затраченный имъ капиталъ,

однако, приносить торговцу ростовщическіе проценты, такъ какъ мѣстный житель, совершивъ такую удачную покупку, распространяетъ славу о торговцѣ во всѣхъ направленіяхъ.

Но ловкій барышникъ сьумѣетъ завязывать связи и совершенно мимолетныя. Такъ, на большой ярмаркѣ онъ помѣстится около какого-нибудь балагана, въ которомъ гремитъ турецкая музыка. и владѣлецъ балагана всякій разъ, когда выводится лошадь, тотчасъ же гремитъ въ барабаны и бубенцы, что очень возбуждаетъ лошадей, въ особенности «бывшихъ военныхъ», и вызываетъ въ нихъ извѣстную гордую осанку. Торговецъ даже десять разъ пожалуется покупателю на адскій шумъ, мѣшающій выводкѣ, но онъ отлично знаетъ про себя, какъ благотворно дѣйствуетъ этотъ шумъ на его старыхъ клячъ.

Средство, которымъ пользуются всѣ торговцы и которое, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть разсматриваемо, какъ обманное, состоитъ въ томъ, что одинъ торговецъ постоянно поддерживаетъ связи съ другимъ, живущимъ вдали отъ него, и съ нимъ совершаютъ непрерывный обмѣнъ лошадей, которыхъ почему-либо не удалось сбыть. Если лошадь остается въ конюшнѣ торговца болѣе продолжительное время, то каждый начинаетъ предполагать, что съ этой лошадыо «что-то не такъ», хотя бы въ дѣйствительности она и не имѣла недостатковъ. Такихъ именно лошадей одинъ передаетъ другому, и онѣ уже являются поэтому всегда лошадыми «последней доставки».

Самымъ безчестнымъ приѣмомъ торговца является обманное соглашеніе его съ работникомъ или кучеромъ покупателя. Всякому извѣстно, насколько люди престарѣлые или не понимающіе въ лошадахъ довѣряютъ сужденію своего слуги или кучера—часто потому, чтобы не слышать вѣчныхъ укоровъ стараго слуги по поводу неудачной покупки. Чтобы сбыть лошадь, торговцы стараются задобрить такихъ людей деньгами или подарками: этотъ обычай нерѣдко проливаетъ свѣтъ на нѣкоторыя совершающіяся странныя покупки.

Часто встрѣчаются обманы и такого рода, что кто-нибудь, желая приобрести лошадь по дешевой цѣнѣ, подкупаетъ работника того лица, у котораго находится облюбованная лошадь, съ тѣмъ, чтобы работникъ этотъ доложилъ хозяину о какихъ-нибудь болѣзняхъ или недостаткахъ лошади и посоветовалъ ему продать ее. Съ этой цѣлью между зубами лошади записываютъ кусочки мыла, вслѣдствіе чего она лишается аппетита: это можетъ продолжаться

нѣсколько недѣль, но истеченіи которыхъ лошадь представляется совершенно изнуренной и обезцѣненной. Приобрѣвъ эту лошадь, покупатель удаляетъ мыло, и лошадь снова приходитъ въ свое прежнее состояніе. Точно также въ вѣнчикъ лошади затыкаются части швейныхъ иглъ такъ, чтобы ихъ не было видно. Лошадь хромаетъ все болѣе, причина остается нераскрытой, и въ концѣ концовъ владѣлецъ лошади радъ сбыть ее за дешевую цѣну: по извлеченіи же иглы хромота пропадаетъ сама собой. Приемы эти примѣняются не только прислугой, обманывающей хозяевъ, но и цыганами, которые такимъ способомъ добываютъ себѣ для продажи лошадей.

Упомяну, наконецъ, еще объ одномъ средствѣ, вслѣдствіе котораго лошади дѣлаются поровисты и, при ввозкѣ на гору тяжестей, отказываются идти далѣе. Для этой цѣли на внутренней сторонѣ хомута, въ верхней его части, прикрѣпляются острия гвозди, которые и проникаютъ въ кожу лошади, когда она далаетъ сильное напряженіе впередъ. При такихъ условіяхъ ни одна лошадь не повезетъ въ гору, не взирая ни на какіе удары кнутомъ: лошадь оказывается негодной для ѣзды въ гористой мѣстности и владѣлецъ сбываетъ ее за дешевую цѣну.

Е. О шулерствѣ.

1. Общія замѣчанія.

Игра на интересъ стала, безъ сомнѣнія, извѣстна человечеству съ той поры, какъ въ средѣ его появился взаимный обмѣнъ цѣнностями, слѣдовательно ранѣе, чѣмъ возникло понятіе о деньгахъ,—и къ той же эпохѣ слѣдуетъ отнести и начало шулерства. Но измѣнился съ той поры и общій типъ тѣхъ людей, которые посвящали себя этому ремеслу: это—смѣтливые и ловкіе люди, слишкомъ лѣнныя для того, чтобы заниматься честнымъ трудомъ, слишкомъ жадныя для того, чтобы отказывать себѣ въ чемъ бы то ни было, и достаточно безсовѣстные для того, чтобы обирать своихъ жертвъ настолько, насколько тѣ доверчивы, какъ партнеры, и насколько уступаютъ имъ въ ловкости.

Если помнить эту характеристику шулера, то, во многихъ случаяхъ, мы въ правѣ будемъ въ лицѣ, заподозрѣнномъ въ фальшивой игрѣ, признать «грека», разъ въ немъ удалось обнаружить

перечисленные качества; «грекъ» есть обычная кличка шулеровъ, ведущая свое происхожденіе будто бы отъ фаворита Людовика 14-го, знаменитаго шулера Апулоса, который былъ грекъ по происхожденію. Весьма рѣдко, однако, удается легко изобличить какого-нибудь шулера въ его промыслѣ и почти всегда это сопряжено съ осложненіями. Если свидѣтели подмѣтили у игрока только подозрительныя движенія, это еще мало доказываетъ: если же игрокъ этотъ удивительно много и часто выигрываетъ, то дѣло становится болѣе подозрительнымъ. Но если у него находятъ мѣченныя игральныя карты и особенные карманы въ его платьѣ, то немногаго уже недостаетъ для полнаго изобличенія,—и недостатокъ этотъ можетъ быть восполненъ разслѣдованіемъ его прежней жизни. Немного случаевъ, въ которыхъ эта послѣдняя мѣра бываетъ въ такой степени необходимой и столь плодотворной, какъ именно по отношенію къ шулеру. Онъ самъ рѣдко пожелаетъ сообщить свѣдѣнія о своемъ прошломъ и скорѣе дастъ совсѣмъ ложныя указанія, чтобы затруднить или сдѣлать совсѣмъ невозможнымъ собираніе свѣдѣній о его личности. Онъ поступаетъ такъ же, какъ и тѣ, которые подъ названіемъ «непоминающихъ родства» попадаютъ въ наши тюрьмы: онъ показываетъ, что, состоя на морской службѣ, ѣздилъ по бѣлому свѣту и въ путешествіяхъ растратилъ все свое состояніе, былъ актеромъ, былъ наѣзникомъ въ ширкѣ и укротителемъ звѣрей,—или же заявляетъ, что онъ не рѣшается открыть истину, боясь будто бы скомпрометировать своими показаніями высокопоставленныхъ лицъ или дамъ высшаго общества. Другими словами онъ изобрѣтаетъ всяческіе предлоги, чтобы только скрыть то обстоятельство, что онъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ не имѣетъ опредѣленнаго труда и всетаки живетъ въ достаткѣ, и что находится онъ всегда среди тѣхъ неразумныхъ людей, которые нападаютъ на удочку шулеровъ.

Относительно шулера, дѣйствующаго въ низшихъ слояхъ населенія, можно сказать, что такимъ обыкновенно бываетъ человекъ, еще съ молодю плохо себя поставившій: онъ не дошелъ въ шкодѣ, хотя и выказывалъ способности, затѣмъ онъ прожилъ сбереженія своей слабой матери и другихъ родственниковъ, охотно и ловко выманивалъ деньги взаймы, а затѣмъ, когда возмужалъ совсѣмъ, то сдѣлался сводникомъ какой-нибудь проститутки. Въ то же время, если только онъ отличался красивой наружностью, онъ былъ наемнымъ любовникомъ женщины известнаго рода и, вступая въ сношенія съ сластолюбцами, выманивалъ у нихъ шантажнымъ

способомъ деньги. Балансируя такимъ образомъ на той границѣ, за которой начинается область преступленій, онъ неизбежно попадалъ въ общество шулеровъ, гдѣ ему открывалась возможность и легкой наживы, и пріятной жизни въ достаткѣ, и пріятнаго возбужденія, при условіи, если только у него оказывалась необходимая ловкость въ рукахъ.

Шулеръ, дѣйствующій въ болѣе образованной средѣ общества, почти безъ исключенія человѣкъ опустившійся, который въ молодости обѣщаль стать порядочнымъ человѣкомъ, но вслѣдствіе слабости характера, лѣни и склонности къ беззаботной и веселой жизни сбился съ пути. Въ какіе общественные слои онъ затѣмъ попадаетъ, съ какимъ дѣйствуетъ успѣхомъ, какъ великъ его заработокъ, какъ, наконецъ, онъ попадаетъ въ руки правосудія,—все это зависитъ отъ случая и его личной ловкости. Насколько походитъ одна на другую исторія жизни каждаго изъ нихъ, настолько же сходны они между собой и по внѣшности. Никто, конечно, не будетъ утверждать, что среди толпы людей, даже при большой опытности, можно тотчасъ же узнать типичнаго шулера или сказать съ увѣренностью относительно заподозрѣннаго, принадлежитъ ли онъ къ шулерамъ или нѣтъ,—но всякій разъ, когда мы будемъ имѣть передъ собой настоящаго шулера, мы будемъ постоянно убѣждаться, что у него тѣ же характерныя черты, одна манера держать себя, тотъ же взглядъ, тѣ же движенія, какія мы наблюдали ранѣе и у другихъ шулеровъ. При этомъ совершенно безразлично, въ какомъ слоѣ общества онъ дѣйствуетъ; на первый взглядъ они всѣ по внѣшности своей производятъ выгодное впечатлѣніе, они одѣты лучше, чѣмъ это соответствуетъ ихъ званію; имѣютъ хорошія манеры, отличаются самоувѣренностью, но вскорѣ проскальзываетъ въ нихъ что-то такое своеобразное, что можно опредѣлить только словомъ «непорядочное, фальшивое». Въ чемъ именно это выражается, трудно сказать, но каждымъ это чувствуется очень скоро, кто только имѣлъ случай сталкиваться съ такими людьми. Тутъ же замѣчается, что человѣкъ вовсе не есть то, что онъ изъ себя изображаетъ, что у него все «дѣланое», что онъ ведетъ себя неестественно и какъ будто что-то скрываетъ.

Еще двѣ особенности выдаютъ шулера: его взглядъ и руки. Всѣ шулера въ тѣ минуты, когда они думаютъ, что за ними не слѣдятъ, имѣютъ взглядъ, заключающій въ себѣ что-то особенно пронизательное, рѣзкое, пронизывающее. Поэтому люди близорукіе, естественно, не годятся въ шулера: люди же, имѣющіе острое зрѣ-

ніе, которыхъ все существованіе, заработокъ и свобода зависятъ отъ того, насколько зорко они умѣютъ наблюдать и высмотрѣть все, что для нихъ нужно, и при томъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ этого высматриванія,—люди эти до такой степени привыкаютъ къ этому особенному способу высматриванія, что даже тогда, когда имъ не нужно смотрѣть въ карты, они не могутъ отъ этого способа отрѣшиться. Особенность взгляда ихъ заключается еще въ томъ, что вслѣдствіе долговременной практики они въ состояніи глядѣть далеко вправо и влево, не поворачивая головы совсѣмъ или замѣтнымъ образомъ. При этомъ они нѣсколько наклоняютъ голову впередъ и сдвигаютъ свои, часто нависшія брови, такъ, что образуютъ для глазъ даже нѣкоторое закрытіе отъ сидящаго напротивъ, и съ быстротой молніи бросаютъ свои взоры кругомъ, въ то время какъ партнеры, не замѣчая у него никакихъ движеній головы, и не подозревая, что «грекъ» такъ хорошо все видитъ и наблюдаетъ.

Находясь предъ С. С., шулеръ очень хорошо знаетъ, что ему предстоитъ «игра весьма серьезная» и что помочь ему могутъ тѣ же обычные его средства, къ которымъ онъ прибѣгаетъ и при игрѣ въ карты: знаніе людей, пронизательность, хладнокровіе и мужество. Не видя особенной разницы между своимъ настоящимъ положеніемъ и тѣмъ, въ которое онъ часто попадалъ на своей практикѣ, онъ примѣняетъ свои обычные приемы и старается также бросать свои взоры, какъ онъ дѣлалъ всегда. Если С. С. удастся уловить только одинъ такой взглядъ, онъ знаетъ уже, съ кѣмъ имѣть дѣло.

Не менѣе характерны бываютъ у шулера его руки: какъ у праздношатающагося руки не носятъ слѣдовъ честнаго труда, такъ и шулеръ имѣетъ весьма выхоленные и заботливо содержимыя руки. Онѣ должны быть мягкія, гибкія и ловкія и въ то же время должны отличаться особою чувствительностью; вотъ почему онъ избѣгаетъ грубой работы, такъ какъ при этомъ концы пальцевъ утрачиваютъ тонкость осязанія и становятся грубыми. Высокая чувствительность пальцевъ ему между тѣмъ безусловно необходима, чтобы осязать мѣченныя карты. Говорятъ, что при помощи разныхъ химическихъ средствъ и механическими способами шулера увеличиваютъ чувствительность пальцевъ: не знаю, насколько правильно это утвержденіе, но думаю, что такое обращеніе съ пальцами должно повлечь за собой образованіе рубцовъ, вслѣдствіе чего пальцы сдѣлаются еще болѣе нечувствительными. Но

несомнѣнно, однако, что шулера смазывают свои пальцы жиромъ, глицериномъ, косьдермомъ и другими мазями.

2. Приемы шулеровъ.

Много писали о томъ, какъ дѣйствуютъ шулера, и не только въ многочисленныхъ романахъ и газетныхъ сообщеніяхъ: объ этомъ пишутся даже специально написанныя книги. Можно указать на вполне хорошую книгу по этому вопросу, вышедшую въ 1776 г., неизвѣстнаго автора и безъ указанія мѣста печатанія, подъ заглавіемъ: «Der verratene und von allen seinen Geheimnissen entblösste falsche Spieler». Много важныхъ для насъ свѣдѣній мы найдемъ въ книгѣ Хр. Людв. Гофмана: «Der Kartenkünstler» (Гамбургъ 1843 г.) и въ цитированномъ уже сочиненіи Аве-Лялемана. Во Франціи не задолго до революціи издавался специальный журналъ о разнаго рода продѣлкахъ шулеровъ, подъ названіемъ «Дюгенъ въ Парижѣ». Также французскаго происхожденія всѣ книги, посвященныя шулерству, престижитатора Гудена и б. начальника парижской полиціи по отдѣлу объ игорныхъ домахъ г. Саваллѣ. Самою пригодною для насъ представляется мнѣ книга «Синьора Домино»: «Игра, игроки и тайны шулерства» (Бреславль 1886 г.). Советую каждому С. С. прочесть эту книгу: изъ нея я въ краткихъ чертахъ заимствую описанія шулерскихъ приемовъ. Какъ мы относительно карманныхъ воровъ и фокусниковъ говоримъ иногда, что поступки ихъ «прямо непостижимы, чистое колдовство», такъ точно и относительно шулеровъ мы легко склонны бываемъ въ некоторыхъ ихъ приемахъ видѣть что-то волшебное.

Главный приемъ шулера заключается въ томъ, что онъ такъ же, какъ и фокусникъ, совершая какую-либо манипуляцію, отвлекаетъ тѣмъ или другимъ способомъ вниманіе играющихъ. Фокусникъ пускаетъ какую-либо птичку, производитъ выстрѣлъ или самъ смотритъ какъ-то особенно вверхъ: всѣ сосредоточиваютъ вниманіе на птицѣ, выстрѣлѣ или смотреть туда, куда смотритъ фокусникъ, а этотъ послѣдній дѣлаетъ, что хочетъ: никто за нимъ въ эти моменты не слѣдитъ. «Грекъ» съ своей стороны производитъ шумъ, опрокидываетъ стулъ; задѣваетъ лампу, внезапно громко зѣваетъ и т. п. и также этимъ отвлекаетъ вниманіе. До чего доходитъ ловкость шулеровъ, доказываетъ слѣдующій случай. Трое шулеровъ, изъясню отъѣхъ, замыслили сорвать банкъ въ игорномъ домѣ Монте-Карло. Они подкупили одного изъ служащихъ и во время

игры одна соучастница, изящно одѣтая дама, будто бы неловкимъ движеніемъ уронила свой свертокъ съ деньгами, такъ что лундоры, приблизительно на сумму въ 1000 франковъ, покатились по столу и на полъ. Всѣ присутствующіе занялись собираніемъ золотыхъ монетъ и когда, наконецъ, дама собрала всѣ свои деньги, то ея соучастники за это время, при помощи подкупленнаго крупье, успѣли подмѣнить колоду картъ и въ теченіе всего вечера три шулера выиграли колоссальную сумму денегъ (знаменитое дѣло Ардиссона).

Трудно сказать, гдѣ именно бываетъ постоянная шулерская игра, но встрѣтить ее можно преимущественно тамъ, гдѣ только ведутся азартныя игры. Не слѣдуетъ представлять себѣ, что шулерская игра имѣетъ мѣсто только въ игорныхъ домахъ, въ которые заманиваются и обираются довѣрчивые партнеры: настоящій шулеръ, «работающій» одинъ или съ товарищемъ, самъ отыскиваетъ такіе кружки общества, гдѣ ведется азартная игра, и какъ только ему удалось въ нихъ проникнуть, онъ начинаетъ дѣйствовать, какъ говорить «Синьоръ Домино»; при помощи своихъ семи стихій. Такъ называются нижеописываемые шулерскіе приемы:

а) Мѣченіе картъ (Maquillage): разными способами производится обозначеніе картъ. Напр., по краямъ извѣстныхъ картъ (тузы, фигуры) проводится острымъ ножомъ, такъ чтобы края ихъ сдѣлались шероховатыми на ощупь, тогда какъ края прочихъ картъ ощущаются гладкими. Или карты «пунктируются» такимъ способомъ: горячая швейная игла опускается въ бѣлый воскъ и затѣмъ ею надкалывается извѣстное мѣсто карты; воскъ, приставшій къ иглѣ, заполняетъ отверстие, которое не будетъ замѣтно на глазъ, но прощупывается¹⁾. Часто оборотныя стороны сильныхъ картъ (фигуры и тузовъ) шлифуются посредствомъ пемзоваго порошка, отчего дѣлаются жесткими, остальные же карты при помощи мѣла дѣлаются съ обратной стороны еще глаже. Нерѣдко на оборотной сторонѣ картъ дѣлаются крапинки одного цвѣта съ сорочкой, хорошо различаемыя зоркими глазами шулера. Чаше всего остроконечной палочкой, обмоченною водою, дѣлають на оборотной сторонѣ карты штрихъ, крестикъ и т. под.: по высыханіи остается весьма блѣдный знакъ, незамѣтный для непосвященныхъ. Съ особенно довѣрчивыми партнерами практикуется и подрѣзываніе угловъ

¹⁾ Иногда карты осторожно расщепляются и описанный уколъ производится только на расщепившейся оборотной части карты; если расщепившійся уголокъ склеить, то уколъ совершенно незамѣтенъ.

картъ. Такъ какъ это можно дѣлать на четырехъ углахъ карты, можно обрѣзать ихъ прямо или косо, ровно или закругленно, то для шулера имѣется достаточно комбинацій. Но всѣ эти приемы требуютъ, чтобы такія мѣченныя карты или имѣлись налицо, или незамѣтно подсовывались. Если же этого сдѣлать нельзя, то всѣ мѣтки производятся ногтемъ или остриемъ, имѣющимся у шулера въ кольцѣ: незамѣтно для другихъ, шулеръ нажимаетъ имъ на карты.

b) «Transportieren» имѣетъ дѣлью или удаленіе или вложеніе карты въ колоду: это дѣлается всею кистью руки, такъ какъ карта натягивается между слабо изогнутыми концами пальцевъ и мякотями ладони. Временно карты прячутся между ляшками или въ горизонтальныхъ карманахъ жилета, приспособленныхъ внизу мышекъ, и на задней части брюка.

c) Тѣ фальшивыя карты, которыя шулеръ носитъ при себѣ и при первомъ удобномъ случаѣ подсовываетъ ихъ въ игру, называются «Portées». Для этого шулеръ имѣетъ упомянутые карманы въ платьѣ и долженъ обладать высшею ловкостью. Онъ имѣетъ въ запасѣ и отдѣльныя карты, которыя и пускаетъ въ ходъ, если только онѣ имѣютъ одинаковую сорочку съ колодой, лежащей на столѣ.

d) Пособники такъ же необходимы для шулера, какъ и для всякаго другого мошенника; наиболѣе существенную помощь они оказываютъ ему, если сами не принимаютъ участія въ игрѣ. Лучше всего, если такой помощникъ подъ видомъ посторонняго зрителя или даже хозяина прохаживается по комнатѣ назадъ и впередъ: объясненія между ними производятся, напр., при помощи сигары, которую держать во рту соучастникъ: въ правомъ или лѣвомъ углу рта, въ срединѣ рта, въ приподнятомъ или опущенномъ положеніи, или прямо горизонтальномъ; онъ играетъ дѣпочкой, выпускаетъ дымъ. Однимъ словомъ, существуетъ довольно комбинацій, чтобы передать другъ другу все, что нужно. Къ пособникамъ принадлежатъ и вербовщики, которые только отыскиваютъ партнеровъ для игры съ шулеромъ, убѣждаютъ ихъ и составляютъ партіи и т. д.

Въ нѣмецкихъ странахъ нѣсколько шулеровъ, дѣйствующихъ сообща, называются «Philosophenclub» (клубъ философовъ), «Nomadenclub» (клубъ кочующихъ) или «Cagnotte»; товарищи, вербующіе партнеровъ для игры, называются «Schlepper» или «паразиты»; тѣ, которые знаками даютъ играющему товарищу разныя свѣдѣнія, носятъ наименованіе «Іуды», вся же система ихъ усло-

вленныхъ знаковъ называется «машина». «Mangeur» есть пособникъ, подсовывающій фальшивыя карты, а хозяинъ квартиры игорнаго дома или хозяйка носятъ названіе «полковникъ» и «тетка».

Но самый лучшій помощникъ шулера, это—самъ шулеръ. Если онъ обладаетъ достаточною ловкостью, то онъ не нуждается въ помощникѣ, играетъ одинъ и выигрыша не дѣлитъ ни съ кѣмъ. Иногда онъ имѣетъ въ качествѣ помощника зеркало: если игра идетъ въ квартирѣ шулера или гдѣ-либо въ клубѣ, въ который онъ имѣетъ доступъ, то зеркало, или рама съ зеркальнымъ стекломъ ставятся такъ, чтобы онъ видѣлъ сданныя или сдаваемые карты. Если игра идетъ на какомъ-либо столѣ, на которомъ въ то же время ѣдятъ или пьютъ, то зеркало замѣняютъ какимъ-либо металлическимъ предметомъ, напр., сахарницей, самоваромъ и т. под. Опаснѣе всего блестящій портсигаръ шулера, на отражающей поверхности котораго онъ можетъ видѣть каждую карту при снятіи карты. Приѣмъ этотъ весьма распространенъ между шулерами.

e) Фальшивое тасованіе (das Salatmachen, т. е. дѣлать салатъ) есть приѣмъ, очень важный для шулера: трудно описать этотъ приѣмъ, его можно только показать. Сущность его состоитъ въ томъ, что ловкій шулеръ тасуетъ карты такъ, что каждый партнеръ увѣренъ, что онѣ отлично перетасованы, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности каждая карта осталась на мѣстѣ. Какъ бы потерпѣвшій ни удостовѣрялъ, что карты хорошо тасовывались, онъ безъ сомнѣнія ошибался, если только карты тасовались шулеромъ или его помощникомъ.

f) Фальшивое снятіе колоды есть способъ, которымъ парализуется всякое значеніе снятия колоды. Одинъ изъ приѣмовъ такого снятия заключается въ томъ, что снимающій снимаетъ колоду именно такъ, какъ нужно шулеру. Этотъ послѣдній правильно (въ психологическомъ смыслѣ) рассчитываетъ на то, что въ игрѣ каждый самъ сдѣлаетъ, что ему представляется наиболѣе удобнымъ, и для этого онъ, шулеръ, подсовываетъ въ колоду одну карту, которая нѣсколько шире остальныхъ: на ней и снимается колода. Если же этого сдѣлать нельзя, онъ нѣсколько сжимаетъ въ длину ту часть картъ, которую слѣдуетъ снять, такъ что эта часть картъ нѣсколько выгнута кверху. Снимающій захватываетъ или болѣе широкую карту или же тѣ, которыя выгнулись кверху, и снимаетъ именно такъ, какъ это желательно для шулера. Если же онъ сдѣлаетъ не такъ, то шулеръ, нисколько не смущаясь, схватываетъ снятую часть колоды и кладетъ назадъ, такъ что приходится снова снять.

Пусть кто-нибудь попробует сделать так один раз: *никто* не обратит на это внимания.

g) «Die Filage», т. е. вынимание из колоды не верхней карты.—приемъ, требующій столько же ловкости, сколько и дерзости. Нужно только нѣсколько подготовить 2-ю или 3-ю карту, чтобы вытянуть ее вмѣсто верхней карты и положить на столъ. Трудно сказать, какъ это дѣлается, но справедливо, что при нѣкоторой ловкости это дѣлается почти незамѣтно.

Употребляется ли шулерами т. наз. *вольтъ*, подлежитъ сомнѣнію; одни причисляютъ его къ главнымъ приемамъ шулеровъ, другіе же утверждаютъ, что они никогда не примѣняютъ вольта, такъ какъ при вольтѣ всегда замѣтны подозрительныя движенія, — чего не должно быть у шулера такъ же, какъ и у карманнаго вора. Вольтъ имѣетъ ту же цѣль, какъ и снятіе картъ: верхняя часть картъ должна очутиться внизу, подъ нижней. Это можетъ быть сдѣлано обѣими руками или одной рукой, но съ быстротой молніи и безъ всякаго шума; но тѣмъ не менѣе каждому станетъ замѣтно, что не такъ что-то, а этого шулеръ безусловно избѣгаетъ. Поэтому я склоненъ думать, что вольтъ не примѣняется шулерами, развѣ только при игрѣ съ черезчуръ добродушными партнерами, которые пожалуй даже готовы видѣть въ этомъ «нзаяцнос» движеніе руки.

Кромѣ собственно карточной игры, слѣдуетъ упомянуть еще о такой игрѣ, которая болѣе похожа на пари и, несмотря на свою крайнюю несложность, практикуется во всемъ свѣтѣ. Я говорю объ игрѣ въ три листика, самомъ распространенномъ средствѣ для завлеченія простолюдиновъ. Для этого три карты берутся такъ, чтобы тыльная часть кистей была обращена кверху, а карты приходились бы между большимъ и среднимъ пальцами. Одна карта берется именно такимъ способомъ одной рукой, а другія двѣ карты другою рукою такъ, чтобы верхняя приходилась на большой палецъ выше нижней. Затѣмъ, онъ предъявляетъ партнеру нижнюю изъ тѣхъ двухъ, которыя онъ имѣетъ въ лѣвой рукѣ, и проситъ ее запомнить. Послѣ этого шулеръ обращаетъ карты внизъ къ столу, передвигаетъ правую руку, въ которой у него одна карта, влѣво и кладетъ ее на столъ, передвигаетъ лѣвую руку вправо, опускаетъ, повидимому, нижнюю карту, а верхнюю кладетъ влѣво отъ первой. Послѣ этого онъ медленно перемѣняетъ мѣста картъ, и партнеръ, примѣтившій положенную вправо карту, преслѣдуетъ ее глазами. Если затѣмъ онъ укажетъ эту карту, то, конечно, оши-

бется, такъ какъ шулеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ партнеръ предполагалъ найти нижнюю карту, положилъ верхнюю, а нижнюю тамъ, гдѣ, по мнѣнію партнера, была положена верхняя. Какъ ни проста и даже глупа кажется эта продѣлка, однако многіе попадаютъ на эту удочку. Несутъ огромныя потери въ эту игру и тѣ, которые считаютъ себя умнѣе простаго крестьянина.

Подобна только что описанной есть игра, такъ называемая въ орѣховую скорлупу («Deckellesspiel, Nusschalenspiel», или «гдѣ шарикъ?»). Кладется на столъ зернышко перца и прикрывается

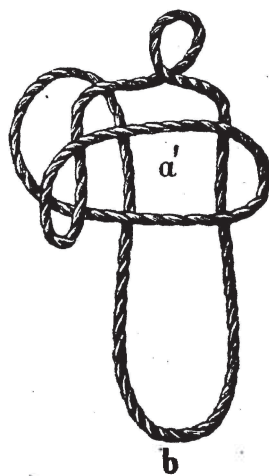

Рис. 103.

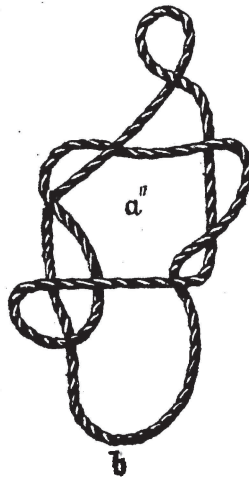

Рис. 104.

половинкой орѣховой скорлупы, или наперсткомъ, или маленькой кружкой. Рядомъ кладутся еще двѣ скорлупки (наперстки или кружки), и затѣмъ эти «покрышки» быстро перемѣщаются одна на мѣсто другой; перемѣщается и перечное зерно. Послѣ этого предлагають отгадать, подъ какой скорлупой находится зерно. Но это не удастся никогда, такъ какъ перечное зерно есть нечто иное, какъ шарикъ изъ воска, который шулеромъ при перестановкѣ быстро выхватывается посредствомъ длиннаго ногтя его пальца. Въ подобныхъ дѣлахъ слѣдуетъ поэтому обращать вниманіе на длинныя ногти игрока.

Еще чаще можно встрѣтить игру, кажущуюся совершенно невинною, какъ и игру въ три листика «Riemenstechen» или «Kettenziehen», прежде распространенную въ большихъ городахъ, а нынѣ встрѣчающуюся и въ деревняхъ. Эта игра на пари заключается въ томъ, что тонкая гладкая сомкнутая цѣнь кладется на столъ въ

различныхъ завивающихся фигурахъ. Затѣмъ предлагается жертвѣ ставить палецъ въ одну изъ петель фигуры и держать пари о томъ, останется ли конецъ въ цѣпи, или внѣ ея. Этого пари онъ никогда не можетъ выиграть, такъ какъ шулеръ, смотря по отвѣту жертвы, возьмется за цѣпь въ извѣстномъ ему мѣстѣ и сдѣлаетъ вслѣдствіе этого какъ ему желательно. Впрочемъ нужно сказать, что для расположенія петель цѣпи требуется значительная ловкость и быстрый взглядъ, чтобы сразу опредѣлить расположеніе всѣхъ частей фигуры.

Въ большинствѣ случаевъ шулеръ носитъ эту цѣпь на шеѣ, въ видѣ часовой цѣпочки, какъ бы случайно направляетъ разговоръ на эту игру и за неимѣніемъ ничего подходящаго снимаетъ эту цѣпочку. Иногда онъ пользуется и шелковымъ шнуркомъ отъ пенснэ, который заранѣе смачивается водой. Въ эту игру, посмотри на всю ея видимую простоту, проигрывались крупныя суммы.

Изъ многочисленныхъ вариантовъ я привожу два рисунка, въ обоихъ рисункахъ палецъ ставится на столъ, на а, шнурокъ стягивается внизъ отъ пункта в. При расположеніи же шнурка въ рис. 103, шнурокъ не захватитъ пальца, въ рисунокѣ 104, наоборотъ, шнурокъ захватитъ палецъ.

Въ наше время шулера вновь занялись игрою въ косточки. Обманъ въ этой игрѣ дѣлается такъ: всѣ косточки имѣютъ свои особенности, или онѣ отпилены съ нѣкоторыхъ сторонъ, или въ нѣкоторыхъ вложены съ какой-либо стороны свинцовыя палочки, — или внутри косточки вводится немного ртути, или песку, или же вдѣланы въ нихъ кончики щетины, чтобы задержалось ихъ движеніе по столу.

Говоря короче, при нѣкоторой практикѣ, шулеръ можетъ научиться бросать косточки такъ, какъ ему желательно. При отобраніи косточекъ, легко можно выяснитъ причины успѣшной игры мошенника.

Широкое поприще для другихъ видовъ плутовства представляютъ собою тотализаторы и такъ наз. «бюро пари». Ссылаюсь на трудъ Мантейфеля, напечатанный въ моемъ *Archiv f. Krim. Anthr. u. Krim.*, т. VII, стр. 26 и т. XIV, стр. 316.

Г. Мошенничество относительно предметов древности и искусства ¹⁾.

Дѣла эти принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ въ области мошенничества. Заслуживаютъ вниманія и сами по себѣ предметы, служащіе объектомъ преступленія, и затѣмъ лица, оказывающіяся виновными, обыкновенно имѣютъ нѣкоторое общественное положеніе; убытки, которые вслѣдствіе этого несутъ потерпѣвшіе, часто бываютъ значительны, а возникающіе при этомъ вопросы чисто юридическаго свойства, при всемъ своемъ интересѣ, не нашли однако еще окончательнаго разрѣшенія. И какъ удивительны случаи мошенничества такого рода! Въ послѣднее время сильно возрасло увлеченіе древностями, и увлеченію этому, повидимому, нѣтъ предѣловъ. Всѣ истинно художественныя вещи давно уже перешли въ прочныя руки, оставшіяся же или находятся въ полуразрушенномъ видѣ, или вовсе затерялись, и тѣмъ не менѣе публика неустанно предъявляетъ спросъ на древности, старинныя коллекціи пополняются новыми предметами, новыя открываются, продавцы не успѣваютъ удовлетворять требованіямъ, цѣны растутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и искусство поддѣлывающихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ передъ собой мошенничество, если за высокую цѣну предлагается поддѣльный предметъ вмѣсто настоящаго, вопросъ только въ томъ, гдѣ это мошенничество начинается.

Не всякое измѣненіе, — «улучшеніе», какъ говорятъ знатоки, — составляетъ поддѣлку, и не всякая поддѣлка есть еще мошенничество, особенно по отношенію къ древностямъ. Необходимо побесѣдовать по этому вопросу съ антикваріями, или еще лучше самому быть антикваріемъ для того, чтобы понять, что въ этихъ случаяхъ С. С. приходится дѣлать извѣстныя уступки господствующимъ воззрѣніямъ. Знатокъ и антикварій, по пріобрѣтеніи какого-либо стариннаго художественнаго предмета, лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оставляютъ его въ томъ же видѣ. Онъ чиститъ такіе предметы, устраняетъ всѣ позднѣйшія подкрашиванія и поправки, лишь искажающія вещь, склеиваетъ разломавшіяся части, вклеиваетъ куски недостающіе, короче, старается исправить вещь насколько

---

¹⁾ Ср. мою книгу: „Der Raritätenbetrug“. Берлинъ 1901 г. Guttentag и указанная тамъ литература.

возможно, чтобы она имѣла наилучшій видъ. Знатокъ гораздо болѣе гордится тѣмъ, что онъ изъ полуразбитой, некрасивой вещи счумѣлъ сдѣлать вещь «вновь прекрасной», нежели тѣмъ, что онъ отыскалъ, призналъ ее за художественную и приобрѣлъ. Вслѣдствіе этого настоящіе знатоки между собирателями древностей или рѣдкостей почти всегда хорошіе реставраторы, которые ни за что не довѣряютъ другимъ рукамъ исправленія цѣнныхъ старинныхъ вещей. Правда, для этого они должны умѣть отливать въ формы, склеивать замазкой и столярнымъ клеемъ, рисовать карандашемъ и красками, гравировать, выжигать, паять и знать другіе техническіе приемы, но за то изъ-подъ ихъ рукъ вещь изъ непригляднаго малоцѣннаго обломка превращается въ художественную и драгоценную. Но чтобы умѣть такъ дѣлать, надо быть тонко образованнымъ человѣкъ, такъ какъ класть краски и формовать слѣдуетъ не безъ смысла, а выдерживать стиль строго, и такъ сказать, инстинктивно возстаивать вещь, какою она дѣйствительно была.

Что вещи вслѣдствіе этого значительно повышаются въ цѣнѣ, не подлежитъ сомнѣнію; спрашивается только, стоятъ ли онѣ той цѣны, какую имѣютъ вещи подлинныя, т. е. какъ еслибы вещи не были повреждены совсѣмъ. На вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Профаны утверждаютъ, что поддѣлка можетъ имѣть ту же цѣнность, какую имѣетъ и самъ оригиналъ, если только эта поддѣлка производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и оригиналъ. Но если это такъ, то искусственная поддѣлка знаменитой солонки Бенвенуто Челлини изъ картонной бумаги вмѣстѣ съ стоимостью употребленнаго металла должна бы равняться цѣнности самого подлинника: этого, конечно, никто не станетъ утверждать. Кромѣ того, всѣ подлинныя предметы имѣютъ еще огромную цѣнность, какъ памятники въ исторіи искусства и культуры, и это-то обстоятельство упускается изъ виду профанами. Если же еще принять въ соображеніе, что исторія народа въ извѣстномъ направленіи можетъ быть начертана по произведеніямъ его искусства и что вслѣдствіе этого они должны быть представлены въ исторической своей послѣдовательности безъ пробѣловъ и по формамъ, краскамъ и качеству матеріала должны быть безусловно подлинными, то и профаны должны будутъ признать, что главное достоинство «древности» прежде всего заключается въ ея подлинности. Вещь подновленная выигрываетъ въ цѣнѣ вслѣдствіе своей красивой наружности, но она и утрачиваетъ также въ цѣнности съ точки зрѣнія подлинности.

Если такимъ образомъ собиратели древностей искусно и тщательно подновили вещь и затѣмъ выставили ее въ своей квартирѣ, то все дѣло въ томъ, будутъ ли они сообщать посѣщающимъ ихъ знакомымъ о работахъ своихъ надъ вещью. Есть такіе, которые съ чувствомъ удовлетворенія рассказываютъ о своемъ трудѣ, но есть и такіе, которые тщательно объ этомъ умалчиваютъ. Опасная сторона образа дѣйствій послѣднихъ—въ томъ, что вещь впоследствии можетъ перейти въ другія руки и выдаваться за подлинную.

Совершенно другое дѣло, если такая обновленная вещь предлагается для покупки: въ этомъ случаѣ продавецъ *обязанъ* указать, *какія* части вещи подновлены и *какія*—подлинны. для того, чтобы покупатель могъ произвести достовѣрную оцѣнку вещи. Разъ объ этомъ не сдѣлаетъ, мы имѣемъ всѣ признаки мошенничества. Конечно, и въ этомъ случаѣ можетъ быть со стороны продавца добросовѣстное заблужденіе. Я помню изъ своей практики случай—когда къ небольшой части подлинной вещи была придѣлана значительная часть, сработанная заново, но безъ всякаго соблюденія стили и вкуса; новый пріобрѣтатель вещи, замѣтивъ смѣшеніе совершенно разныхъ стилей въ этой вещи, съ большою тщательностью отдѣлилъ меньшую подлинную часть и совершенно правильно въ смыслѣ стили поддѣлалъ къ ней остальные части. Если онъ продастъ затѣмъ эту вещь, то онъ можетъ не говорить покупателю, что реставрировалъ ее, въ случаѣ же обнаруженія поддѣлки онъ станетъ увѣрять, что покупалъ вещь, какъ подлинную. и такимъ образомъ въ самомъ худшемъ случаѣ выдастъ себя за обманутаго.

Возникаетъ и другой вопросъ, противоположный предшествовавшему: въ какихъ случаяхъ поступаетъ мошеннически самъ покупатель? И въ этомъ отношеніи люди дѣлаютъ немалую уступку принятымъ обычаямъ: тѣ, которые считаютъ себя нравственно обязанными возвратитъ бѣщцу лишнюю сдачу или возвратитъ его вниманіе на отпускъ болѣе дорогого товара, въ то же время не задумаются купить у бѣдняка за мелкую монету какую-нибудь драгоценную древнюю вещицу, злоупотребляя его невѣдѣніемъ. Такимъ образомъ составились самыя крупныя и драгоценныя коллекціи древностей, и никто въ этихъ пріобрѣтеніяхъ не видитъ ничего предосудительнаго, хотя въ большинствѣ случаевъ они подходятъ подъ дѣйствіе § 197 австрійскаго и § 263 германскаго уголовныхъ уложеній. Но съ другой стороны кто же согласится со-

бирать древности, если будетъ поставленъ въ необходимость быть безусловно честнымъ?

То обстоятельство, что въ Австріи и Германіи сравнительно рѣдко возбуждаются дѣла о мошенничествѣ при сбытѣ древностей (во Франціи и Англійи они возникаютъ сплошь и рядомъ), отчасти объясняется тѣмъ, что потерпѣвшіе не желаютъ подвергаться насмѣшкамъ и предпочитаютъ молчать о своей неудачѣ, отчасти же потому, что по основаніямъ техническаго свойства крайне трудно приводить такого рода дѣла къ успѣшному результату. Часто не имѣется на мѣстѣ надлежащихъ свѣдущихъ лицъ, или чаще—нѣтъ такого С. С., который имѣлъ бы понятіе въ этого рода дѣлахъ. И въ самомъ дѣлѣ крайне трудно вести такое предварительное слѣдствіе, которое требуетъ надлежащаго вниканія и пониманія всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ С. С. имѣетъ понятія только поверхностныя, слѣпо полагается на показанія свидѣтелей и экспертовъ и радъ поскорѣе закончить такое несносное дѣло, не вникнувъ въ его существо. Если же С. С. пожелаетъ остаться честнымъ и въ данномъ случаѣ, т. е. въ дѣйствительности освоиться съ тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ и разсуждаетъ въ своихъ постановленіяхъ, то онъ заблаговременно долженъ самъ изучить, просить помощи и наставленій у честныхъ, надежныхъ и всесторонне образованныхъ антикваріевъ и знатоковъ въ этой области, и прочесть по этому предмету нѣсколько книгъ,—а таковыхъ не особенно много ¹⁾). Въ послѣдующемъ изложеніи я придерживаюсь того порядка, въ какомъ составлена книга П. Эделя «Le Trouquage», и ограничиваюсь указаніемъ только того,—*что имѣетъ* поддѣлывается.

1. Донсторицескія древности.

Эти древности въ наше время фабрикуются т сказать цѣлыми вагонами: матеріалъ такъ дешевъ, художественной отдѣлки совсѣмъ не требуется, цѣны же хороши и такимъ образомъ поддѣлываются каменное оружіе (наконечники стрѣлъ, топоры, молотки), издѣлія искусства (гравюры на костяхъ, камняхъ, различныхъ украшенія и пр.), затѣмъ окаменѣлые предметы, отпечатки и даже кости допотопнаго человѣка. Разказы о томъ, какъ попадались въ обманъ относительно такихъ поддѣлокъ дѣйствительные ученые,—довольно занимательны.

¹⁾ Я рекомендую обратить вниманіе на литературу, указанную въ моей книгѣ: „Raritätenbetrug“.

2. Египетскія древности.

У арабовъ и феллаховъ создано вѣщо вродѣ кустарной промышленности по выдѣлкѣ такихъ древностей: такъ великъ на нихъ спросъ. Карабей, божки, изображенія животныхъ, мумій и т. п. выдѣлываются изъ стеклянной пасты и кремнистой глины въ несмѣтномъ количествѣ и продаются дешево; при ввозѣ же въ Европу, цѣна на нихъ повышается. Всякій антикварій знаетъ объ ихъ происхожденіи и все-таки продаетъ ихъ за подлинныя. Свертки папируса размягчаются надъ кипящей водою, разворачиваются, разрѣзываются въ ширину на многочисленныя полоски, и каждая изъ нихъ вновь наворачивается на деревянныя палки, которыя и запечатываются сургучемъ съ обѣихъ концовъ ¹⁾. Такимъ образомъ каждая палка покрыта однимъ лишь слоемъ папируса, между тѣмъ имѣетъ видъ свертка значительной толщины. Изъ одного листа папируса получаютъ такимъ путемъ многочисленныя свертки, не имѣющіе ровно никакой цѣны. Одно изображеніе Рамзеса изъ Фивъ, сдѣланное изъ чернаго базальта и проданное за 100,000 франковъ, оказалось выдѣланнымъ изъ глинистаго сланца въ Анжерѣ и обошлось продавцу около 1100 франковъ. Одинъ старый врачъ въ Дрезденѣ купилъ трупъ одной красивой дѣвушки и, сдѣлавъ изъ него мумію королевы Нитокрисъ, продалъ ее за большія деньги: поддѣлка обнаружилась лишь послѣ того, какъ «мумія» стала издавать невыносимое зловоніе.

3. Античныя произведенія изъ глины.

Никто не въ состояніи въ настоящее время сказать, какія именно поддѣльныя вещи изъ всѣхъ тѣхъ вазъ, фигуръ, которыя выдаются за античныя. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о количествѣ такихъ поддѣлокъ, стоитъ только заглянуть въ большія коллекціи, въ которыхъ имѣются цѣлыя отдѣленія такихъ поддѣлокъ. И какъ превосходно онѣ поддѣланы! Глина употреблена была та самая, какая имѣется и нынѣ и современнымъ же способомъ обжигались сдѣланныя вещи. Краски дѣлаются хими-

¹⁾ Такъ какъ при дѣйствіи рентгеновскихъ лучей палки эти ясно выступаютъ, то поддѣлыватели папирусовъ вмѣсто палокъ вкладываютъ картонъ при лучахъ Рентгена выступающій какъ папирусъ.

ческим путем также хорошо, а об образцах им нечего заботиться. Как же тут обнаружить подлинное и поддельное? Обману поддаются самые лучшие знатоки и чуть не ежедневно обнаруживаются подделки в самых серьезных коллекциях.

До чего доходит искусство поддельщиков, доказывает следующий случай: один заурядный каменьщик Михаил Кауфман, в Рейнцберн в течение 40 лет, с 1820—1860 г., обманывал многочисленных исследователей Франции и Германии, выдвывая в громадном количестве из глины вещи римской эпохи: своими загадочными надписями на них он доводил ученых чуть не до отчаяния и подрывал славу римской художественной промышленности изображениями на своих подделках летающих черепашек и перепутанных атрибутов римских богов. И однако его подделки обнаружались спустя несколько десятков лет, когда он изобразил Минерву с королевско-баварским шлемом на голове и какого-то римского императора, назвав его «Antoninus», с сапогами в отворотах и с париком. Но как много и в настоящее время подделок Кауфмана предъявляются еще публике во многих германских и французских музеях, а ученые все еще продолжают спорить о кауфмановских надписях. Античные вещи из глины прежде считались, и совершенно справедливо, особенно легкими по весу: почему он так легки, я не знаю, но это бесспорно. В настоящее время к глине стали прибивать муку в большем количестве, при обжигании она обугливается, и вот поддельные вазы и проч. стали также легки на вес. Однако знаток при помощи увеличительного стекла может обнаружить на поверхности таких изделий значительную скважность, происшедшую вследствие выжигания муки. В предупреждение этого стали покрывать слепленную вещь до выжигания тонким слоем чистой глины, так что увеличительное стекло может обнаружить скважность только при наружном повреждении вещи,—но кто посмеет это сделать? Тот же прием применяется ныне и при изделии столь излюбленных фигурок «танагра», которые, впрочем, делаются легкими и вследствие того, что выдвываются очень тонко,—почему он так и хрупки.

Но такие утонченные хитрости направлены лишь против знатоков: для большинства же путешественников он излишни, так как они скучают все, что попадает под руку, и даже фабричные изделия. Понятно, почему один из известнейших знатоков в области керамики выразился так: «нет другого

болѣе надежнаго средства установить подлинность глиняныхъ древностей, какъ добиться въ точности свѣдѣній о способѣ приобрѣтенія ихъ послѣдними владѣльцами». Но и въ этомъ направленіи мы снова наталкиваемся на обманъ. Кто желаетъ сбыть удачно поддѣланную вещь, тотъ выставляетъ ее не въ магазинѣ антикварія, а въ квартирѣ какой-нибудь старушки, обставленной старинной мебелью. Старушка клянется, что вещь эта перешла къ ней по наслѣдству отъ ея бабушки, въ домѣ которой она часто играла этой вещью, и послѣ многихъ просьбъ она, наконецъ, соглашается продать ее за ужасающую сумму денегъ. Подобныя исторіи случаются чуть не ежедневно, и съ трудомъ можно воздержаться отъ улыбки, когда одинъ изъ такихъ счастливыхъ приобрѣтателей предъявляетъ «аттестатъ», въ которомъ нѣкая старуха Мюллеръ удостоверяетъ, что проданная ею сего числа кружка (слѣдуетъ обстоятельное описаніе ея) составляетъ подарокъ графа X. своей кормилицѣ, которая приходится бабушкой продавщицѣ.

4. Стекланныя вещи.

Эти вещи поддѣлываются еще легче, чѣмъ глиняныя. такъ какъ стекло въ теченіе весьма многихъ лѣтъ подвергается лишь весьма незначительнымъ измѣненіямъ, и эти измѣненія легко можно вызвать искусственнымъ путемъ. Отчасти уже при самомъ выдѣлываніи стекла примѣшиваются къ нему такія вещества, которыя дѣлаютъ его тусклымъ или радужнымъ (отливающимъ этими цвѣтами), отчасти соотвѣтствующимъ способомъ обрабатываютъ уже сдѣланную вещь. Совершенно остественныя причины могутъ вызвать въ стеклѣ извѣстныя измѣненія, вмѣсто столѣтій, всего лишь въ нѣсколько лѣтъ: такъ, можно среди старыхъ оконныхъ стеколъ какой-нибудь конюшни найти нѣсколько такихъ, которыя отливаютъ цвѣтами радуги и при томъ такими, какихъ, пожалуй, не найдешь на самомъ красивомъ древнеримскомъ слезникѣ ¹⁾). Количество фабрикуемыхъ въ Италіи, Богеміи и Бельгіи античныхъ и средневѣковыхъ вещей прямо невѣроятно: на фабрикахъ онѣ продаются дешево, какъ поддѣлки, но едва поступаютъ въ магазины антикварія, вдругъ становятся подлинными.

¹⁾ Часто находятъ среди навоза на парникахъ осколки стекла, лежавшаго въ немъ не болѣе двухъ лѣтъ, но имѣющаго совершенно одинаковый видъ съ древнеримскими стеклами.

Въ старинномъ полуразрушенномъ замкѣ Ригерсбургъ на одномъ оконномъ стеклѣ въ столовой комнатѣ алмазомъ вырѣзано: «1549 г. марта 17 дня началось пиrowаніе и продолжалось до праздника св. Винцентія и за это время ни одного дня не обошлось безъ хмѣля». Стекло это безчисленное число разъ замѣнялось новымъ, и во-сколькихъ коллекціяхъ древностей имѣются «подлинныя» стекла съ этою надписью!

5. Монеты и медали.

Монеты и медали поддѣлываются съ той самой порой, какъ ихъ начали чеканить, и такъ какъ поддѣлка ихъ производится дѣйствительно удачно, то нѣтъ ничего удивительнаго, если многіе знатоки прекратили свои розыски: «нѣтъ возможности знать, что мы получаемъ».

Нынѣ всякому поддѣльвателю извѣстно, что легко узнать отливныя и сдѣланныя гальванопластическимъ способомъ монеты, поэтому онъ ихъ чеканить; для него вовсе не новость, что въ прежнія времена не было стальныхъ печатей, поэтому онъ выдѣлываетъ свои изъ бронзы, и если затѣмъ онъ смѣшаетъ монеты въ мѣшкѣ и на нѣкоторое время зароетъ ихъ въ землю, то никто не въ состояніи будетъ отличить подлинной монеты отъ поддѣльной. Суммы, затрачиваемыя на пріобрѣтеніе такихъ монетъ, часто бывають весьма велики.

Особенно опасными представляются, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, искусственныя чеканки, которыя часто весьма художественно воспроизводятъ рѣдкій экземпляръ для любителей-коллекціонеровъ. Эти чеканки, сами по себѣ, довольно полезны, т. к. не каждый коллекціонеръ въ состояніи платить тѣ громадныя суммы, которыя платять за подлинныя экземпляры, но желаетъ имѣть эти имитаціи для полноты своей коллекціи. Честный коллекціонеръ не станетъ отрицать, какіе изъ предметовъ его собранія суть имитаціи, но, въ случаѣ смерти его или продажи его коллекціи, новый пріобрѣтатель выдаетъ эти вещи уже за подлинныя. Въ одномъ дѣлѣ о мошенничествѣ по поводу поддѣлки извѣстныхъ «кейтшахскихъ» рубенталеровъ 1564 года, изъ которыхъ каждый талеръ имѣетъ стоимость отъ 1200—1500 гульденовъ, выяснилось, что нынѣ распространено столько отлично сдѣланныхъ имитацій,

что никто не въ состояніи различать, гдѣ подлинныя и гдѣ поддѣльныя ¹⁾).

6. Драгоценныя вещи изъ благородныхъ металловъ.

Къ такимъ вещамъ всегда слѣдуетъ относиться съ недоувѣріемъ. Дѣйствительно прекрасныя вещи сосредоточены въ рукахъ богатыхъ людей или давно уже перешли въ коллекціи богатыхъ собирателей древностей, вещи же простой работы или расплавлены, или же, если и сохранились, то не служатъ предметами торговли. Если такимъ образомъ въ торговый оборотъ попадаетъ вещь дѣйствительно прекрасная, то она или цѣликомъ фальшивая, или же представляетъ какой-нибудь простой неотдѣланный кусокъ благороднаго металла, разукрашенный орнаментомъ и разными добавленіями такъ, что провѣрка печати, формы и химическаго состава не поведетъ ни къ чему: всѣ части ея окажутся подлинными.

Сравнительно съ поддѣлками другого рода, весьма нетрудно однако и въ этомъ случаѣ доказать фальшивость издѣлій. Такіе предметы не легко выдѣлываются безъ образца, такъ какъ старинный художникъ умѣлъ соединять съ великимъ искусствомъ и изящество формы и украшеній, фальсификатору же весьма трудно соблюсти именно строгость стили. Хотя бы онъ имѣлъ хорошіе образцы классической эпохи, но онъ не сумѣетъ никогда приладить надлежащимъ образомъ однѣ формы къ другимъ. Дѣйствительный знатокъ, хотя бы самъ и не сумѣлъ сдѣлать лучше, тотчасъ же подмѣтитъ несоотвѣтствующее, «не подлинное» и въ силу этого часто можетъ съ увѣренностью заключить о поддѣльности извѣстной вещи. Дѣйствительныя прекрасныя образцы въ руки фальсификаторовъ не попадаютъ никогда, а видѣть ихъ только издали мало пользы для него ²⁾).

¹⁾ Этотъ процессъ поучителенъ и не лишенъ комизма. Нѣкій X, получивъ на время одинъ кейтшахскій рубенталеръ, заказалъ себѣ подъ правдоподобнымъ предлогомъ въ одной весьма извѣстной чекавочной мастерской нѣкоторое ихъ количество; затѣмъ онъ снялъ съ нихъ оттиски изъ листового олова и разослалъ ихъ извѣстнымъ собирателямъ монетъ съ запросомъ, не могутъ ли они ему продать такой талеръ, такъ какъ ему поручено приобрести такой талеръ за 1100 гульденовъ. Само собою разумѣется, отвѣты были отрицательны, такъ какъ подлинныхъ талеровъ существуетъ всего 5. Тогда X, выждавъ нѣкоторое время, написалъ тѣмъ же любителямъ, но отъ имени другаго лица, предложивъ кейтшахскіе рубенталеры за 700 гульденовъ каждый. Большинство выразило на это согласіе, вѣроятно, съ намѣреніемъ перепродать талеры автору перваго письма, съ барышомъ 400 гульденовъ на талеръ. И обманъ вполнѣ удался.

²⁾ Какъ трудно бываетъ разобраться въ вопросѣ о подлинности подоб-

Но такъ какъ С. С. и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, долженъ собирать улики солидныя, дѣйствительныя, то онъ не долженъ обращаться къ торговцамъ драгоценностями, а только къ настоящимъ знатокамъ, которые, при всей любви своей къ этому дѣлу, еще и обладали бы значительнымъ и многостороннимъ образованіемъ.

7. Картины.

Всякому извѣстно, что и картины служатъ предметомъ поддѣлки и что есть живописцы, спеціально этимъ занимающіеся. Несомнѣнно также, что такого рода картины въ случаѣ подозрѣнія должны быть отсылаемы или въ академію художествъ, или вообще въ подобное первоклассное учрежденіе. Въ этихъ случаяхъ С. С. не долженъ приостанавливаться въ дѣйствіяхъ своихъ, хотя бы какіе-нибудь признаки и показались ему удостовѣряющими подлинность картины. Считая себя «понимающимъ» кое-что и не усматривая съ перваго взгляда признаковъ поддѣлки, С. С. сочтетъ даже нужнымъ успокоить потерпѣвшаго, обратившагося къ нему съ жалобой, и отсовѣтовать ему возбужденіе уголовнаго дѣла. Онъ осматриваетъ картину и находитъ, что живопись дѣйствительно хорошая и старинная, онъ провѣряетъ тонъ и находитъ его «золотистымъ и потемнѣвшимъ», а между тѣмъ это произошло вовсе не отъ древности, а просто отъ притиранія картины лакрицей; онъ усматриваетъ «древняго происхожденія пятна», которыя въ дѣйствительности сдѣланы искусственнымъ образомъ при помощи золы и гумми. Затѣмъ С. С. обращаетъ картину другой стороною и видитъ древнее, потемнѣвшее полотно съ стариннымъ штемпелемъ; дѣйствительно и полотно и печать подлинные, но ранѣе на этомъ кускѣ полотна была написана картина малоцѣнная, фальсификаторъ же изобразилъ на ней копію какой-нибудь знаменитой картины. Плѣсень на ней искусственная, монограммы художника поддѣланы, рама снята съ какой-нибудь другой картины, и такимъ образомъ все — поддѣлано, несмотря на кажущуюся подлинность. Поэтому никогда не слѣдуетъ въ этихъ случаяхъ торопиться съ своимъ заключеніемъ, это всегда рискованно.

ныхъ драгоценностей доказываетъ знаменитая исторія о кладѣ этрусскаго золота, который за большую сумму денегъ намѣревался купить Ватиканъ у нѣкоего Росси. И только іезуитъ Гартманъ Гриза доказалъ поддѣльность клада. Но окончательно этотъ вопросъ однако до сего времени не рѣшенъ.

Относительно новых картинъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что фальсификаторы весьма охотно на аукціонной продажѣ имущества какого-нибудь извѣстнаго художника скупаютъ недоконченныя или только что начатыя имъ картины, или даже первоначальныя его наброски съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи додѣлать ихъ и затѣмъ въ качествѣ подлинныхъ пустить въ продажу. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что существованіе одной картины въ двухъ экземплярахъ еще не доказываетъ, чтобы одна изъ нихъ была поддѣльной. Самые знаменитые художники въ наше время по заказу изготовляютъ вторые, третьи, десятыя экземпляры тѣхъ своихъ картинъ, которыя пользуются успѣхомъ. Первые экземпляры сбываются въ Англіи, вторые—въ Германіи, третьи—въ Америкѣ, иногда же онѣ сходятся и поближе. и каждый владѣлецъ имѣетъ такимъ образомъ «подлинникъ».

Много существуетъ любопытныхъ разсказовъ о томъ, какъ настоящіе знатоки картинъ вводились въ заблужденіе поддѣлками, и все-таки весьма рѣдко эти случаи доходятъ до слѣдственной власти, хотя понесенныя потерпѣвшими убытки превышаютъ иногда и тысячи.

8. Г р а в ю р ы .

Гравюры поддѣлываются въ наше время по преимуществу фотохимическимъ путемъ, и при удачномъ выборѣ бумаги и окрашиваніи ея кофеемъ или табачнымъ сокомъ и, конечно, при условіи хорошей отдѣлки, только весьма свѣдущій знатокъ можетъ обнаружить обманъ. Убытки покупающихъ такія поддѣлки бываютъ довольно крупныя, если поддѣлываются рѣдкія гравюры на мѣди, эстампы и т. п. Къ счастью, подлинныя экземпляры по большей части находятся въ прочныхъ рукахъ, такъ что достать образцы для поддѣлокъ очень трудно. Но, какъ мы уже не разъ говорили, злоумышленники въ такихъ случаяхъ ищутъ обходныхъ путей: нѣкоторыя изъ учреждений изящныхъ искусствъ издають фототипическія сборники снимковъ съ лучшихъ старинныхъ гравюръ, которыя и приобрѣтаются людьми, понимающими искусство, но недостаточно богатыми, чтобы имѣть подлинники. И вотъ перепродавая эти снимки во вторыя, третьи руки, торговцы часто умалчиваютъ о дѣйствительномъ происхожденіи этихъ гелиографюръ и выдаютъ ихъ за подлинныя.

Настолько же часто съ хорошихъ копій гравюръ (съ помѣтою: гелиографюра изъ такой-то художественной мастерской) вновь изго-

товляются копии, но уже безъ этой помѣты. Если взять подходящую бумагу, то поддѣлку обнаружить весьма трудно.

Иногда гравюры поддѣлываются просто отъ руки. Я знаю одного пожилого господина, владѣльца большой, весьма цѣнной коллекціи старинныхъ вещей; въ числѣ ихъ была книга: «Steierisches Schlosserbuch» Фишера, хотя и распространенная во многихъ экземплярахъ, но ни одна изъ нихъ не полная. Чтобы имѣть полный экземпляръ, мой знакомый съ остальныхъ экземпляровъ недостающія части, при этомъ и гравюры, срисовалъ самъ перомъ. Разсматривая однажды эту книгу, я не могъ отличить копии отъ подлинныхъ. Если это могъ сдѣлать знакомый, то поддѣлыватель легко можетъ достигнуть такого же совершенства.

9. Э м а л ь.

До какихъ размѣровъ можетъ дойти поддѣлка издѣлій изъ эмали, доказываетъ дѣло о Сам. Вейнингерь, обвинившемся въ поддѣлкѣ драгоцѣнныхъ издѣлій изъ извѣстной коллекціи герцога Моденскаго (1876—1877 г. см. «Neue freie Presse», февраль 1877 г.).

10. Фаянсъ, каменная посуда и фарфоръ.

Эти издѣлія требуются въ большомъ количествѣ для коллекцій и украшеній, и вслѣдствіе этого производство ихъ весьма значительно. Весьма трудно опредѣлить поддѣлку такихъ предметовъ, если они выдѣлываются на старыхъ заводахъ по старымъ образцамъ и подъ старинными клеймами. Несомнѣнно, къ поддѣлкѣ слѣдуетъ отнести все, что выдѣлывается подъ настоящимъ клеймомъ лицами, не имѣющими на это клеймо права. Рядомъ съ старой мебелью, среди старинныхъ вещей продается и старинная посуда, отыскивать которую предоставляютъ самому покупателю. Поддѣльные вещи передаются въ какую-нибудь крестьянскую избу или въ какое-нибудь бѣдное мѣщанское семейство для пользованія, и затѣмъ обращаютъ на нихъ вниманіе любителя. Въ средствахъ, какъ именно стараются обратить вниманіе любители, и заключаются вся ловкость этого обмана. Для этого пользуются прислугой, маленькими торговцами, публикуютъ въ газетахъ и такимъ путемъ ловятъ покупателя.

При производствѣ такой поддѣльной посуды, пользуются тѣми же приемами, какъ и при поддѣлкѣ серебрянныхъ издѣлій. Такъ какъ старинное выжиганіе, старинная глазурь и вообще старинные

«колеры» особенно на фаянсѣ и фарфорѣ.. не легко поддаются поддѣлкѣ, то фальсификаторы предпочитаютъ покупать какую-нибудь старую посуду безъ рисунковъ, въ особенности тарелки и блюда, которыя и покрываютъ иногда прямо художественными рисунками и вновь выжигаютъ. Получается превосходное соединеніе истины и лжи, старины и новизны, и трудно признать эту посуду новою по происхожденію, если только фальсификаторъ имѣетъ для подражанія дѣйствительно хорошіе образцы.

Особенно изящныя издѣлія такого рода выпускаются фирмою Sanson, въ Парижѣ (rue Berganger), и произведенія этой фирмы можно встрѣтить въ коллекціи многихъ любителей.

11. Рукописи, книги и переплеты.

Рукописи при нѣкоторой опытности поддѣлываются очень хорошо; современная, идущая впередъ техника не встрѣчаетъ трудностей для воспроизведенія стараго шрифта, и въ соединеніи подлиннаго и поддѣльнаго ловкость и дерзость идутъ рука объ руку. Часто шрифтъ подлинный и подобный ему, сдѣланный при помощи фотогравюры, или части совершенно разныхъ шрифтовъ, такъ ловко соединяются, что сами фальсификаторы, спустя короткое время, не въ состояніи сказать, гдѣ правда и гдѣ ложь.

Одно изъ обычнѣйшихъ такихъ «соединеній» заключается въ томъ, что хорошіе переплеты съ книгъ менѣе цѣнныхъ или книгъ, не имѣющихъ сбыта, надѣваются на книги, имѣющія спросъ, или же поддѣлываютъ недостающіе заглавные листы книги, или ихъ печатаютъ вновь приблизительно одинаковымъ шрифтомъ или же подплетаютъ совершенно иной заглавный листъ. Удивительно, что въ этомъ отношеніи фальсификаторы дѣйствуютъ особенно смѣло, и хотя бы знатоки умѣли различать каждую букву въ книгѣ, они позволяютъ себѣ предлагать имъ книгу, въ которой вплетенъ заглавный листъ, совершенно несоответствующій тексту книги ¹⁾. Весьма часто заглавные листы (буквы и виньетки) исполняются отъ руки, химическимъ способомъ переводятся на цинкъ и такимъ образомъ отпечатываются. Если это сдѣлано хорошо, то едва ли можно отличить ихъ отъ подлинныхъ шрифтовъ.

Особенно удачно примѣняются «анастатическій способъ» печатанія Аппеля и улучшенный способъ воспроизведенія Рейнеке; при помощи ихъ можно получить нѣсколько экземпляровъ одного печат-

¹⁾ Особенно въ изданіяхъ Священнаго Писанія.

наго листа (напр. заглавнаго листа, недостающаго въ нѣкоторыхъ экземплярахъ книги).

Не слѣдуетъ, впрочемъ, спѣшить въ этихъ случаяхъ съ признаніемъ подлинности поддѣлки. Извѣстно, что т. называемые фальцы, въ которые сшиваются отдѣльные листы книги, въ прежнее время часто выдѣлывались изъ пергамента, на которомъ оказывались иногда цѣнные надписи. Вотъ почему ученые изслѣдователи, особенно филологи, прямо охотятся на такіе фальцы и нерѣдко обнаруживаютъ на нихъ отрывки какого-нибудь важнаго древняго сочиненія, старинныя стихи и т. п. Для этой цѣли не одна древняя книга раслеталась, фальцы снимались и книга вновь переплеталась. Цѣнность книги вслѣдствіе этого, конечно, измѣнилась, но все въ ней, кромѣ переплетнаго матеріала, сохранило подлинность. Въ послѣднее время особенно усердно занялись собираніемъ цѣнныхъ книжныхъ переплетовъ, за которые уплачиваютъ большія суммы. И конечно, тотчасъ же появились поддѣльные переплеты такого рода. Переплеты изъ библиотекъ извѣстнаго французскаго библиофила Гролье и Майоли поддѣлываются такъ хорошо, что напр. въ одномъ германскомъ музеѣ красуется какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ коллекціи поддѣльный переплетъ на книгѣ: «*Hurperotomachia*» Полифила.

Весьма удачны бывають поддѣлки и пользуются большимъ спросомъ «*Ex libris*» и издательскія клейма.

12. Мебель и матерія.

Когда нѣсколько десятилѣтій назадъ начали увлекаться старинными вещами изъ домашней обстановки предковъ, то безъ особаго труда и съ небольшими затратами удавалось обставлять квартиры мебелью и предметами дѣйствительно старинныхъ временъ. Но эта мода съ рѣдкою быстротой стала всеобщей, и всякій началъ стремиться приобрести «старинную нѣмецкую» мебель: подлинныя старинныя вещи скоро исчезли съ рынка и достать ихъ можно было только за очень дорогую цѣну. Затѣмъ это увлеченіе скоро остыло и въ моду вновь вошли вещи эпохи болѣе новой (времени національнаго объединенія), или современнаго англійскаго фасона. Въ настоящее же время вновь возвращаются и моды времени Возрожденія, и въ частности стариннаго германскаго періода этой эпохи. Какъ всегда и вездѣ, коммерсанты съ величайшею готовностью стали заботиться о пополненіи этого недостатка. Они стали знакомиться съ такими старинными предметами и способами ихъ

производства; въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ начали открываться такія сокровища, ихъ подновляли, дополняли, подражали имъ, и скоро дѣйствительныя старинныя вещи стали чрезвычайно рѣдкостью. Поддѣлки же этихъ вещей рѣдко удаются хорошо, нѣтъ уже подходящихъ инструментовъ, настоящаго матеріала, красокъ и нѣтъ нужнаго для работы терпѣнія. Къ этому присоединяется еще и то важное обстоятельство, что поддѣланная мебель выходитъ изъ рукъ только простаго ремесленника, а не художника, какъ напр., картины, статуи и под., и поэтому при поддѣлкахъ этихъ совершаются иногда столь грубыя ошибки, что прямо удивительно, какъ «интеллигентные» люди попадаютъ въ обманъ. Напр., торговецъ, нашедшій гдѣ-либо дѣйствительно красивый старинный ларецъ, отнюдь не оставляетъ его въ томъ же видѣ: онъ разбираетъ его по частямъ и фабрикуетъ цѣлый рядъ новыхъ ларцевъ, изъ которыхъ каждый получаетъ только одну часть настоящаго стариннаго ларца: одинъ ларецъ — крышку, другой — одну боковую стѣнку, третій — переднюю стѣнку и т. д. При продажѣ, на глаза всегда выставляется подлинная часть и такъ демонстрируется, что покупатель въ концѣ концовъ убѣжденъ въ томъ, что приобрѣлъ дѣйствительно старинную вещь.

Матеріалъ для такихъ поддѣлокъ получается всяческимъ способомъ: при сносѣ какого-нибудь ветхаго дома остается всегда много стараго, изъѣденнаго червями дерева; содержатель желѣзной лавки поставляетъ старинныя замки, которые придѣлываются къ новому ларю; одной старинной петли достаточно для того, чтобы фальсификаторъ сдѣлалъ другой подобный экземпляръ и на нихъ навѣшивается подходящая дверца. Какой-нибудь старый разорванный кусокъ матеріи служить для обивки только что сдѣланной табуретки, двѣ старыя печныя кафли вдѣлываются въ видѣ филе-нокъ въ дверкахъ какого-нибудь шкафика, и двѣ дѣйствительно старинныя часовыя стрѣлки прикрѣпляются къ новому механизму и крышкамъ.

Если же фальсификаторъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи даже и такихъ старинныхъ частей, то все просто дѣлается заново: дерево вымачивается въ ѣдкомъ растворѣ, вывѣшивается въ трубѣ, варится или инымъ способомъ обрабатывается, затѣмъ въ мастерской дѣлаются въ немъ отверстія, какъ бы изъѣденныя червями, иногда прострѣливаются мелкою дробью, края истачиваются, иногда отламываются и вновь составляютъ такъ, чтобы такая починка бросалась въ глаза. Бархатъ для обивки промывается, бумага для

оклейки шкафовъ изнутри вынимается изъ старыхъ книгъ. Желѣзные части искусственнымъ образомъ покрываются ржавчиной при помощи соляной кислоты и затѣмъ для вида подчищаются. И если окажется нужнымъ, то такимъ способомъ выдѣланная вещь сдается въ крестьянскую избу, куда и направляютъ покупателя, желающаго чѣмъ-нибудь пополнить свою «старинную пѣмецкую» обстановку ¹⁾).

Не надо быть знатокомъ, чтобы найти въ такой вещи недостатокъ. Знатокъ уже издали «чууетъ» ложь, если можно такъ выразиться, но и всякій внимательный наблюдатель можетъ легко замѣтить несообразности. Именно слѣдуетъ обращать вниманіе на пѣлостность впечатлѣнія, такъ напр., несообразно, если ларецъ, который въ прежнія времена, какъ извѣстно, служилъ и для сидѣнія, имѣетъ на крышкѣ остро-рѣзущіе бруски; несообразно, если снаружи онъ имѣетъ видъ сильно подержанный, а бумага, которою онъ оклеенъ изнутри, хотя и старая, но хорошо сохранилась, безъ всякихъ клочковъ. Далѣе несообразно, если шкафъ носить слѣды долговременнаго пользованія, а между тѣмъ внутреннія части замка такъ свѣжи, какъ будто только что взяты изъ мастерской слесаря,—что, впрочемъ, и соответствуетъ истинѣ. Такія и тому подобныя несообразности, которыя не относятся къ выдѣлкѣ мебели, а источникомъ своимъ имѣютъ лишь недостатокъ сообразительности, всякій мыслящій человекъ легко можетъ подмѣтить.

13. О р у ж і е.

Оружіе поддѣлывается тѣми же способами, какъ и мебель, и такимъ же путемъ поддѣлка обнаруживается. Въ такого рода оружіи недостаетъ той тщательности, требующей много времени, въ работѣ, которая въ старомъ оружіи замѣтна во всѣхъ мелочахъ и деталяхъ. Такъ напр., ни одинъ знатокъ, можетъ быть, не обнаружитъ поддѣлки красиваго панцыря, если будетъ обращать вниманіе свое исключительно на главныя его части, но если поближе присмотрѣться къ заклепкамъ, къ кожаной обшивкѣ, къ соединительнымъ частямъ и другимъ мелочамъ, то даже и несвѣдущій че-

¹⁾ Объ этихъ экскурсіяхъ, предпринимаемыхъ не только новичками, но и опытными коллекционерами, рассказываютъ прелюбопытные случаи, передаваемые изъ достовѣрныхъ источниковъ. Напоминаю о сообщеніяхъ коллекціонера ф. Лихдорфа объ одномъ персѣ „съ весьма грустными глазами“, который подобралъ для него къ одной вазѣ другую одинаковую, о замурованномъ слюдѣ въ Пизѣ и т. под.

ловѣкъ заподозритъ обманъ. Ржавчина вызывается искусственнымъ путемъ, прижиганія, вырѣзанія и украшенія возможны и въ наше время, но старая ржавчина, образовавшаяся за значительный промежутокъ времени, все-таки имѣетъ иной видъ, нежели вновь появившаяся. Въ украшеніяхъ сказывается поспѣшность работы и отсутствіе той точности и тщательности, которою отличались наши предки. Кто разъ видѣлъ подлинное рядомъ съ поддѣльною вещью и усвоилъ себѣ разницу между ними, тотъ уже не ошибется потомъ никогда.

Вообще должно помнить слѣдующее. Образованный знатокъ старинныхъ вещей всегда найдетъ въ каждомъ случаѣ, хотя бы пристрастіе его касалось и иной сферы, напр., мебели, фарфора, и хотя бы ему чуждо было понятіе о техникѣ оружія, онъ все-таки отличить поддѣльное старинное оружіе. Необразованный же антикварій, только называющій себя знатокомъ, хотя иногда и угадываетъ кое-что вслѣдствіе своей опытности, дѣйствуетъ въ нѣкоторомъ родѣ инстинктивно, такъ что съ увѣренностью полагаться на его сужденія нельзя.

14. Предметы другого рода.

Кромѣ перечисленныхъ наиболѣе важныхъ предметовъ, искусство поддѣлки обращается и на все прочее, что только является предметомъ увлеченія собирателей древностей. Матеріи изготовляются на старинныхъ ручныхъ станкахъ, слоновая кость размягчается въ уксусѣ, на ней вырѣзывается все, что нужно, послѣ чего она снова кладется въ воду и твердѣетъ. При этомъ нѣсколько страдаютъ формы предмета, но это не считаютъ недостаткомъ, такъ какъ вещь кажется болѣе «настоящею». Въ концѣ концовъ предметы, вырѣзанные изъ слоновой кости, окрашиваются въ желтоватый цвѣтъ посредствомъ дыма или пота. Eudel рассказываетъ объ одномъ еврей, который вырѣзывалъ красивыя вещи изъ слоновой кости и заставлялъ жену свою носить эти вещи у себя за корсетомъ, пока онѣ не сдѣлаются желтоватыми и «старинными».

Относительно бронзовыхъ вещей способъ выдѣлки занимаетъ второстепенное мѣсто; матеріала достаточно, формы выдѣлываются и отливаются безъ особыхъ затрудненій; самое трудное, это—пatina (бронзовка), но и въ наше время она поддѣлывается столь удачно, что часто нельзя отличить поддѣлку. Превняя искусственная бронзовка легко смывалась лимоннымъ сокомъ; бронзовки

современныя этому вліянію уже не поддаются ¹⁾. Точно также рѣше легко было узнать «бронзовыя» вещи, сдѣланныя гальванопластическимъ способомъ, по тѣмъ отверстіямъ, которыя образовались вслѣдствіе прикосновенія проволоки, проводившей электрической токъ. Нынѣ эти отверстія высверливаются, какъ слѣдуетъ, но наполняются веществомъ, легко расширяющимся (сплавъ изъ 9 частей свинца, 2 частей сурьмы и одной части висмута), которое при остываніи увеличивается въ объемѣ, а получающееся вслѣдствіе этого бѣлое пятно прикрывается тщательно бронзовкой.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ часто поддѣлывается скрипка. Прежде думали, что Аматти, Штайперъ, Страдивариусъ, Гварнери и прочіе знаменитые мастера скрипокъ весь секретъ своего искусства скрывали въ формѣ скрипки и лакировкѣ ея, и что скрипки ихъ принимали хорошій тонъ отчасти и вслѣдствіе истеченія болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Но форму и лакъ легко можно поддѣлать, а время можетъ только способствовать высыханію дерева. Врядъ ли найдется въ наше время вѣрующій въ то, чтобы частицы дерева, вслѣдствіе продолжительной игры на инструментѣ располагались въ иномъ и болѣе благоприятномъ въ звуковомъ смыслѣ порядкѣ. При микроскопическомъ изслѣдованіи оказалось, что старые скрипичные мастера употребляли исключительно дерево, росшее своеобразно (съ своеобразнымъ наслоеніемъ колецъ древесины, паростающихъ ежегодно); такое дерево крайне рѣдко и кто найдетъ его и какъ должно просушить, тотъ и можетъ выдѣлать «старинную» скрипку ²⁾. Съ другой стороны многіе утверждаютъ, что вслѣдствіе продолжительной игры на скрипкѣ происходятъ измѣненія въ положеніяхъ тончайшихъ древесныхъ волоконъ или ихъ атомовъ.

Лучшіе знатоки, однако, не дадутъ себя ввести въ заблужденіе, если разберутъ скрипку по частямъ. Но гдѣ можно тотчасъ же найти первокласснаго знатока, и кто рискнетъ разобрать этотъ драгоценный инструментъ по частямъ? Итакъ, поддѣльныхъ скрипокъ существуетъ очень много ³⁾.

¹⁾ Напр. вслѣдствіе погруженія въ растворъ уксуса и затѣмъ дѣйствія углекислымъ газомъ, или же повторнаго погруженія въ смѣсь изъ 94½ ч. дистиллированнаго уксуса, 4½ нашатыря и 1 ч. плавильнокислаго кали.

²⁾ Въ настоящее время утверждаютъ, что можно придать видъ стариннаго дерева посредствомъ удаленія смолистыхъ и маслянистыхъ веществъ изъ дерева. Нѣкто Ренэ въ Штеттинѣ указываетъ средствомъ для этого озонированный кислородъ.

³⁾ По этимъ дѣламъ С. С. полезно наводить справки и въ литературѣ. Укажу

Затѣмъ относительно всѣхъ прочихъ предметовъ, служащихъ объектомъ фальсификаціи, можно сказать коротко: поддѣлывается все, что только обѣщаетъ барышъ: часы, замки, ключи, кружева, оловянная посуда, игральные карты, вѣера, восковые слѣпки, рельефы на кельгеймскихъ пластинкахъ, камни съ рѣзьбой, предметы обыденнаго обихода и, наконецъ, даже игрушки для дѣтей. Говоря откровенно, мы должны сознаться, что все это служить не къ чести правосудія, такъ какъ безстыдное и почти всегда безнаказанное существованіе такого промысла можетъ дѣйствовать только развращающимъ образомъ. «Если это разрѣшено, почему же не дѣлается то и то..?» И въ самомъ дѣлѣ трудно найти отвѣтъ на вопросъ, почему мошенничество, которое изобличить легко, наказывается строго, между тѣмъ какъ мошенническое профессиональное вымогательство крупныхъ суммъ оставляется безъ наказанія. И неужели это—только потому, что изобличеніе виновныхъ въ этомъ случаѣ сопряжено съ бѣльшимъ трудомъ, съ необходимостью обстоятельнаго изслѣдованія и обращенія къ услугамъ спеціалистовъ. Пусть не возражаютъ мнѣ, что не велика бѣда, если терлетъ свои деньги тотъ, который, во что бы то ни стало, желаетъ отъ нихъ отдѣлаться. Во-первыхъ, не каждый собиратель древностей занимается этимъ ради одной прихоти, и во-вторыхъ, поддѣльные вещи попадаютъ и въ публичныя коллекціи, въ которыхъ онѣ служатъ серьезнымъ цѣлямъ и могутъ стать предметомъ культурно-историческихъ изслѣдованій, а такимъ путемъ могутъ легко создаться самыя нежелательныя заблужденія. Вотъ почему трудъ, затрачиваемый на разслѣдованіе такого рода обмановъ, несомнѣнно, долженъ принести и благіе результаты.

лучшія сочиненія Г. Гарта (Лондонъ), Генриха Гретчль (Веймаръ), W Pease jun (Лондонъ) и въ особенности г. Дрогемайера: Die Geige
Время. 1892.